

Мы — Северо-Восток

Литературный сборник камчатских авторов

Петропавловск 2025 Камчатский

УДК 82+639
ББК 84Р7+47.1
М-94

Редакторы-составители С. В. Гаврилов, В. И. Нечаев

*Издание осуществлено при поддержке губернатора
Камчатского края В. В. Солодова, Министерства культуры
Камчатского края и Камчатского регионального отделения
общественной организации «Союз писателей России»*

М-94 Мы — Северо-Восток : литературный сборник камчат-
ских авторов. — Петропавловск-Камчатский : ООО «Новая
книга», 2025. — 272 с.

ISBN 978–5–907448–70–4

Сборник составлен из поэтических и прозаических работ ещё только начинающих и уже «начавших» литераторов, связанных с Камчаткой и живущих на ней — на «Полуострове вдохновения» и «Земле над океаном», как некогда назывались и называются сейчас наши местные литературные объединения. Особенностью сборника являются тематические иллюстрации, подготовленные художниками-профессионалами и любителями, а также учениками художественных школ, в том числе и авторами представленных литературных произведений.

УДК 82+639
ББК 84Р7+47.1

ISBN 978–5–907448–70–4

© Авторы, 2025
© Министерство культуры
Камчатского края, 2025
© МБУ ДО «ЦТРИГО», 2025
© ООО «Новая книга», 2025

От редакторов

Непосредственным поводом к изданию этого литературного сборника послужила встреча камчатских писателей, членов регионального отделения общественной организации «Союз писателей России» с губернатором Камчатского края В. В. Солодовым. Причина встречи, прошедшей в марте 2024 г. в стенах краевой научной библиотеки имени С. П. Крашенинникова, значительная — в ноябре этого года исполнялось 50-летие со дня создания Камчатской писательской организации, как она тогда называлась. Одна из наших нынешних задач — подготовка творческого резерва из числа как начинающих, так и вполне взрослых литераторов, пока «не охваченных членством» в Союзе. Среди прочего, на встрече прозвучала мысль о становящейся всё более сложной возможности обнародования ими итогов своих трудов. А это сдерживает рост и восполнение наших творческих рядов, ведёт к самому настоящему старению профессиональных писательских сил.

Мы были услышаны, губернатор пообещал помочь: «Я поручу выделить средства целевым образом. Из них половину нужно направить на поддержку молодых писателей. А Камчатское отделение Союза писателей и издательский совет должны определить, как это будет конкретно работать...» Вот оно, как нам теперь представляется, и сработало.

При подготовке творческих работ к публикации нам показалось местным разделить их на две части.

Первая, названная «Пробой пера», составлена из сочинений совсем молодых авторов. В их числе 18 участников и победителей краевого конкурса «Камчатка — родина талантов» 2024 г., ежегодного Всероссийского литературного конкурса «Класс!», учащиеся и недавние выпускники уникального учебного заведения, ныне официально именующегося Центром творческого развития и гуманитарного образования. В народе же его, ещё в 1990-е созданного трудами ответственного секретаря Камчатской писательской организации Николая Васильевича Санеева, по-прежнему называют «Школа юных литературных дарований», или совсем попросту — «Светёлка».

Вторая часть «Я возьму и открою тетрадь...» составлена из трудов 21 старших авторов, как по своему «физическому» возрасту, так и по творческим возможностям. Интересно, что значительная часть их — тоже выпускники «Светёлки». Так что теперь мы наглядно можем на примере приведённого ниже увидеть самую настоящую «преемственность поколений» камчатских литераторов.

Сергей Гаврилов

Электронную рукопись сборника я прочитал с интересом. Мне кажется, что настоящий сборник не отражает современное состояние литературных дел на камчатской земле, поскольку он исключает поэтов и писателей, состоящих в профессиональном писательском Союзе. Нет в нём и ныне здравствующих поэтов, которых можно было бы назвать камчатским андеграундом и которые замолчали по разным причинам. Однако и молчание может быть весомо. Поэты из второго раздела сборника — всё те же «молчащие», только лет на двадцать — тридцать моложе. Попад «в рыночные отношения», им повезло ещё меньше. Однако и они, перевалившие своё сорокалетие, вне массовой культуры. Они — неизвестные. Как сложится дальнейшая их литературная судьба — Бог знает...

Мне не хотелось отдельно кого-то выделять, дабы не обидеть остальных, неназванных и неотмеченных. Но, как говорится, положение обязывает. Стихи Ивана Ковалькова заставили меня несколько раз к ним вернуться. Вот первый признак качества. Иван, поэт из первой части книги, уже не мальчик, и, если не оставит стихотворчества, из него может выйти толк. Я мог бы сказать это и об остальных участниках раздела «Проба пера».

Поэзия Нины Чередниченко из второго раздела «Я возьму и открою тетрадь» побуждала меня воскликнуть: «Браво!» Да и остальные порадовали свежестью голосов: Яна Бенько, Дарья Норд, Анна Дорошенко, Ася Беляева, другие, хорошие и разные. И тоже не мальчики, но мужи, вполне отстоявшиеся и достойные отдельных своих книг: Павел Пушкарёв, Кирилл Зуб, Лев Черкашин. О стихах Стаса Германцева и Насти Тетрад я скажу в другом месте.

«Причёсывать» поэта — не благое дело. Потом, по необходимости, он сам приведёт себя в порядок. Или, точнее, железная логика формы, языка, литературного и житейского опыта поставит всё на свои места.

Остается только пожелать авторам попутных творческих ветров. Пишите, и откроется вам!

Владимир Нечаев

ПРОБА ПЕРА

Полина ДЕ

Случайный сюрприз

Мама сидела и горько плакала.

С самого утра всё пошло не так. Подгорел завтрак, не вовремя разрядился телефон, из-за пробок она опоздала на работу, в спешке пролила на себя кофе...

Но это было не самое страшное. Главная сложность была в приближающемся празднике — Дне защитника Отечества.

Всё дело в том, что мама хотела подарить большой набор инструментов своему мужу, мастеру по обработке минералов. По почте пришла красивая блестящая коробка. Но под её нарядной упаковкой скрывался «гадкий утёнок». Из-за спешки мама не проверила, кто поставщик. В итоге в тяжёлой коробке вместо инструментов оказался какой-то большой, серый и некрасивый камень...

«Меня обманули!» — плакала мама над своей ошибкой.

Она кинула коробку в сторону и метнулась собираться в магазин за новым подарком. Но её остановили звон ключей за дверью и стук ботинок в коридоре. Всё, растаяла последняя надежда выйти из положения.

Папа вошёл в гостиную и направился прямо к своей впопыхах одетой жене.

— С праздником тебя! — сказала мама и начала судорожно придумывать оправдания, почему она без подарка. Может, сказать, что она вручит его позже? Но тогда она не успеет сходить за новым. Или сказать, что подарок не успел прийти? Но новый и правда не успеет прийти...

Пока мама обдумывала возможные ответы, в комнату забежала их маленькая дочь и вскрикнула, указывая на помятую, яркую посылку:

— Ой, мама, а что это? — девочка улыбалась и показывала пальцем на предательски сверкающую коробку.

Полина Де. «Случайный сюрприз».
Рисунок Е. Кузнецовой, 14 лет, МБУ ДО МДШИ.
Преподаватель С. В. Порошина, с. Мильково

Папа посмотрел, куда указывала маленькая ручка. И подошёл к странной вещи. Он вытащил её содержимое и начал его разглядывать. Мама совсем отчаялась и начала оправдываться:

— Э... Это... — едва слышно бормотала мама...

— Это же сиреневый аметист! — воскликнул папа.

Оказалось, что из-за удара об пол камень раскололся, а внутри него оказался красивый кристаллический минерал.

Папа был в восторге. Ведь что может быть лучше для мастера, чем столько ценного поделочного камня!

Милена ДУБОВСКАЯ

Чтобы помнили...

Удивительное памятное место, куда хочется приходить... Эта старая ива — напоминание моего детства. Время, полное радости, предвкушений; время мечтаний и воспоминаний, время фантазий...

Утро ничего не предвещало. Бабушка встала рано, подоила корову, быстро управилась по хозяйству. Я проснулась от вкусного запаха свежего хлеба, пения птиц за окном в саду, лысканья котёнка по моей щеке.

— Прекрасное летнее утро! — подумала я, опустив Муську на пол.

Раскрыв окно настежь, почувствовала запах свежего хлеба. На кухне бабушки не было. Я отломила пахучий кусочек, запила его парным молоком и выбежала во двор.

— Бабуля! Ты где? — крикнула я во весь голос. В ответ залаял Тимка. Скрипнула калитка, и я поняла, что кто-то зашёл к нам во двор. Это была соседка, давняя подруга моей бабули, Степанида Петровна.

«И что ей понадобилось в такую рань?» — подумала я.

Мне стало интересно. Забежала в дом, накинула халат и уже собралась на улицу, как вдруг услышала голос бабули:

— Здравствуй, дорогая Степанидушка! Ну, пойдём к нашей ивушке, она нас ждёт.

— Пойдём, дорогая Егоровна, пойдём, — прозвучало в ответ.

Ива была старая, но очень красивая. Её длинные увесистые ветки склонялись до самой земли. В жару под ними можно было спрятаться от палящего солнца. А вечерами мы частенько собирались

там на чаепитие с клубничным вареньем и булочками с маком. Как я любила такие посиделки!

Мне стало страшно интересно, почему утром Степанида Петровна и бабушка суетились возле старой ивы, и я решила к ним подойти и всё узнать. Подруги сидели под ивой и что-то напевали. На бабушке была её любимая разноцветная шаль, подарок деда. А Степанида Петровна накинула на плечи косынку в подсолнухах. Опять любопытство взяло верх: что за день сегодня такой, что они надели на себя красивые платки?

Снова скрипнула калитка, и уже несколько незнакомых мне пожилых женщин быстро прошли во двор и напрямик направились в сторону ивы.

— Да, загадка... и что это за такие утренние посиделки? — спрашивала я себя.

Все женщины рассаживались вокруг ивы молча. А потом вдруг оттуда донёсся красивый протяжный женский голос. Это пела моя бабушка, потом песню подхватила соседка, потом другая, третья, и так все хором как затянули... Да так красиво, нежно, тоненько... Мне показалось, что даже птицы перестали петь и на какое-то время решили тоже послушать такое удивительное исполнение.

Подошла поближе, но не решилась нарушить их уединение. Дождалась окончания песни. Бабушка меня заметила и подошла. Наверное, на моём лице было написано удивление. И тогда, не дожидаясь моего вопроса, бабуля сказала: «Это наша традиция приходить каждый год, 22 июня, рано утром, к иве, её посадил твой дедушка перед уходом на войну. У всех этих женщин мужья погибли на войне, вот мы и собираемся здесь, у старой ивушки, чтобы помянуть их...»

Я крепко-крепко прижалась к бабуле, и мы медленно пошли к старому дереву.

Дарья ИВАНОВА

Зонт в моей руке

— Юноша, вы в порядке?

Я поднимаю глаза. Высокий мужчина в чёрном пальто приближается ко мне не торопясь. По мере приближения звук его шагов становится всё отчётливее и громче. «Что ему нужно?» — подумал я.

— Если вы хотели закурить, то прошу не стесняться. Мне всё равно, — получилось немного грубо, но быть вежливым сейчас совсем не хотелось.

Незнакомец выдыхает устало, но не уходит. Зонт, что до этого он держал в руке, опускается вниз. Я слышу, как его фигура прислоняется спиной к бетонной стене. Но характерный звук зажималки так и не раздаётся.

— Возможно, это неправильно с моей стороны — влезать в чужое дело. Но... Вы выглядите печальным.

Я, сидя на школьном рюкзаке, остаюсь на месте. От мокрой бетонной плиты веет холодом, но двигаться не хочется. Устремляю взгляд вверх. Снизу фигура незнакомца кажется устрашающей.

— Вы правы — это не ваше дело. И то, что я здесь, вас не касается, — получается тихо, не так уверенно, как хотелось, но голос хотя бы не дрожит на последних словах.

— Верно подмечено. Но отчего-то мне кажется, что я именно тот, с кем можно поговорить, — незнакомец прячет руки в карманы, всё также опираясь на стену, ощущая всю промозглость этого места.

Я замолкаю, отворачиваюсь в противоположную сторону. Его взгляд чувствуется даже сквозь одежду. Что ему от меня нужно? Глаза вновь начинает щипать.

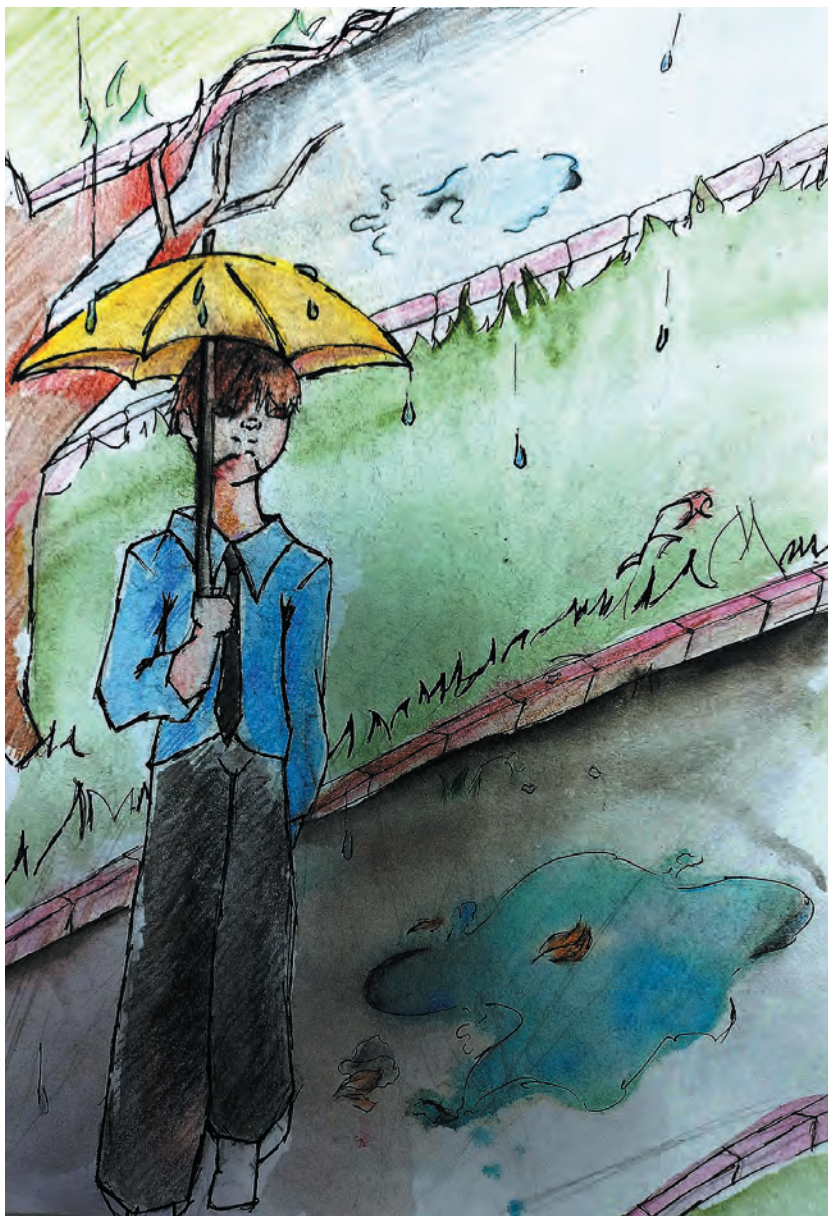
На улице монотонно льёт дождь. Шум падающих капель слышен даже здесь, далеко в тоннеле. Становится зябко, хочется поскорее попасть домой, укрыться одеялом и почувствовать заветное тепло. Голова тяжёлым грузом опускается на плотно сжатые колени. Ещё спать хочется сильно. Сколько часов я уже здесь сижу? Два, три или может пять? Не знаю, а телефон совсем разрядился. И ещё этот мужчина. Всё стоит, как скала, чувствую его тень даже с закрытыми глазами.

— Пожалуйста, уйдите, — всё, на что меня хватает, а из глаз снова брызжут слёзы. Сколько можно? Откуда они только и берутся? Сдерживать себя не получается.

— Ну, как я уйду, — отвечает. — Мы только начали разговор... Вот же.

— Значит, я сам уйду!

Вскакиваю с места, зная, что зонта у меня нет и что промокнуть так или иначе придётся. Но уж лучше это, чем оставаться здесь, с этим странным незнакомцем. Пелена слёз снова застилает глаза. В летних кедах хлупает холодная вода. Я посильнее натягиваю капюшон на голову и перехожу на бег. Позади тишина. Значит, не

Д. Иванова. «Зонт в моей руке».
Рисунок Э. Плахотни, 13 лет, МБУ ДО МДШИ.
Преподаватель С. В. Порошина, с. Мильково

стал догонять. Стараюсь успокоить дыхание, как вдруг опять раздаётся голос незнакомца:

— Смирнова Лиза, две тысячи восемнадцатый год рождения. Шесть лет. Диагноз: рак головного мозга. Твоя сестра больна?

Я замираю на месте. Откуда он знает? Тело сковывает от нахлынувших чувств, горячие слёзы обжигают лицо. Вытираю их рукавом куртки, вспоминаю о больничном листе. Что есть силы бегу к незнакомцу и выхватываю бумажки у него из рук, которые днём ранее стащил у родителей. Как я мог их здесь забыть?

— Это не ваше дело. Идите куда шли! — кричу я.

Украдкой смотрю на чёрную фигуру, что так и не сдвинулась с места. Хватит! Поворачиваюсь и ухожу.

— Ты не поможешь ей, сидя здесь, — продолжает он так спокойно, словно говорит это сам себе.

Останавливаюсь. Чувствую, как меня охватывает злость.

— А что? Что я могу сделать?! — кричу, задыхаясь. — Она ещё слишком маленькая, а врачи уже говорят, что она не выживет! Вы понимаете, каково мне? Вы не знаете, как моя мама рыдает по ночам, думая, что я не слышу. Она так похудела за последние несколько месяцев. Отец сутками на работе пропадает. А мне остаётся только раздавать эти чёртовы листовки и воровать, чтобы заработать хоть немного денег. Вы хоть понимаете, какую сумму они требуют?!

Слёзы текут из моих глаз, я не вижу человека напротив, ощущаю только его присутствие.

— Да вы хоть знаете, что я чувствую, когда она с улыбкой рассказывает мне, как пойдёт в школу в следующем году? Как она просит меня научить её читать и писать, потому что ей слишком скучно в больнице? Представляете, каково мне знать, что следующего года не будет? — последнее предложение выходит слишком громким, эхом отдаваясь в этой промозглой тишине. Хочется кричать дальше, срывать голос, охрипнуть совсем, но слова тяжестью оседают в горле.

Сквозь слёзы, которые мне никак не удаётся остановить, вижу, как фигура движется в мою сторону.

— Я понимаю вас, я прекрасно всё понимаю. Мы с женой тоже надеялись на лучшее, — он берёт меня за руку и ведёт к выходу. — Она держалась до последнего. И ты держись. Сейчас ты как никогда нужен своей сестре.

Он замолкает на какое-то время. Я чувствую, как высыхают слёзы на моих щеках. Шмыгаю носом, успокаиваясь. Уже на выходе незнакомец вдруг останавливается.

— Возьми. Тебе нужнее,— и вкладывает ручку зонта мне в руку. — Моя жена верила, что он приносит тепло даже в самые холодные времена.

Незнакомец разворачивается и, уходя, произносит:

— И помни: тот, кто нуждается в помощи, всегда её получает.

Становится так тихо, что я слышу биение собственного сердца. Мой взгляд замирает, останавливаясь на холодном металле в руке.

— А как вас... зовут?

Оборачиваюсь, а вокруг только бетонные стены. Пусто. Словно и не было никакого незнакомца в чёрном пальто. Одно лишь напоминает о его присутствии — зонт в моей руке.

Внезапно раздаётся трель звонка. Я вздрагиваю от неожиданности, будучи уверен в том, что мой телефон разряжён. Сбрасываю рюкзак на пол и роюсь внутри, выворачивая все тетради и учебники на залитый водой бетон. Нашёл. На экране высвечивается: «Мама». Руки дрожат. Отвечаю, пытаюсь успокоить бешено стучащее сердце. Слышу, как она по ту сторону трубки рыдает. Думаю о самом худшем, как вдруг сквозь её рыдания слышу слова:

— Лизочка... Наша Лизочка будет жить!

Иван КОВАЛЬКОВ

Как тихо и пусто в моей комнатушке.
Как громко и грязно в моей голове.
Мне тени вокруг лишь простые игрушки,
Что жаждут повесить меня на ремне.

Зачем же я вышел из дряхлого леса,
Подумать забыв о кровавых ступнях?
Ведь это была не святая аскеза,
А боль, вся в слезах и соплях, и слюнях.

Надежда... Была небольшая надежда...
Увидеть родные из кофе глаза.
Я, чуть ли не мёртвый, почти охладевший
От ветра, всё шёл лишь к тебе, не спеша.

В твоих мне ногах воскресение духа:
Позволь аккуратно прильнуть к ним с пути,
Чтоб сердце разочек хотя бы вдохнуло
Бессмертный оттенок ушедшей любви.

Я, полугнилой, умоляю: «Спаси же!»
Но ты не спасаешь... Я всё же умру?
Хоть дай умереть ты к себе уж поближе!
Хоть раз умереть не в зловонном бреду...

Мечтаю сквозь вьюгу и холод болота,
Дойдя на замёрзших усталых ногах,
Шепча без зазрений стихи из Исхода,
Хоть раз умереть у тебя на руках...

* * *

Светила из мёртвых не могут восстать,
Мне так астрономы правдиво твердили.
В пустотах пространства одна благодать —
Горящих углей аромат из кадила.

Стрекозы мои лишь предвестники слёз,
Застрявшие между небесных оконеч.
По правде, тут я в комнатухе замёрз,
Молясь на святых с пожелтевших иконниц.

Нестрашно, пожалуй, мне в сумерках ждать,
Мне страшно, что в шее цветут гнилоцветы,
Закрыв лепестками ключичную падь:
Счищаю заточкой, до крови раздетый.

Вулкан хоть силён и могуч, но затух.
Я плачу ночами словами, стихами.
Срезаю, срываю я с тела недуг,
Родное прогнившее мясо кусками.

Я нагло с улыбкой надрывной всем вру,
Что больше нет боли на сердце поэта.
Но сердцу не больно в цинковом гробу
С подушкой из игл киноварного цвета.

* * *

Вот знаешь, терпеть не могу в октябре я снегов,
Терпеть поминальных огней не могу средь ночи:
Мне в радость лишь свет у сердец светлячков
И тёмного рока нависшие иглы-лучи.

Мне горло и голоса связки теперь патефон,
Кашляющий фразы с запинкой, тихонько дрожа:
Пружинный кадык до отказа уже напряжён,
В трахею забилась вонючих сигарок смола.

Мне б воздуха много, мне б виски в гранёный стакан,
И снова в сентябрь бы, и снова б в объятия сна.
Холодный матрас там гранитом тяжёлым не ткан,
И ты не печальная вовсе, и ты не одна.

Ты Господа Бога в себе убивать не посмей,
Моей же улыбке цена лишь улыбка твоя.
Сожги ты мне душу искрою небесных степей,
В глазах что гнездилась, жалеть не посмей стихаря!

Пуškai зажигаться устал дорогой керосин,
Меж альфой и бетой внизу подожду на земле.
На улице тьма... И пускай! А мы солнце узрим
Близ мурманской дали, в далёком для всех декабре.

* * *

Всё было в лесу, возле речки холодной:
Со сплава пришли мужики-рыбаки.
Я был вместе с ними, и так же охотно
Сел водочку пить, позабыв про крюки.

Стол ломится: мы пили до ноченьки тёмной,
Но к третьему часу остался лишь чопик Санёк.
С ним я и болтал, и братался усердно,
А он вдруг заплакал, душою потёк:

«Эх, Ванька, ведь ты молодой и зелёный!
Ах, сколько ещё предстоит повидать!
Чуть старше тебя я... я был в батальоне...
В Чеченскую первую шли воевать.

Тогда был ужасный обстрел по колонне...
Стрелял нас безжалостно горный вайнах...
В КамАЗ вдруг ракета — упала в проёме
Скамей меж... Внезапно и громко — бабах!

КамАЗ загорелся, горели и люди!
В нём был там, в КамАЗе, мой раненый друг...
Мы бились, раскаты военных оружий...
Поверь мне! Тебе я, Ванюша, не лгу!

Закончился бой, а колонна пылала!
В КамАЗе сгорал мой единственный брат!
Я слышал — КамАЗа железо стонало...
Я слышал, как бил перебор аккурат...»

Мы пили, он плакал негромко над рюмкой...
Уж в небе мутнела родная луна.
Играл Муцураев Тимур... Композиция «Ветер»...
Молчания тост... Рыдала страна...

* * *

Сухое горло. Утро. Снова.
Воды и сигарет бы мне.
Оставил что-то я во сне.
А что? А то ведь было слово.

Моё? Моё простое слово!
Какое? Что забыл сказать!
Кому? Себе пролепетать.
Не помню я его живого.

Замёрз. Все окна нараспашку.
А говорить зачем себе?
Слова ведь говорят тебе!
Мне как найти тебя, бедняжку?

Дешёвый Kent без кнопки.
Новалис. Я ищу ответ.
Мне хватит сигарет?
В лице лишь прищур одинокий.

Где мой цветок благословленный?
Не ем еды и плохо сплю.
Встречаю новую зарю.
Мне трудно это и мудрёно.

Изжога, кашель и мокрота.
Курю, ищу, курю, ищу.
Горячего бы выпил чаю.
Читал бы строки из Исхода.

Продолжить сон иль, мож, раздумья?
Урчит от голода живот.
Я сил своих беспечный мот.
Но что мне делать на распутье?

В дыханьи жара смоляного
Моя тревога, жажда, страх.
Найти тебя б в своих мечтах.
Сухое горло. Утро. Снова.

Егор КОСИЦЫН

Ода свободного народа

Описаны события в день казни последнего императора инков Тупака Амару I. Молодой командир Умар собрал отряд для освобождения императора, но из-за его неосмотрительности испанские отряды узнали о плане и расстроили его. Потомок Умара будет участником восстания Тупака Амару II. Это восстание историки называют первой попыткой коренных жителей Южной Америки обрести свободу и не зависеть от Испании.

Двадцать минут. Умар бежит на площадь Куско как может, но времени остаётся мало.

Пятнадцать минут. Через бесчинствующие толпы бедных крестьян, сильных жрецов Солнца и изящных жриц Луны, мелких

швей и тощих ремесленников бежит Умар, спотыкается. Каждый камушек пыльных тропинок, каждая травинка зелёной долины Куско будто мешает ему на его последнем пути, советует смириться со смертью Солнца. Но Умар только ускоряет бег, ведь он, как и все его сверстники в этом возрасте, очень решителен и упрям, словно андский медведь на западном склоне древних гор. А он ещё, среди прочего, сын богатого воина, молодой командир, который, как и все «золотые» юноши в его возрасте, чрезвычайно высокомерен и надменен, но благороден и стремителен в своих действиях. Ему только семнадцать лет, он ещё не участвовал в сражениях, лишь помогал другим военачальникам. Но сегодня настал его звёздный час, когда он проявит себя всему миру, и он не должен его упустить.

Семь минут. Солнце восходит на небосвод в последний раз. Грозные иноземные боги склонились перед Солнцем, будто стервятники в Атакаме перед бездыханным телом незадачливого путешественника, оказавшегося в этом гиблом месте.

Пять минут. На мгновение кажется, что Умар потерялся в безумной толпе, но вот он наконец выбрался из густой, словно джунгли сельвы, массы людей и теперь быстро направляется в жилые и очень грязные районы бывшей имперской столицы, состоящие в основном из маленьких деревянных халуп, их местные жители называют домами. В одной из таких халуп Умара ожидают, словно крестьяне драгоценную пшеницу в период Эль-Ниньо, верные сыны Инки. Ведь именно сегодня они спасут Солнце от неминуемой гибели и изгонят иноземных богов обратно в океан, а Умар, как один из последних выживших командиров чахлой империи, поведёт разъярённый народ в бой за освобождение империи от захватчиков, с лёгкостью победит их и навеки станет равным самому Сапа Инке.

Подойдя к одному дому, молодой предводитель постучался, и ему открыл дверь вооружённый отряд, состоящий из остатков той знати, которую ещё не нашли и не казнили чужеземцы; жрецов, не принявших новый порядок других богов, а также крестьян, ремесленников и других отчаянных людей, коим нечего было терять перед угрозой смерти империи.

— Все братья на месте? — воскликнул Умар (ему, конечно, следовало общаться шёпотом, но он верит в лёгкость своей победы, а поэтому даже не скрывается от возможных шпионов).

— Все верные сыны Солнца на месте и лишь ждут вашего приказа, командир. И пожалуйста, будьте тише. Возможно, они могут

подслушать нас, — шёпотом ответил глава отряда (его жалкое имя, по сравнению с Умаром, даже не повлияет на историю, а значит, и не понадобится для неё самой).

На замечание главы юноша лишь усмехнулся и жестом показал выйти из тесного барака на такую же тесную улицу. Отряд повстанцев вышел на белый свет. У этого с виду сборища неподготовленных фанатиков, закованных в золотые и серебряные пластины и вооружённых железными дубинами и длинными копьями, не было шансов противостоять белым людям, оседлавшим больших лам и использовавшим силу молнии. Но у них было то, что у белых людей вызывало лишь смех и презрение, — сила воли. Всю историю Инкскую империю преследовали серьёзные испытания, но лишь разум и сила воли всегда спасали инков от смерти. И в этот раз Умар и двадцать непобеждённых преодолеют это величайшее испытание, выпавшее на долю инков, и станут вечными героями.

Одна минута. К Солнцу подходит греховный жрец белых людей и начинает свою гадкую речь:

— Именем Его Святейшества Папы Римского...

Умар ждёт. Его глаза устремлены только на жреца.

— Именем Его Величества Филиппа II, Короля Испании, Филиппин...

Сын Инки, с трудом сдерживаясь, ждёт.

— Приговаривается к казни Великий Сапа Инка Тупак Амару!

Он дождался сигнала. Великий час славы наконец настал! Умар освободит императора и начнёт новую эру освобождения Империи гордых инков! Умар станет первым среди равных, он станет символом своего народа, даже выше самого Инки! Этот момент всё ближе и ближе, осталось лишь взмахнуть рукой и пойти в атаку! Остался лишь миг... Умар взмахивает рукой, служащей сигналом к атаке, и...

Бах! Свинцовая пуля пробивает череп Умара. Мессия падает на окровавленную землю, а за ним падают и его верные воины.

Бах! Бах! Бах! Всего несколько секунд, но за это короткое время весь отряд отправился на небеса. Их раскрыли. Их нашли, их услышали, их перестреляли, как стадо перепуганных лам. Умару следовало быть осмотрительнее, но это уже в прошлом. Вслед за последним упавшим повстанцем упала и голова последнего Сапа Инки Тупака Амару.

Солнце затухло. Последний инка бесславно погиб от руки чужеземца. Великая Империя инков прекратила своё существование. Над народами Южной Америки нависли тёмные тучи...

Мария КУКЛИНА

Легенда о Жар-цвете

«В лесу одном под кровом тьмы,
Подумай трижды, человек,
Растёт цветок, дитя горы,
Такого не видал ты век.
Жар-цветом тот цветок зовётся,
Не всем найти его везёт,
А кто на поиск его рвётся,
Тот обязательно умрёт».

Так волхв седой детям общины
Рассказывал легенды мира,
Они вникали не спеша.
Но был средь них один чужак.

Он вышел сквозь толпу народа
И крикнул в голос на весь лес:
— А как найти чудо природы?
Где отыскать же нам Жар-цвет?

Учтиво волхв тому ответил:
— Опасен путь туда, поверь,
Не будет месяц там так светел,
Там не звенит весной капель.
Один храбрец туда наметил
Дойти сквозь вьюги и метель,
Но не вернулся он оттуда
И стал легендой для детей.

Сквозь горы нужно перейти,
Найти поляну сухоцветов,
Там будет озеро вдали,
А рядом тёмная пещера.
И в той пещере, в глубине
Растёт цветок этот заветный,
Но охраняют в темноте
Его хранители пещеры.

— А что даёт этот цветок? —
спросили дети у волхва.
— Возможность открывать замок,
Который у тебя в руках.
Дарует мудрость он и силы,
Победы над нечистой силой.
Молниеносность, исцеленье
И дел удачных воплощенья.

«Я жажду силы этой очень,
Смогу найти волшебный цвет,
Пусть говорят, что невозможно,
Не признаю я слова “нет”».

Так думал юный наш чудака,
От всех толпою отделённый,
Что он ведь вовсе не дурак,
Добудет Жар-цвет потаенный.

Вбежал в избу чудака скорей,
Собрал он узелок в дорогу.
— Я не боюсь, я всё сумею,
Вернусь домой я с тем трофеем.

И убежал... Скитался долго,
Припоминал слова волхва,
Нашёл он горы и промолвил:
— Верна дорога. Мне туда!

Казалось, длится путь безмерно,
И трудно было смельчаку:
То звери дикие, то ветры,
Не спит он, вечно начеку.

Но не оставил плана странник,
И горы те он пересёк,
И было для него как праздник,
Что путь уж стал не так далёк.

М. Куклина. «Легенда о Жар-цвете».
Рисунок У. Степановой, 9 лет, МБУ ДО МДШИ.
Преподаватель С. В. Порошина, с. Мильково

Нашёл смельчак наш ту поляну,
Где сухоцветы в полный рост.
— А где ж пещера?
Стал искать, вокруг да около шагать.

Но нет пещеры, не найти.
Кругом глядит в недоуменье:
— Так всё обман? Куда идти?
Забилось в сердце вдруг сомненье.

— Пещера здесь, раздвинь кусты, —
услышал юноша вдруг голос. —
Тяжёлый путь проделал ты,
И на висках уж белый волос.

Зачем покинул дом родной
И в путь пустился в одиночку?
Что ищешь, позабыв покой,
Не нашего ль тебе цветочку?

— Цветок заветный нужен мне,
За ним пришёл, стерпев лишения.
Его я видел лишь во сне,
Развейте все мои сомненья.

— Никто в сем мире не имеет
Прав на владение цветком,
А кто нечестно завладеет,
Тот станет сам себе врагом.

Цветок сорвав, лишитесь света,
Падете, люди, в темноту
И не увидите рассвета,
Переступив греха черту.

— Не трону я цветок священный,
Не погублю я род людской,
Он, дар богов благословенный,
Льёт свет из дали вековой.

— Спасибо, юноша, отныне
Твой род в богатстве будет жить
За то, что нет в тебе гордыни,
Что никому не стал вредить.

Поэтому тебе даруем
От чудо-цвета семена,
Засей луга, поля, долины,
Пусть красотой цветёт земля!

Смелчак вернулся и исполнил
Наказ, что дан из уст богов,
И счастьем жизнь людей наполнил,
И защитил их от врагов.

Софья ЛАПТЕВА

Падающая звезда

Лето. Лучшая пора для того, чтобы взять билет куда-нибудь на другой край земли и сбежать от бытовых реалий приевшегося за пять лет родного города. Одни и те же улицы, знакомые магазины, саламандры в почтовом ящике. В какой-то момент даже от любимых занятий становилось тошно. Солнце жарит, море дурно пахнет, люди слишком приветливы, а небо голубое. А может, дело и не в солнце, море или цвете воздушного пространства, а в череде трудностей и неудач, словно цунами, захлестнувших меня в пучину уныния. И отпуск казался единственно верным решением.

Одинокое дерево тихо шелестело листьями, лёгкий вечерний ветер обдувал уставшее от дневной жары лицо. Вылет назначен на такое позднее время, что после взлёта большая часть служб аэропорта просто останавливала работу и, наконец, расходилась по домам на долгожданный отдых.

На пустом перроне под покровом ночи самолёт выглядел как новогодняя ёлка. Проблесковые маячки — точь-в-точь гирлянда, а подсвеченная ливрея на хвосте — как цветок гибискуса. Не особо впечатляющее зрелище, но, как-никак, немного цепляет. Хотя стоящий рядом мальчик, по всей видимости, просто в восторге от пейзажа за окном, если судить по тому, как он прилип лицом и маленькими, липкими ручонками к стеклу иллюминатора. Но не думаю, что

в этом есть что-то необычное. Дети всегда восхищаются довольно странными вещами и верят в нелепые чудеса. Например, падающие звёзды. Сотню раз загадывала желания, но с каждым разом становилось понятно, что всё это — очередная глупость. Жаль, что и у этих беззаботных ребятишек «розовые очки» со временем разобьются о скалы суровой взрослой жизни.

У «новогодней ёлки» была и обратная сторона медали. Людей в самолёте, как селёдок в банке — ни одного свободного места. В этот раз с окружением повезло ровно так же, как везёт в попытке купить выигрышный лотерейный билет. Все пассажиры как на подбор: параноидальная бабуля, в истерике объясняющая стюардессе, в чём состоит опасность полётов; странный мужчина с пакетом *успокоительного* спиртного, из-за которого на посадке его чуть не завернули; шепутная и очень громкая девочка, что без умолку несёт какую-то неразбериху и треплет в руках страшную, как Бабадук, куклу. Везение никогда не было моим спутником по жизни, но сегодня же, видимо, оно, как и я, взяло выходной. К счастью, в самолёте предусмотрена медиасистема! Наушники в уши, внимание в экран — и нет проблем.

Самолёт уже набирал высоту, когда подсветка салона из приятно белой превратилась в отвратительно неоновую, от чего идея вырвать себе глаза казалась довольно заманчивой. А так лететь ещё двенадцать часов. Австралия — Мадагаскар — великолепный маршрут в сопровождении неоновой подсветки. И казалось, наслаждаться теперь можно было только мыслью о прибытии, но мои уставшие гляделки привлек истинно красиво светящийся мост, что виднелся из иллюминатора. Даже немного досадно, что в ночное время только города могут похвастаться пёстрыми огнями. А над толщей облаков — лишь одна белая небесная блямба, которую придётся лицезреть на протяжении пяти часов.

Но через три часа стало ясно, что луну наблюдать мне больше не посчастливится. Сумки летят по салону, визг людей режет слух и почти оглушает. Никогда бы не подумала, что бредни той бабули могут оказаться правдой. Сейчас же она в панике молится — будет забавно, если и здесь она предугадает какие-то события помимо того, что судно носом влетит в океан. Исход без труда можно предугадать, но страха нет, лишь... сожаление? Почему-то луна сейчас казалась мне блее, чем обычно. Такой белой я её ещё не видела. А может, просто не хотела замечать?

Недолгие минуты общей паники растянулись в воспоминания. Вспомнилась университетская лекция про большой метеорит

и гибель эпохи динозавров. Наверняка это небесное тело было ярким зрелищем, примерно как и мы сейчас. Метеориты, кометы — всё, что горит в атмосфере, мы с теплом называем падающими звёздами, глядя на них, загадываем самые сокровенные желания. Всевозможная подсветка фюзеляжа и горящий двигатель — тот же метеорит, только меньше размером и созданный человеческими руками, что точно так же стремительно летит к земле, оставляя после себя огненный хвост.

Когда-то я верила, в надежде скрещивая пальцы, в то, что мои желания сбудутся, а после очередной неудачи расстраивалась и злилась на несправедливость Вселенной. Слепо верила в то, что светящаяся в небе точка сделает меня счастливой, и в какой-то момент перестала замечать эту жизнь — тепло солнца, свежий бриз лазурного моря, добрых людей и светлое, чистое небо... Погрузившись с головой в бытовые сложности возложила ответственность за собственное счастье на мнимых *исполнителей желаний*.

А теперь и я одна из тех ярких точек в небе, которым не суждено гореть долго...

Ваш медовый раф, пожалуйста

Вот и наступило ещё одно свежее, летнее, прекрасное утро в Париже. Солнце яркими, тёплыми лучами пробудило всё живое ото сна, а лёгкий прохладный ветерок взбодрил людей, только-только вышедших на улицы. Город ожил и зажужжал, как пчелиный улей, в котором неустанно трудятся маленькие, пушистые, полосатые работяги. Дороги заполнили потоки машин, для туристов наступил новый день изучения достопримечательностей города, а маленькие лавки и магазинчики, готовые снова любезно принимать клиентов, распахнули свои двери. Улицы наполнились ароматами различных цветов, кофе и свежей выпечки, сладостно манящей позабыть на пару минут обо всех делах и заботах, присесть за столик кафе, чтобы насладиться восхитительным кофе с вкуснейшим круассаном, что зарядит хорошим настроением на всё утро, а может, даже и на обед.

В маленькой кофейне StradaCafé за столиком расположилась, ни на секунду не отрываясь от работы, милая блондиночка, смиренно ожидавшая свой заказ. Всю поверхность столика заполнили листки бумаги с многочисленными эскизами фантастических десертов, которые девушка придумывала, сидя за чашечкой любимого кофе. Она быстро создавала наброски пирожных, их должна

была представить на ближайший фестиваль кондитеров, дабы очаровать всех великолепным видом и конечно же вкусом своего творения. Над этим трудилась уже две недели.

В ход шли и цветные карандаши, и маркеры, эскизы поражали своей яркостью и незамысловатостью, но в то же время нарисованные пирожные выглядели аппетитно. Поль воплощала все свои идеи в жизнь, чем и пробила себе дорогу к успеху и стала кондитером, известным почти всей Франции. Прилавки в её кондитерской PapillondeSugré всегда были заполнены вкусными тортами, эклерами, макарунами и прочими сладостями, разбиравшимися на ура. Золотые руки мастерицы могли спасти любой, даже самый худший праздник, поднять настроение даже самому угрюмому ребёнку и сделать подарок к любому дню рождения. Девушка очень любила свою работу и всё делала исключительно от души и никак иначе. Многие удивлялись такой её страсти к своей профессии, её потоку нескончаемых идей и фантазий насчёт новых видов десертов, а она лишь пожимала плечами, задорно улыбалась и отвечала, что просто довольна всем в своей жизни и не позволяет рутине поглотить себя с головой.

Поль быстро перебирала эскизы, про себя проговаривая, что ей нравится, а что нет, чего не хватает. Она даже не заметила того, как принесли её заказ. Блондинка закрыла глаза, вдохнула аромат свежееиспеченного круассана с сыром и любимого сладкого кофе, расплылась в довольной улыбке и неторопливо приступила к завтраку. Поль в полной мере наслаждалась нынешним утром: солнечным теплом, вкусным завтраком, ароматным кофе, почти готовыми эскизами... И милый парень-бариста, которому она по традиции помахала рукой в знак приветствия, от чего тот покрылся лёгким румянцем, дружелюбно поприветствовал её в ответ.

Он обожал каждое утро любого дня, вне зависимости от того, каким он был — пасмурным или солнечным, прохладным или тёплым. Для него это не имело значения, ведь каждое утро в кафе сидела милая блондинка-кондитер, которая так ему нравилась, но с ней он так и не решался заговорить. Парень лишь украдкой наблюдал за тем, как Поль что-то придумывает и рисует, как она улыбается, когда довольна своей идеей, и как наслаждается завтраком. Морис был до глубины души очарован ею с того самого мастер-класса, несколько месяцев назад прошедшего в их заведении.

На нём Поль Бертлен рассказывала детям и их родителям, как приготовить вкуснейшие эклеры по её фирменному рецепту. Мориснаблюдал, как Поль работает с детьми, веселится и превращает

работу в сплошной праздник. Парню очень понравились её импульсивность, улыбка, озорные большие и синие глаза. В них он был готов смотреть часами, хотел быть рядом с Поль, но никак не мог признаться ей в чувствах, никак не мог завести долгий и интересный разговор, ибо в её присутствии вся его уверенность в себе куда-то исчезала, а сердце колотилось так сильно, словно готово было вырваться из груди. Это волнение было его главным врагом, с ним он пытался бороться, но всё, что Морис мог из себя выжать, — это нелепая улыбка и пара глупых вопросов, за которые ему стыдно и по сей день. Он всегда старался смотреть Поль в глаза, пытался сказать что-нибудь приятное, чем вызывал столь обожаемую им улыбку на лице девушки.

Поль же, в свою очередь, находила бариста забавным и была не прочь послушать его сбитые волнением речи и поддержать даже нелепый разговор. Она вспоминала о первом их разговоре с улыбкой, как об одном из интереснейших случаев в её жизни, и, когда Мориса не было за стойкой, немного огорчалась. Ей тоже был очень симпатичен Морис, но она боялась рассказать ему о своих тёплых чувствах, искала способ сообщить о своих чувствах не словами. И предстоящий кондитерский фестиваль был девушке только на руку.

После завтрака Поль поспешно собрала все свои бумаги, расплатилась и быстро выбежала из кафе, чем очень удивила Мориса, ведь она всегда сидела там как минимум до обеда.

Поль почти две недели не посещала заведение, чем несколько беспокоила бариста. Тот не понимал, что произошло. Это было весьма подозрительно, ведь девушка всегда заходила в эту кофейню, а уехать на несколько дней до такого важного фестиваля, к которому она так тщательно готовилась, не могла. Морис был обременен этими мыслями о своей возлюбленной и временами не мог сосредоточиться на работе, из-за чего уже не в первый раз получил выговор от начальства. Каждый день он ждал Поль в кафе, но она так и не приходила, лишь пару раз пробежала мимо заведения, и всё. Парень уже сам был готов навестить к ней в кондитерскую и узнать, что же случилось, но тут вдруг поступил заказ на стакан невероятно сладкого медового рафа, который должны были забрать в полдень.

К полудню Поль зашла в кофейню за своим заказом, бережно неся в руках небольшую коробочку. Девушка медленно приблизилась к барной стойке и с нетерпением стала ждать Мориса — за недели своего отсутствия она приготовила нечто особенное. Морис,

завидев Бертлен, так обрадовался, что едва не опрокинул пару кружек с кофе по пути к кассе, где его с нетерпением ждала блондинка.

— Здравствуйте! Давно же вы не появлялись в нашем заведении! Мы уже было подумали, что вам перестало нравиться наше обслуживание, — нервно усмехнулся парень, печатая чек.

— Ох, что вы! Всё прекрасно, как всегда. Просто было много работы, вот и не находила времени заглянуть, — мило улыбнулась Поль, с интересом разглядывая карие глаза шатена.

— Ваш медовый раф, пожалуйста, — Морис протянул девушке заветный стакан с горячим напитком, а Поль взамен протянула ему коробочку:

— Прошу, возьмите. Это для вас!

После этих слов блондинка вышла из кафе, оставив смятённого бариста наедине с его мыслями. Парень был безумно рад снова видеть её, снова говорить с ней и был разочарован тем, что эта встреча оказалась настолько мимолётной. Морис верил, что завтра снова увидит её за завтраком, с интересом перебирающую бумаги и наслаждающуюся любимым свежеиспечённым круассаном. Он её с нетерпением ждал.

Во время обеденного перерыва Морис вспомнил о маленькой голубой коробочке, вручённой ему Поль, когда она забирала заказ. Бариста аккуратно развязал пышный бант и открыл подарок. В коробочке лежало медовое пирожное, украшенное нежнейшим кремом и восхитительными сахарными бабочками, сверкавшими и переливавшимися на солнечном свете сахарными кристаллами на крыльях. Ниже лежала завернутая в конвертик записка:

«Дорогой Морис Маршалль! Я долго придумывала дизайн моего нового десерта и, наконец, могу с радостью заявить, что я готова к сладкому фестивалю! Но он для меня не будет настолько радостным и долгожданным, если Вы не придёте туда. Я бы хотела передать Вам это пирожное, придуманное мною только для Вас, в знак приглашения на фестиваль кондитеров. Вы будете одним из главных и почётных гостей в моей кондитерской. Пожалуйста, приходите туда 2 июля в 14:00! Буду очень-очень Вас ждать! *Поль Бертлен*».

Одно письмо, и парень буквально светился от счастья, готовый петь и танцевать. Получить такое приглашение от самой Поль Бертлен — ему это и не снилось даже в самых лучших и красочных снах! Она его пригласила, и конечно же он придёт. Как же может быть иначе?

С. Лаптева. «Ваш медовый раф, пожалуйста».
Рисунок В. Юрьевой, 15 лет, МБУ ДО ДШИ.
Преподаватель Л. В. Шапенкова, п. Усть-Камчатск

Где же мой друг?

Никогда! Мы никогда не утрачиваем наших любимых.
Они остаются с нами, они не уходят из наших жизней.
Просто мы оказываемся как будто в разных комнатах...

Пауло Козьмо, «Алеф», 2011

Никогда не верил и не поверю в байки о том, что коты и мыши не могут быть друзьями. Вот я вполне себе настоящий котовский кот. Чёрный, пушистый, зеленоглазый... Знаю, одним словом — красавец. И мой друг — самый что ни на есть настоящий мышонок. Белый, маленький, ворчливый комоч со странным, но интересным хвостиком и довольно чудаковатым именем — Шкварчик. И нам очень нравится проводить время вместе!

Шкварчик, несмотря на свой сложный характер, довольно интересный собеседник. И чего мы с ним только не обсуждали: цветущие герани на подоконнике, странный кактус на полке, дихотомию добра и зла... И даже пару раз спорили! Не понравилось ему, что я корм вкуснее зерна считаю, видите ли. И мы могли беседовать так часами, а могли играть. Поймать его через решётку клетки было относительно непростой задачей, я бы сказал даже невыполнимой, но его мои неловкие попытки очень забавляли.

Вопреки всем скептикам, хочу сказать, что наша дружба длится почти два года. Нет, мы ни разу не ссорились, и я ни разу не хотел его съесть. Не понимаю, кому вообще может прийти в голову идея съесть друга? Я с большим удовольствием погрызу скотч, он классно к языку липнет, но зачем жевать своего товарища?

Иногда вспоминаю день, когда Шкварчик только попал в нашу обитель. Как хозяйка принесла маленький и пугливый комочек шерсти. Тогда его мог шугнуть любой более-менее громкий звук или резкое движение. Сейчас же он барин. Самый настоящий барин! Важный хозяин своей территории, а тогда чуть клетку тронь — сразу в опилки. И хоть ты с бубном пляши, не выманишь его из этих катакомб. А теперь только лапой поведи, и белый нос тут же торжественно высовывается обнюхивать гостя.

Но в последнее время мы стали встречаться всё реже. Вижу только, что хозяйка его куда-то постоянно в шаре-переноске из дома утаскивает, а когда возвращается, закрывает в комнате и никого больше туда не впускает. Пробовал и в дверь ломиться, и стены драть — не добился ничего, кроме шлепка тапком. Но случился тот день, когда мне всё же удалось прорваться через злосчастную преграду. Я был так рад тому, что мы снова проведём время вместе,

но когда довелось Шкварчика увидеть, моя радость сошла на нет. Он грустил, выглядел уставшим, а вся белая шёрстка была запачкана непонятной синей краской...

Я пытался узнать, что случилось, что же его так расстроило, но он лишь ненадолго подошёл к прутикам своей клетки, лапкой тронул меня за нос и, отойдя вглубь домика, тихо зарылся в опилки. Возможности говорить больше не было — хозяйка обнаружила, что комната осталась незапертой, и, узнав нарушителя по глазам, усам и лапам, поспешно выпроводила меня.

В следующие разы к Шкварчику меня пускали добровольно. Не приходилось больше срывать дверь с петель. Но с каждым разом он выглядел всё более худым и уставшим, а время наших бесед сокращалось. В какой-то момент на него нападала сонливость и, деликатно извинившись за резко прерванный разговор, он снова нырял в опилки и засыпал. Так случалось всё чаще. Разговоры были недолгими, а про игры мы и вовсе перестали вспоминать. Но я был рад и тем недолгим минутам, что нам доводилось проводить вместе.

Теперь клетка пуста. И я всё задаюсь вопросом: где же мой друг? Где же Шкварчик? Раз за разом я прихожу в комнату, чтобы узнать, вернулся ли он домой? Но никого не вижу. Что же случилось? Он обиделся на меня? Ему надоели наши беседы? Почему он ушёл, куда и когда вернётся?

Шли дни, недели, но нет ни Шкварчика, ни ответов на вопросы. Не знаю, увидимся ли мы вновь, но искренне надеюсь, что сейчас с ним всё хорошо... Я так тоскую по нему...

Просто будь собой

Несовершенство прекрасно, безумие гениально,
и лучше быть абсолютно смешной,
чем абсолютно скучной.

Мэрилин Монро

Ночь бархатным ковром из мерцающих звезд укрыла Остин, напоминая жителям о конце долгого, изнурительного рабочего дня и медленно убаюкивая их, словно в колыбели. Городок заметно притих. Фонари тёплым жёлтым светом освещали узкие улочки. Только Вивиан Мур никак не могла заснуть, будучи в гостях у Сэм. Она сидела на крыше небольшого двухэтажного домика, долго и пристально разглядывая большую луну, что заливала своим серебряным светом каждый маленький кустик и каждое большое дерево, наделяя обычный лес сказочными чертами.

«И всё-таки ночь загадочна», — подумала девушка и обняла себя за колени.

Она с грустью выдохнула и глубоко задумалась. Последняя неделя далась ей тяжело. Теперь она наконец-то может посидеть на крыше в гордом одиночестве, скрывшись от многочисленных глаз общества. Общества, которое уже давно стоит у неё комом в горле.

Сумеречная тишина невероятно расслабляла. Девушка прикрыла глаза, нахмурилась и попыталась выбросить все скверные мысли из головы, что совсем не получилось сделать. Загнанная в рамки идеала, чуть ли не идола для некоторых, лучшая ученица для преподавателей... Но какой ценой это обходится? Это хорошо известно только ей. Хуже всего этого была лишь навязанная родителями компания высокомерных девиц, дальше своего носа давно уже ничего не видевших. Но со временем она привыкла к странным и глупым насмешкам в сторону остальных учеников, сплетням за спинами своих же соратников, совсем несмешным розыгрышам над тихонями...

После появления этой необычной девчонки с Аляски по имени Сэм Харрис всё перевернулось с ног на голову. И даже сама Вивиан не подозревала, что когда-то станет настолько близко общаться с кем-то из сверстников. И ей до сих пор неизвестно, как этой девчонке удалось развалить настолько закоряченную школьную систему.

— Вивиан? Что ты здесь делаешь? — раздался знакомый голос.

— А... я... Мне просто не спится, — ответила девушка, приходя в себя после испуга.

Сэм осторожно вылезла на крышу и, медленно ступая босыми ногами по холодной черепице, подошла к Мур, пристроилась рядом.

— Красивые, правда? — спросила она, разглядывая скопление ярких звёзд.

— Правда, — задумчиво ответила девушка и отвернулась.

— Что случилось? Я никогда тебя такой не видела, — Харрис развернула подругу к себе и посмотрела в её янтарные глаза.

Одноклассница несколько секунд даже не знала, что сказать. Для неё было очень непривычным жаловаться кому-то на жизнь или рассказывать о своих сложностях. Девушка давно дала себе установку, что они — только её. А теперь кто-то просит её поделиться переживаниями. Вивиан было очень тяжело вытянуть из себя и связать хотя бы пару слов, но не отвечать совсем было бы оскорбительно.

— Просто в последнее время всё так сильно изменилось... Мне тяжело.

— Так расскажи, что тебя мучает?

Вивиан тяжело выдохнула:

— После того как ты появилась в нашей школе, всё пошло наперекосяк. Нет, ты не думай, что я в чём-то тебя обвиняю, просто... — девушка замялась. — Просто всё так сильно поменялось! От перемен голова идёт кругом! Я не знаю, как ты это делаешь? Ты даже смогла помирить меня с Катрин! Вытащила из этой дрянной компании, всю школу поставила на уши — и всё это менее чем за месяц! — девушка продолжала тараторить так, что у неё покраснели кончики ушей, а воздуха еле хватило на завершение фразы.

Сэм понимающе посмотрела на неё, тоже обняла себя за колени и посмотрела на небо. Она ненадолго окунулась в свои мысли. Мама до сих пор верит, что её дочь учится так же хорошо, как и до переезда к тёте, и через год поступит в один из лучших университетов страны. Вдруг нахлынули те же чувства, что сейчас испытывала Вивиан: Харрис вспомнила, как переехала в этот городок и окунулась в совершенно новую для себя жизнь.

— Знаешь... В Джуно у меня тоже было всё весьма непросто. Мама тоже ждала от меня больших свершений, — начала подруга. — И я действительно старалась, училась, читала тонны различных книг из библиотеки — и всё это ради места в хорошем университете. Было время, когда я попыталась немного отстраниться от этого и как все, например, ходить на вечеринки и... В общем, она узнала об этом и чуть было не разразился скандал. Когда же наступило лето, то выяснилось, что мама решила отправить меня к тёте в Остин, надеясь, что отсюда мне будет легче поступить в университет и переехать в более крупный город. Я прекрасно понимаю, что она надеется на моё благоразумие, на то, что я смогу без помощи получить высшее образование, так как с деньгами, сама знаешь, у нас туговато. Но со временем я поняла, что, помимо учёбы, есть и другая жизнь. Представь себе, лишь год назад я и подумать не могла о том, что мне может нравиться игра на гитаре!

— С ума сойти... Год назад? Почему ты не попробовала раньше? — удивилась Вивиан, уставившись на девушку.

— Времени не хватало, считала это ненужным. А когда переехала в Остин, тётя дала понять, что есть в этой жизни вещи важнее положения среди ровесников и хороших отметок в табеле. И не соответствовать мечтаниям и грёзам родителей — нормально. Катрин, Стейси, Джессика и другие ученики мне это показали

наглядно, и я сделала всего один вывод: надо просто быть собой, — Сэм положила руку на плечо девушки.

— Быть собой? И какой в этом смысл? — хмыкнула она.

— А какой смысл показывать себя совсем не такой, какой являешься на самом деле? Так ты не найдёшь друзей, принимающих все твои странности и любящих тебя такой, какая ты есть. И нет ничего страшного в словах окружающих, ведь это не их жизнь. Просто будь собой, и люди к тебе потянутся.

— А если им это не понравится?

— Но мне же понравилось, — посмотрев подруге в глаза, девушка тепло улыбнулась, а затем встала и направилась к люку. — Пойдем, а то совсем замёрзнешь. — И спустилась обратно в комнату.

Вивиан, выдохнув, уткнулась в колени лицом. Неужели это происходит именно с ней? Неужели она, наконец, нашла человека, способного понять её чувства и переживания? Неужели нашёлся настоящий друг, такой же, как в сказке?

Посидев ещё немного, девушка вновь обдумала слова, сказанные подругой. Может, и впрямь стоит попытаться всё изменить? Раздумья прервал резкий порыв холодного ветра. Быстро поднявшись на ноги, замёрзшая Вивиан мелкими шагами дошла до люка и спустилась вниз, оставив тягостные мысли на краю холодной покатой крыши...

К сожалению, людям свойственно всё усложнять. Мы боимся показаться слишком скучными, недостаточно крутыми или успешными... А иногда просто боимся выставить себя занудами или дураками. Тщательно пытаемся скрыть свою сущность и выдаём себя за совершенно иного человека, но этим только обременяем свою жизнь, привлекаем в неё ненужных людей, а потом нам остаётся лишь осознавать, что среди них, увы, не найдётся способных в трудную минуту принять нас такими, какие мы есть... Но стоит ли оно того?

Екатерина МАЛЬЦЕВА

Чудо с разноцветными глазами

Светало. Из приоткрытого окна доносился тонкий запах сирени. А из кухни — запах маминых гренок.

— Катя-я-я, вставай! — младший брат влетел в комнату и запрыгнул на мою кровать.

— Мелкий, ты по дому давно не летал?! Отстань, я спать хочу.

— А я тогда все гренки съем! — дразня и показывая язык, сказал Мелкий.

А вот это уже было серьёзным заявлением. Я спихнула его с кровати, вскочила и бросилась на кухню.

Мама в фартуке с котиками дожаривала последние порции гренок. Кошка сидела на подоконнике (том самом, строившемся в доме под папины слова: «Ни одна душа тут сидеть не будет») и пересчитывала количество вулканов за окном (её утренний ритуал). Пёс лежал в маминых ногах, не обращая никакого внимания на происходящее на кухне.

— Дети, сбегайте в сад, пожалуйста, — обратилась к нам мама. — Я хочу почек смородины и тимьяна. Принесите немного, ладно?

— Да, товарищ мама! — крикнули мы с братом.

— Кто последний, тот моет посуду! — добавил Мелкий и, влетев в сандалии, рванул на улицу.

Я побежала босиком за ним. Добежав до кустов смородины, ощутила свежий утренний воздух. Как же я была рада вернуться домой! Как сказал один великий классик: «В отпуске хорошо, а дома кровать мягкая».

Спустя минут семь мы уже сидели на кухне и пили душистый чай.

— Давно мы с Рэйкой не гуляли, — протянула мама.

— Давно? Мы домой только два дня назад прилетели. И то ты с ним вчера на озеро ходила!

— И кстати, о нём! — глаза мамы загорелись ярче. — Зовите соседей, купаться поедem!

Сложив посуду в раковину, мы с Мелким умчались умываться. Улыбнувшись какому-то пугалу со «взрывом» на голове в отражении зеркала, я выскочила на улицу.

На соседнем участке живут наши двоюродные братья, тётя и дядя, их мы по-домашнему окрестили «соседями». Спустя четыре секунды я с братом уже прыгала под их окнами.

— Давай им камешком в окно запульнём? — предложил младший.

— А мы уже проснулись, — прозвучало нам со спины. — Мы с Артуром уже полчаса как на батуте прыгаем.

Тётя с дядей купили нам всем большой батут, собрать его было ещё той пыткой. Однако теперь на нём мы пропрыгиваем всё своё время.

— У вас десять минут на сборы! Мы едем на озеро! — озадачили мы ребят.

Е. Мальцева. «Чудо с разноцветными глазами».
Рисунок А. Осиной, 13 лет, МБУ ДО МДШИ.
Преподаватель С. В. Порошина, с. Мильково

И, оставив их хлопать глазами, побежали собираться.

В назначенное время все были на своих местах: мама за рулём, я на месте штурмана, братья, готовящиеся к драке с лесными бандитами, — на заднем сиденье и Рэй — в багажнике.

Как только машина остановилась, пацаны вылетели из неё. Рэй, наверняка бывший в прошлой жизни оперным певцом, запел о своём, о собачьем. Передразнивая его, мама открыла багажник. Рей, выпрыгнув оттуда, начал наматывать круги вокруг нас. Затем рванул в кусты и вернулся оттуда с палкой, всем видом показывая, что он готов к приключениям.

Во всей этой суматохе мы не заметили, как наше число приросло.

— Ой, смотрите, собака! — воскликнул Артур, известный как самый внимательный из нас.

Сложно сказать, какого цвета было это существо, да и собака ли это. Казалось, что на месте она стоять тоже не умеет. Вилляющий хвост перевешивал её таз, отчего она болталась из стороны в сторону. Она была худой, грязной, без ошейника, с жёлтой биркой на левом ухе.

— Какой кошмар! — воскликнула мама. — Это не собака, а «собакосодержащий продукт»! (В нашей семье за собак считались

только хаски, лайки, овчарки и другие крупные собаки, а так мы в шутку окрестили маленьких декоративных собачек.)

Но я не сказала бы, что это чудо было маленьким. Универсальный размер. И компактная, и медведя прогонит, если что (очень важный пункт для жителя Камчатки).

— Мы идём? — раздалось где-то в деревьях.

— Так вы и так уже ушли! — крикнула я им вслед.

Мохнатое чудо умчалось за нами. По дороге до озера мы стали придумывать ему имя.

— Снежок!

— Пушок!

— Ликси!

— Пушка!

— Ну или Танк! — нисколько не смутившись, продолжил Вова.

— А мы что собираемся её забрать домой? — настороженно спросила мама.

— «Соседи» всё равно собаку хотели!

— Так они большую хотели! — неуверенно протянула мама.

— Уй! — раздался неожиданный мальчишеский взвизг. — Смотрите, как она высоко прыгает!

Собака действительно совсем нас не боялась и не относилась к нам, как к своим спасителям. Она резво прыгала за палкой, наматывала круги вокруг нас и казалась вполне счастливой.

— Она сумасшедшая! Прямо как белка! — громко пробурчал Вова. Он немного расстроился из-за того, что мы не приняли его идеи насчёт имени Танк.

— Кстати, точно! Пусть Белкой будет! — сказала мама.

В нашей семье прозвище Белка за рыжие волосы имела мама, а её сестру — мою тётю — все называли Стрелкой.

Нашу жаркую дискуссию прервало показавшееся из-за деревьев озеро.

— Ура!! Купаться!!! — и под общий визг рванули к воде, раздеваясь на бегу.

Вдоволь наплававшись, мы уселись в теньке на берегу. Мама достала из рюкзака коробку с едой и термос с душистым чаем.

— А Белка, кстати, не пошла с нами! — намазывая варенье на гренку, сказал Яша.

Когда мы купались, Белка опасно оставалась на траве, несмотря на все наши усилия, в отличие от Рэя, который преданно плыл за ничего не подозревающей мамой. А потом улёгся к ней на спину своей многокилограммовой тушей.

Мы спокойно уничтожали остатки завтрака, и вдруг над нами пролетела оса. Её точно привлёк запах варенья. Она стала кружить над нами и отчаянно пытаться присоединиться к нашей скромной трапезе. Белка, сидевшая рядом, начала скалиться и рычать. Покружив ещё немного, оса благополучно улетела прочь.

После этого мы с братьями были уверены: Белка теперь наша собака. Оставалось только убедить в этом маму. А её глаза уже сияли мягким светом. Смеясь, она погнала нас собираться назад. По дороге к машине мама иногда приговаривала: «Сестра меня убьёт». Однако ни у кого не оставалось сомнений, что Белка теперь точно наша.

Мы подошли к машине и начали загружать туда Рэя, вещи и себя. И под весь этот шум Белка снова исчезла в гаражах, стоящих неподалёку. Мы, было, совсем раскисли, ибо Белка нас покорила.

— Чего стоим? — крикнула мама, проворачивая ключ зажигания. — В погоню!

Мы прыгнули в машину. Белки нигде не было. Объехали все гаражи, вернулись назад и так много раз. И когда уже совсем отчаялись, на трассе блеснуло белое пятно. Мама вдавила педаль в пол, мы вжались в свои кресла, а Белка, словно почуяв нас, бросилась навстречу. Догнав её, мы открыли багажник. Тут она сразу показала, кто здесь главный, и прыгнула к мальчикам на руки.

Улыбаясь, как могут улыбаться только самые счастливые люди, мы приехали домой.

У нас появилось Чудо. С разноцветными глазами, абсолютно не исчезающей энергией и огромной любовью ко всему живому. Белка оказалась нетипичной собачкой, чем сразу запала в сердце абсолютно всем домашним.

Мы сидели на кухне, пили чай, а Рэй, взявший Белку на попечение, обучал её всем прелестям жизни в любви и заботе.

Татьяна МИРОНОВА

Второе рождение

Он — обыкновенный рядовой. Она — военная медсестра. По-знакомились на фронте, вместе воевали, преодолевали трудности. Даша всегда знала, что Саша защитит её, а Александр — что она всегда где-то рядом. Однако судьба вскоре разделила их. Она осталась в военном госпитале, его перебросили на передовую.

— Тревога! Подъём! — басистый крик лейтенанта Матвеева разбудил роту.

После долгого перехода по раскисшей весенней дороге уставшие люди едва успели забыться тревожным сном.

— Опять тревога, не дают поспать, — перешёптывались солдаты, спешно становясь в строй.

— Р-р-разговор-чи-ки в стрр-рою! — гаркнул офицер. — Пришло сообщение от разведки: в стороне от нашей роты, в лесу, затаилась разведгруппа противника. Они регулярно передают по радиции и часто меняют местоположение. Необходимо прочесать лес и обезвредить фрицев. Задача ясна?

— Так точно!

— Приступить к выполнению!

И бойцы побежали перестраиваться в боевой порядок.

— Орлов, поторапливайся! — крикнул Матвеев замешкавшемуся Саше.

Молодёнкому солдату не впервой прилетало от командира. Основательный, неторопливый деревенский парень со стороны мог показаться увальнем, но зато в бою он мгновенно собирался и с яростью шёл на врага.

Вот и лес. Белоствольные берёзки уже слегка приоделись зелёной листвой, трава пробивалась из-под земли. В лесной тишине, перебиваемой лишь птичьими трелями, казалось, что нет никакой войны, пора выходить в поле и разбрасывать по земле семена, а не бомбы и снаряды. «Ну, хватит, размечтался, дело надо делать», — Сашка стряхнул мысли и решительно шагнул вперёд.

Впереди роты шли разведчики. Они бесшумно крались по лесной чаще, поминутно оглядываясь по сторонам и чутко вслушиваясь в тишину. Вскоре в отдалении взлетела стайка птиц, слышался едва уловимый треск сучьев. Командир махнул рукой: «Ложись!» Солдаты рассредоточились по обеим сторонам лесной дороги, замаскировались и слились с едва зелёными кустами и бурой почвой.

Через несколько минут из-за деревьев показались немцы. В середине цепочки шёл радист, его враги берегли как зеницу ока.

«Огонь!» — скомандовал Матвеев. Лесную тишину разорвали автоматные очереди. Немцы, захваченные врасплох, после минутной растерянности опомнились и начали ожесточённо сопротивляться. Началась настоящая мясорубка. Орлов только успевал вскидывать винтовку и в прицел наблюдать, как валятся, будто подкошенные, немцы.

Сашу прикрывал белорус Олег Серёгин. В какой-то момент пуля, просвистевшая над Сашкиным ухом, ранила Олега. Схватив друга, боец пополз назад. Лесная ложбинка, надёжно скрытая кустами, показалась ему надёжным убежищем. «Лежи здесь, мы вернёмся за тобой», — прошептал Сашка и торопливо пополз на выстрелы.

Ожесточённая схватка продолжалась. Наконец отряд Матвеева начал теснить немцев в глубь леса. Вскоре со стороны полевого лагеря к нашим пришло подкрепление, и исход боя был решён.

Уже начали отправку раненых в полевой госпиталь. Рядовой Орлов, как и другие бойцы, бросился собирать трофеи. Автомат лишним не бывает. А главный трофей — рацию — командир принял от него первым делом. И вдруг, перешагивая через тело мёртвого врага, боковым зрением Саша успел заметить какое-то движение. Лежащий с правой стороны фриц вскинул руку с пистолетом, вжикнула пуля и... тишина.

Первое, что он увидел, с трудом открывая глаза, встревоженное лицо Даши, её милые веснушки и широко раскрытые голубые глаза.

— Даша, откуда ты здесь?

— Молчи, тебе нельзя говорить, ты слишком слаб. Теперь всё будет хорошо. А ты счастливчик, пуля прошла чуть повыше сердца.

Она не стала рассказывать, как упростила главврача госпиталя отпустить именно её в расположение роты Матвеева, как вместе с подкреплением прорывалась через огненный вихрь на помощь нашим, будто предчувствуя, что именно сейчас, в эти минуты так нужна любимому человеку.

А ему казалось, что за ту секунду, что прошла с момента выстрела, и до того, как он вновь открыл глаза, перед его глазами пролетела вся его жизнь: родная деревня, он — босоногий мальчишка в ночном у реки, суровый, но справедливый батя, добрая маманя и сестра-хохотушка. За секунду промелькнули все его двадцать лет. За секунду до второго рождения, за секунду до счастья...

Они прошли вместе всю войну, вместе встретили победный май 1945-го и вернулись домой. А эту встречу во фронтовом лесу вспоминали много лет, рассказывали о ней детям, а потом и внукам.

Ульяна МУРАДОВА

Заложник

*Быть человеком — дело вообще трудное до безумия.
Особенно если рядом с тобой люди, перед которыми
ты пытаешься выглядеть хорошим.*

Он вихрем взлетел со стула и озлобленно смял бумаги, разложенные на столе. Невыносимо. Он бросил скомканные листы на пол, окинул комнату яростным взглядом. Не помогает. Тяжелый вздох. Он дёрнулся к рабочему месту и опрокинул стул, пнув ногой вдогонку. Гнев пульсировал в голове, перед глазами всё плыло. С обессиленным криком, смахнув бесполезные вещи со стола, он перевернул и его. Грохот. Тишина.

Уродливая гримаса ненависти и горя исказила его лицо. Сейчас он не был похож на человека: обезумевший зверь, продолжающий бороться за обречённую жизнь, в глубине остатков души понимая, что всё бесполезно. Жуткое зрелище. На шее и руках выступили вены, видные даже сквозь покрасневшую кожу. Волосы встали дыбом, а глубокие вдохи с каждым разом сжимали комнату, умаляя не только старую квартиру, но и его теперь пустое значение. Злость сменялась паникой.

— Папа? — тонкий девичий голосок отрезвил пылающую голову и вернул в ненавистную реальность. Осталась лишь тягучая тишина, льющаяся в комнату и обволакивающая потерянного мужчину словно густая чёрная смола.

«Нет, пожалуйста, только не она». Он застыл в сковывающем страхе. Осознание ударило молнией ужаса. Глаза моментально округлились в чудовищном испуге, а сердце больно забилось о грудную клетку, желая скорее освободиться. Порывисто дёрнув головой в сторону дверного проёма, он не увидел там никого.

«Убежала? Да, испугалась».

Внезапно он подскочил к дверному проёму и осмотрелся по сторонам, болезненно цепляясь ногтями за деревянный косяк. Пусто. «Наверное, спряталась у мамы». Он осторожным ходом направился в спальную комнату, стараясь унять мелкую дрожь. Аккуратно застеленная мягким покрывалом кровать, разложенные аккуратными рядами книги, струящиеся шторы пенного цвета. Всё на своих местах, ни души... Глухой хлопок. Кухня. Он торопливо зашагал в противоположную сторону, рассекая воздух волнами лихорадочного волнения, ожидая увидеть свою восьмилетнюю дочь,

беспокойно жмущуюся под столом. Увы, окно захлопнул сквозняк. Мужчина замер посередине комнаты, продолжая медленно осматриваться, неверяще бегая глазами по углам.

Он понял, что не так.

Терять близких больно — к этому невозможно привыкнуть. Все твердят, что время лечит, но так ли это на самом деле? Разве можно предугадать будущее с такой лёгкостью? Никто не знает, когда солдат вернётся домой, пока он вынужден трястись от холода, пытаясь подремать в окопах хоть пару минут. Никто не знает, сколько дней протянет жертва несчастного случая, пока аппарат жизнеобеспечения качает кровь вместо сердца.

И он не знал. Не знал, способно ли время исцелить его больное сознание и не оставить уродливые шрамы. Не знал, на сколько может затянуться депрессия, если продолжать пытаться выжать из себя хоть пару строк, заглушая гнев и горечь алкоголем. Всё было нормально, пока он не начал молчать целыми днями, ведь в голове поселилась равнодушная пустота. Всё было нормально, пока он не стал закрываться в кабинете не только от своей же семьи, но и от всего мира, который, как ему казалось, глумился над его жалкой натурой. Под глазами залегли синяки, а впадины на и так худом лице создавали вид тяжело больного человека. Мертвец, отчаянно пытавшийся не сойти с ума.

Всё было нормально, пока они не начали ссориться каждый божий день. Она пыталась достучаться до него, объяснить, что оставлять это на самотёк нельзя, а он безостановочно твердил, что здоров и не собирается тратить время на глупые обследования и лечение несуществующих болячек. Он просто устал. Устал и, возможно, совсем немного потерял волю к жизни.

Однажды, он крепко схватил дочку за руку, но она сбежала, или, правильнее сказать, спаслась. В тот раз они поругались особенно сильно, хотя он не помнил практически ничего. Очнувшись в коридоре от затуманившей разум ярости, ни с того ни с сего нахлынувшей после очередного алкогольного «лечения», он стоял среди осколков огромного фигурного зеркала, подаренного на новоселье, и рассыпавшейся на пол сырой земли из перевёрнутых горшков, теперь разбитых на тысячи частей. Когда-то ему нравилось заботиться о цветах. Она же продолжала поливать их, в надежде снова заинтересовать этим мужчину, но попытки оказались тщетны.

Ошарашенно возвышаясь среди бардака, последнее, что он увидел — обливающееся горькими слезами личико маленькой девочки и трясущиеся от страха руки жены, жадно хватающейся за дочь.

Эта картина впиалась в сознание навсегда, каждый раз царапая изнутри. Оглушительный хлопок двери. Теперь он по-настоящему одинок.

Пожираемый приступом паники, он медленно осел на пол, хватаясь за волосы окровавленными руками, а первая мысль, промелькнувшая в голове, содержала в себе лишь жгучую ненависть к себе и жалкую мольбу богу о скорейшей смерти.

Женщина пришла к нему через неделю. «Мне страшно за дочь и за себя, нам больше нельзя здесь оставаться, извини. Я пыталась помочь, но сейчас, пожалуйста, дай нам спокойно уйти», — выдохнула она дрожащим голосом, лишь переступив порог холодной квартиры. Он хотел было возразить, броситься ей в ноги, в беспамятстве поклясться о готовности лечиться, но вместо этого слабо кивнул, с болезненным пониманием заглядывая в просящие и полные неизбывной боли глаза.

Молча развернувшись и неосознанно сжавшись, он ушёл в кабинет, бесшумно затворив за собой дверь. У него не было ничего. Не было даже банальной власти над собой. Он чувствовал себя заражённым и вовсе не желал порочить жизни тех, кого по-настоящему любил, хоть и осознал это слишком поздно.

Когда он вышел, пустующая квартира на миг озарилась светом, но тут же снова погрузилась в былую тьму. Тишина ложилась плотным одеялом, скрывая от него весь внешний мир — или мир от него. Неспешно зайдя в спальную комнату спустя неделю, будто опасаясь спугнуть мнимую теплоту, заметил свежестеленную кровать, покрытую мягким светло-зелёным пледом. Шкаф с одеждой был наполовину пуст, а полки рядом украшали книги, расставленные в библиотечном порядке: по первым буквам фамилий авторов. Шторы, которые он когда-то ненароком сорвал, мирно висели, скрывая внутренности квартиры от любопытных глаз. Порядок. Он заплакал.

Воспоминания проносились вихрем, завлекая его, пытаясь задушить. Прошёл целый год, но он помнил каждую мелочь, будто это было вчера. Он желал измениться, хотел почувствовать себя лучше, но результат вечно огорчал. Сколько бы усилий он ни прилагал — всё без толку. Этот едкий осадок не мог бесследно исчезнуть. Мысли и чувства продолжали рассыпаться пеплом прямо на руках, несмотря на то, с какими стараниями он склеивал себя снова и снова. Он бесконечно бежал, стирая в кровь стопы и разрывая лёгкие частыми вдохами, но для чего? Возможно, в безосновательной надежде скрыться от настигающей волны страха, а может,

пытаясь оторваться от собственного «я» и начать жизнь с чистого листа. Он был потерян в четырёх стенах, считая, что это целый мир.

Книги смиренно тянулись вдоль полок, плед укутывал широкую кровать, а шторы безропотно свисали в пол. Днём позднее квартира опустела, храня в себе душераздирающую историю человека, который в один момент лишился всего, что так отчаянно жаждал сбросить.

Жизнь во мраке

Я боюсь темноты, боюсь своих снов, боюсь
оставаться один и входить в пустые помещения.
Мариам Петросян

Когда ей страшно, она крепко зажимает уши ладонями и зажмуривает глаза до мелких звёздочек. Она тут же оказывается в темноте, которая совсем не пугает. В отличие от реальности.

Она точно знает, что если мама шепнёт на ухо: «уходи» и аккуратно заведёт за спину, то нужно прятаться в шкафу с одеждой до того момента, как она сама за ней не придёт. Но что будет, если нарушить указ матери и выйти раньше? Или не прятаться вовсе, притаившись за дверным проёмом? Наверное, ей не стоит этого знать.

Она медленно приоткрыла дверь в тёмную спальню родителей, изучающе осматривая пространство внутри, стараясь не издавать лишних звуков. Сейчас от мамы её отделяли несколько шагов и огромная стеклянная дверь, заглушающая громкие возгласы. Вглядываясь в самую глубь комнаты, девочка увидела, как кто-то пристально смотрел на неё из дальнего угла. Перекошенная и нечеловечески тонкая тёмная фигура молчала. Узкие алые щели вместо глаз не давали пошевелиться, завораживая и пугая одновременно.

По её спине пробежали мурашки, тонкие волосы на шее встали дыбом. Мгновение девочка стояла на пороге, переполненная сомнениями и ужасом. Первой мыслью, заставившей её сделать шаг назад, было вернуться к маме и тихо заплакать на её руках. Ступив ещё один маленький шагок назад, она бросила взгляд на мутное дверное стекло. Тут же её брови жалобно изогнулись и чуть приподнялись, а уголки рта упали, вынудив нижнюю губу безудержно дрожать. Собравшиеся слёзы, которые она попыталась сморгнуть, лишь накрыли растерянные глаза пеленой. Внезапный грохот и отчаянный плач, прерываемый мужским басом, заставили девочку

вздрагнуть всем телом. Забывая обо всём, она метнулась в темноту комнаты и зарылась в полосатые рубашки, затворив скрипучую дверь и не оставив ни малейшего источника света.

Она не боялась своей темноты — особенной. В шкафу же всё ещё было страшно.

Мигом зажав слезившиеся глаза и изо всех сил зажав уши маленькими ладонями, она сжалась в небольшой комочек в ожидании привычной тишины. В какой-то момент страх окончательно отступил, а колени перестали трястись. Тогда привычная тьма, наконец, окутала её, прижимая к пустому сердцу, баюкая и успокаивая. Представляя себя королевой деревянного замка, она строила бесконечные сказочные сюжеты в своей голове, ощущая гладкую чешую драконов подушечками пальцев и слыша запах тысячи роз в цветочном саду.

Теперь всё было хорошо. Она не хотела, чтобы её нашли.

Учитель

Её повседневной одеждой давно стали белая рубашка и серый льняной костюм. Ослабив пудровый галстук, она взглянула на часы, игриво блеснувшие на левом запястье. Сентябрь медленно уходил, уступая место настоящей осени, однако солнце не собиралось прятаться за тяжёлыми тучами, вежливо проникая в класс. Если тепло снаружи, то и на душе незаметно разливается приятное чувство умиротворения. Осень похожа на приближающееся прощание, но никак не для учителя.

Будучи маленькой девочкой, она безумно любила помогать на кухне. Бабушка выглядела совсем как колдунья, изучая новые рецепты домашних пирогов и морщинисто улыбаясь внучке. Девочка грезилась о карьере повара, с каждым днём узнавая всё больше и больше о кухонном ремесле. Её глаза восторженно сияли, когда она наблюдала за бабушкиными руками, нежно месившими пышное тесто.

Однако жизнь подобна речному течению и невозможно предугадать, что ждёт тебя впереди: выход в море или водопад. Но это не значит, что, растворившись в водопаде, впереди не найдётся новое продолжение реки. Спустя многие годы, она — уверенный в себе молодой специалист — сжимала в руках диплом, расставаясь с педагогическим университетом. Губы были подёрнуты печальной улыбкой, а кофейные радужки глаз счастливо искрились — совсем так же, как в детстве...

Откинувшись на спинку стула, она скучаяще разглядывала рабочий стол, заваленный тетрадями учеников разных классов. Молодой учитель — особый уровень сложности, тяжёлый не только для него самого, но и для многих учащихся, привыкших к консерватизму и строгости, наполняющих общеобразовательные школы. Несмотря на то что она работала здесь уже второй год, навязчивые мысли, что упущение чего-то важного в жизни неизбежно, не давали сердцу покоя. Один единственный вопрос метался в голове, заставляя задумчиво хмуриться: «Что, если я ошиблась?» Она устремила отрешённый взгляд на улицу за окном, медленно стуча пальцами о столешницу...

— Ба, а как ты поняла, что хочешь связать свою жизнь именно с готовкой? — ранним утром, сидя на старенькой кухне, спросила девушка, сонно потягивая горячий чай.

Выпуск из университета пришёлся на середину лета, поэтому, чтобы не просиживать самые жаркие дни в душном городе, она тут же уехала в деревню, давно ставшую вторым домом.

— А я и не хотела, — улыбнувшись, старушка прищурилась и аккуратно поставила на стол тарелку с вишнёвым пирогом. Усевшись напротив и глядя в непонимающие глаза внучки, продолжила: — Всю свою молодость я мечтала стать медсестрой. Уж очень хотела людей лечить, но, как видишь, своё предназначение не всегда понимаешь сразу, это приходит со временем.

Осеннее солнце вышло из-за оконной рамы, и яркие лучи озаарили печальные карие глаза, тут же зажмурившиеся. Громкий звонок мгновенно разорвал былую тишину, заставив чуть вздрогнуть, а затем утонул в непрерывном гаме. В открытой двери то и дело мелькали ученики, снующие туда-сюда, коридоры заполнила цветастая гамма голосов. Спустя минуты толпа ребят оживлённо ввалилась в класс, вытягивая учительницу из тоскливого оцепенения. Её глаза, заприметив радостные лица детей, в мгновение просветлели, а несуществующие оковы бесследно пропали, позволив, наконец, облегчённо выдохнуть.

Всё же ей удалось исполнить мечту и стать искусным кулинаром в своём деле. Скрупулёзно составляя новые рецепты учебных программ, она сочетала несочетаемое и создавала невозможное. Разбавляя скучные классические уроки пикантными специями в виде практических заданий, она каждый день заставляла детей улыбаться и не стесняться собственных особенностей, чувствовать и понимать то, что незаметно на первый взгляд. Она превратила ремесло в творчество, умудряясь совмещать учёбу с игрой.

Даже самые строгие критики, обычно скучающие на привычных уроках, вливались в их ход, проникаясь интересом к предмету.

Смерть самого близкого человека не могла не оставить отпечаток на сердце девушки, но бабушка всегда была где-то рядом. «Может, я и не стала медсестрой, но свежие щи точно лечат не хуже пилюль». Разглядывая бесконечные небеса, она вспоминала об этих словах, и улыбка озаряла уставшее лицо.

Быть учителем — настоящее искусство, и далеко не каждый сможет совладать со штормом детских умов. Этому не научат в университете, ведь настоящее призвание кроется глубоко внутри с самого рождения.

Поправив наручные часы, она довольно улыбнулась своим мыслям. «Нет, это точно не было ошибкой». Успокоив уверенным взглядом бушующий класс, она окончательно прогнала лёгкую печаль, посвящая себя любимому делу. Сомнения и страх — это нормально, ведь это часть пути к пониманию себя, не так ли?

Сергей НАЗИМОВ

Храбрый ворон

В давние-стародавние времена на краю земли, у самого северного моря был остров, где жили отважные и добрые люди. Они ловили неводом рыбу, охотились, вели хозяйство и никогда не унывали.

Но однажды случилась беда. Налетела на остров злая колдунья Пурга. Замахала своими белоснежными крыльями, засвистела во весь голос, всё вокруг смешалось и исчезло в белой пелене. Ничего не видно, а Пурге — весело! Поймала она солнце в сети и не выпускает его.

Настали у людей тёмные времена. Они не выходили из дома, чтобы не угодить в снежные сани Пурги. Дома, сидя у своих печурок, обращались к добрым духам, моля их о помощи. И их услышал бесстрашный и мудрый Ворон. Решил он отправиться в Царство света и тепла, к могущественному Солнцу, просить его помочь рыбакам и охотникам.

Знал мудрый Ворон, что нелёгким будет полёт, что он может погибнуть, но его это не остановило. Смазал он крылья китовым жиром, расправил их широко и взмыл высоко-высоко, под самые небеса!

С. Назимов. «Храбрый ворон».

Рисунок А. Правука, изостудия «Колибри».

Преподаватель Д. С. Кожемяка, г. Петропавловск-Камчатский

Ведьма Пурга, увидев его, пустилась вдогонку, засвистала, защёлкала, созвала всё своё ледяное войско, чтобы оно преградило дорогу Ворону. Его обдавало ледяным холодом, крутило и бросало из стороны в сторону, но он, напрягая все свои силы, продолжал полёт. Тогда вредная старуха решила закрыть ему дорогу свинцовыми щитами-тучами. Непреодолимой стеной встали они на пути. Никак их не сдвинуть с места. В отчаянии бился о них Ворон, но ничего не мог поделать. Обессиленный, он камнем полетел вниз.

Увидев это, одно маленькое снежное облако подхватило его, закрыло от Пурги пуховым одеялом и мягко опустило на вершину самой высокой сопки. Шепнуло облачко Седому Великану про Ворона, рассказало, как сражался он один против всего снежного войска, и попросило Старика помочь храброй птице. Заохал Старик, запричитал, и с его древней бороды снег посыпался. Взял он Ворона в свою ладонь, отогрел тёплым дыханием, напоил живой горной водой, накормил и предложил остаться у него до лета. Но храбрый Ворон, придя в себя, поблагодарил Старика и сказал, что ему необходимо лететь быстрее — люди ждут от него помощи.

Призадумался Старик и сказал Ворону, что в одиночку ведьму Пургу победить невозможно, надо обратиться к Буйному Ветру, чтобы он помог! Живёт он в ущелье, между сопки. На прощание дал Великан Ворону волшебный свисток, который поможет докричаться до голосистого Ветра.

Затем посадил Старик Ворона себе на ладонь, перенёс в ущелье и оставил там. Вскоре явился и Ветер — удалой молодец. Ворвался он в ущелье со свистом, носится, ничего не видит и не слышит. Тогда Ворон взял волшебный свисток и дунул в него. Не ожидал Буйный Ветер такого свиста, от неожиданности остановился, притих, стал по сторонам осматриваться. Увидел он Ворона, удивился и спросил, что тому надобно в его ущелье. Храбрая птица не растерялась и рассказала о том, куда путь держит.

Внимательно выслушал его Ветер-озорник и согласился помочь. Знал он, что с ведьмой Пургой может справиться только Великан-Вулкан, но для этого его нужно разбудить. Сердце Вулкана спало уже много лет, с того самого времени, как Морской Царь отказался выдать за него свою дочь, красавицу Волну.

Ворон и Ветер решили обратиться к Царю за помощью. Разыгрался Ветер над водной стихией, разбередил её, вызывая Царя на разговор. Отозвался тот, спросил, зачем Ветер наводит

волнение на его царство. Всё рассказали Ворон и Ветер владыке морскому в надежде, что он поможет им разбудить Великана. И Морской Царь, узнав, какие беды обрушились на людей, согласился помочь.

Заволновалось холодное северное море, потемнело. Волны с силой ударились о скалистый бок Вулкана, но не отзывался он на их зов. Тогда самая красивая, белоснежная волна — дочь Царя, собравшись с силами, поднялась до груди Великана и достала до его сердца. Почувствовал Вулкан-Великан её призыв — и проснулся! Распрямил он плечи, вздохнул всей грудью, и из сердца его огромными потоками хлынули чувства. Они были настолько сильными и горячими, что растопили всё на своём пути. Жёлтые, красные, оранжевые реки потекли по склону к морю. Озарилось всё вокруг необычайным светом! Морская вода засияла всеми цветами радуги, стала тёплой от огненных рек Великана, и на поверхности её раскрылись необычайной красоты цветы.

От тепла растопились снега, в сосульки превратилось ледяное войско Пурги, растворились сети, в которых она держала Солнце, и оно засияло на небе во всю свою мощь!

Радостно стало всем, кроме ведьмы. Она сжалась, потеряла свою былую силу и превратилась в маленькую лужицу.

Храбрый Ворон на крыльях тёплого Ветра возвращался домой, на остров, к людям, чтобы всегда быть рядом и помогать им в трудные минуты.

А люди на острове с тех пор живут счастливо и богато! Морской Царь щедро делится с ними своими богатствами, они же не забывают устраивать в его честь праздники. Вулкан открыл людям спрятанные в своих недрах богатства: камни-самоцветы и живительные источники удивительной силы!

Стал остров красивее прежнего, а люди — ещё добрее и внимательнее друг к другу!

И я там жил, и Ворона чтил,

Рыбу ел и на море смотрел...

Тут и сказке конец, а кто слушал молодец!

С. Назимов. «Храбрый ворон».
Рисунок Е. Ситниковой, 15 лет, МБУ ДО ДШИ.
Преподаватель Л. В. Шапенкова, п. Усть-Камчатск

Вероника ПЕДОС

Старушкина гостья

Янтарное солнце выходит из-за далёких холмов, доходит до леса. Ручки-лучики дотронулись до коры молодого дуба, защеко-тали кустики, залезая в их листву, поиграли с прозрачным, словно стеклянная бусинка на браслете, ручейком, погладили по головке каждого лесного зверя, птицу, жучка.

«Доброе утро!» — разлило солнце порцию света на каждый цветочек.

Не забыло оно и про одинокую старушку-иву. Расцеловав каждую зелёную слезинку, солнышко отправилось дальше по своему небесному пути тепла. Ветер, по пятам следовавший за светилом, из вредности легонько дунул на плакальщицу. Та качнула золотистыми ветками. Пушистые серёжки добавили в образ вечно печальной ивы немного радости. Щепотка этой радости не мешает её юной гостье.

Одна, вторая, третья ягодка... Вскоре они покрыли дно плетёного лукошка. Проворные пальчики пробрались в изумрудную листву малинового куста, широко раскрытые глаза выискивали добычу. Вот ягода, вот ещё одна и ещё. Теперь куст полностью изумрудный, без тёмно-розовых точек. Как и его друзья, которых посетила девочка с лукошком.

Худенькие ноги двинулись по протоптанной дороге. Девочка часто ходила здесь с мамой, собирая цветы и травы, из них получают чудесные лекарства от всех болезней. Но сегодня девочка собирает плоды одна. Ведь она пережила свою седьмую зиму! Совсем большая стала!

— Ой!

Она дошла до развилки из трёх дорожек. Из трёх одинаковых дорожек, с одинаково помятой травой, с одинаковыми камушками, с одинаковыми ромашками, васильками, борщевиками, крапивой... Но ведут они в разные стороны!

— Куда же мама обычно идёт за ягодами? — девочка задумчиво покрутила выбившуюся из косы прядь цвета лисьего хвоста. — Не помню...

Юная травница, поправив на голове платок, крепко задумалась. Посмотрела на первую дорожку, на вторую, третью. Потопала обутью в лапти ножкой. Вытерла потные ладошки о старую рубашку, длинную, немного не достигающую до щиколоток. Сморщила носик.

В. Педос. «Старушкина гостя».
Рисунок Е. Щелкуновой, 10 лет, МБУ ДО МДШИ.
Преподаватель С. В. Порошина, с. Мильково

— Ладно! — молвила нарочито громко. — «Право» от слова «правда». Значит, мне направо!

Дабы не засомневаться в правоте своих слов, девочка бегом направилась по правой лесной дорожке.

Долго бежать худенькое детское тельце, как ни старайся, не может. Вот и наша героиня остановилась, дыша часто-часто. Девочка, не поднимая головы, рукой нащупала что-то шершавое, твёрдое, надёжное, облокотилась о ствол старушки-ивы.

— Ух ты!

Первое, что увидела она, подняв рыжую головку, — водопад. Водопад зелёных листочков и золотистых серёжек. И как она их во время бега не заметила? А второе — небо. Голубое, чистое, доброе, с пушистыми овечками-облаками и далёкими загадочными холмами. Казалось, что недавно прошёл дождь, но капли, случайно или нет, он перепутал с золотыми одуванчиками — так много их на ослепительно зелёной поляне.

— Красота...

Девочка не заметила, как присела, обняв худенькими ручками ноги и облокотившись о ствол ивы. Её большие тёмные глаза впились в расстилающийся перед ней пейзаж...

— Лиса!

Девочка вздрогнула. Как давно она здесь сидит?

— Ли-и-са-а!

— Иду, мам! — девочка прыжком поднялась, отряхнула длинную, когда-то белую рубашку, схватила лукошко и устремилась к единственной на поляне дороге.

Позже она остановится, обернётся на одинокую золотую старушку и тихонько прошепчет:

— Я ещё вернусь.

Аурика ПИКАЛОВА

Зимний лес

Впереди вулканы возвышаются снежными изваяниями. Тихо завывает ветер. Лес потерял все краски: осталась только белизна.

Тоненькие молодые деревца, покачиваясь, перешёптываются. Они шепчутся о разном: о новой модной форме листиков на следующее лето, о том, как по весне правильно ухаживать за почками, чтобы они блестели и вовремя распускались.

А. Пикалова. «Зимний лес».

Рисунок Ю. Борисовой, г. Петропавловск-Камчатский

— Молодые они, наивные, — щебечут птички. — А полетели-ка подальше, там послушаем.

Чуть глубже в лесу деревья уже постарше. Они ведут степенные разговоры и светские беседы:

— Здравствуйте! Здравствуйте! — склоняются они друг к другу под тяжестью снега.

— Однако, какой у вас чудесный наряд! — и шепчут в сторону:

— Ну посмотрите — какая небрежность...

— А у меня недавно ещё одна белка дупло себе обустроила — такая прелесть! — тряхнуло дерево ветками.

— И правда, какая прелесть! — хмыкает другое подружкам.

Любят они обсуждать новые песни соловья-красношейки и хвастаться блестящими белыми одеяниями.

А вот течёт речка. Горячая, игривая. Молодые деревца её любят. Болтушка снова принесла с собой новости из середины полуострова. Они склоняются к ней, с восторгом слушая.

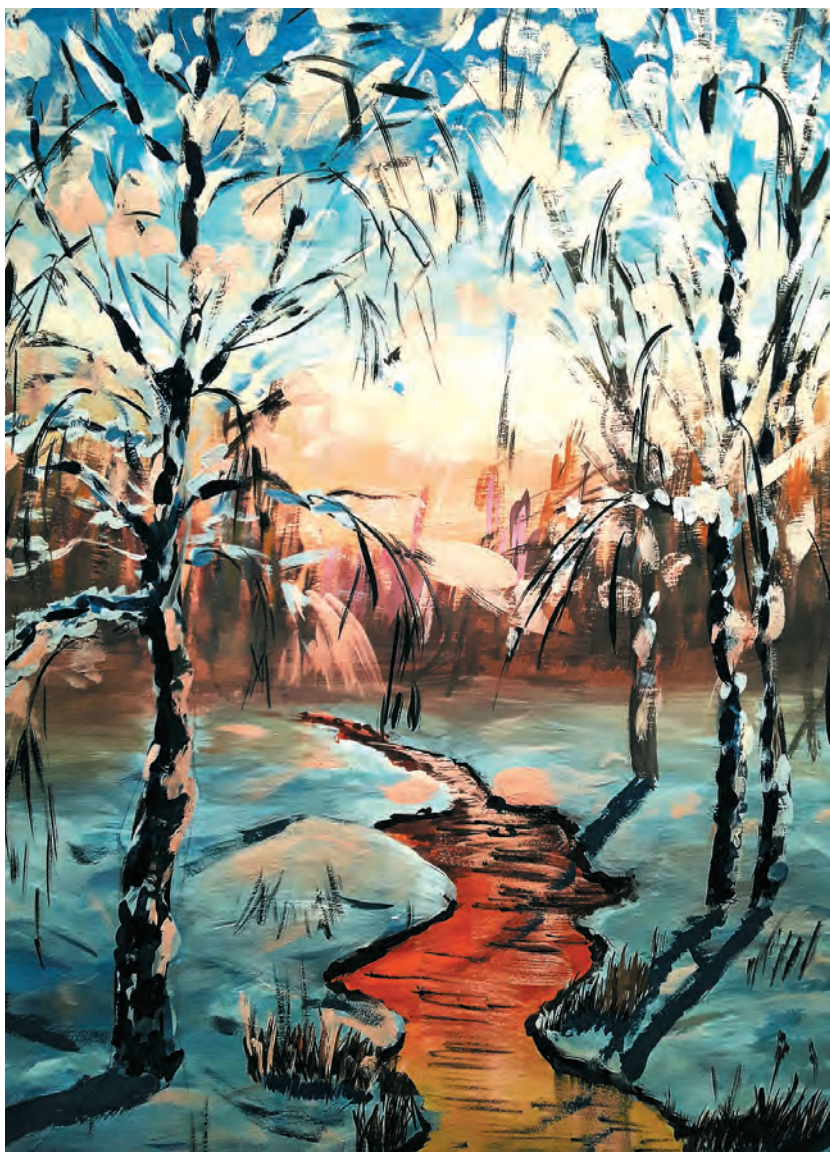
— Ах, Авача дымит?! — раздувают они сплетни.

— Неужели извергаться будет? — беспокоятся деревца, готовые уже сами вспыхнуть не хуже вулканов.

Их бурные возгласы слышали взрослые:

— Вечно они своей ерундой занимаются! — ворчат они.

— Сплетники! — фыркают, задрав нос.

А. Пикалова. «Зимний лес».

Рисунок А. Авраменко, 13 лет, МБУ ДО ДШИ.
Преподаватель Л. В. Шапенкова, п. Усть-Камчатск

Вдали тихо посмеиваются снежные изваяния. Вулканам всегда смешно за всем этим наблюдать. За миллиарды лет сменилось много поколений деревьев, но их всех объединяет одно: переполненные эмоциями разговоры молодых и извечная ворчливость стариков.

Данила ПОПОВ

Хозяин горы

Маленький Петот ждал отца. Неделю назад тот уехал на оленьей упряжке в соседнюю деревню проводить дедушку. Отец должен был вернуться три дня назад, но началась пурга...

Снег залепил все окна, в доме даже днём было темно. Все друзья мальчика тоже сидели по домам. Петот грустил, сидя на диване, читал книгу, но постоянно отвлекался и думал об отце. А ветер завывал всё сильнее. Петот сильно переживал за отца и вдруг вспомнил, что бабушка, когда задерживался дед, «кормила» огонь: просила Хозяина горы, стоявшей рядом с их селом, помочь её мужу. Он спрыгнул с дивана и побежал к маме, сидевшей на кухне и, подперев голову руками, о чём-то думавшей.

— Мама, мама! Надо накормить огонь, попросить, чтобы Хозяин горы помог папе! — закричал мальчик.

Мама посмотрела на него, погладила по голове, встала, приоткрыла печную дверцу. Огонь весело играл, пожирая берёзовые поленья. Мама положила в огонь щепотку чёрного чая, кусок сахара, конфетку, юколу. Она долго сидела перед огнём и что-то шептала.

Вечером пурга утихла. Утром Петот проснулся и подбежал к окну: на улице золотыми искрами переливался снег, солнце слепило глаза. А к обеду приехал отец. Он вошёл в дом, схватил Петота и подкинул вверх. Позже, когда все сидели за столом, отец рассказал, что на обратном пути попал в пургу. Пришлось остановиться. Олени легли, и он тоже лёг, прижался к ним и уснул. Прошло много времени. Пурга утихла, но встать не было сил, хотелось спать.

И вдруг подошёл старый дедушка, приказал ему встать, идти домой, помог выбраться на дорогу. Отец не успел поблагодарить его, потому что дедушка исчез. Отец так и не понял, кто это был. А Петот с мамой, улыбаясь, переглянулись. Они-то знали, что это был Хозяин горы.

Д. Попов. «Хозяин горы». Рисунки

Д. С. Кожемяки, г. Петропавловск-Камчатский

Д. Попов. «Хозяин горы». Рисунки

Д. С. Кожемяки, г. Петропавловск-Камчатский

Ксения СМИРНОВА

Кусочек лета

В промозглый и тоскливый день
Я шла домой одна.
Случайно взгляд упал на тень
Из нижнего окна...

Глаза невольно подняла
И улыбнулась вдруг,
Сама как будто расцвела,
Увидев яркий круг.

Подсолнух! Солнечный цветок
Чудесным сделал день.
Кусочек лета за стеклом
Печаль развеет всем.

И я ушла в душе с теплом,
С желанием дарить
Свой свет. И на окне пустом
Подсолнух посадить.

Ключи

Дул ветер. Вовка почувствовал его сразу, как только вышел из школы. Ледяной и промозглый, он моментально выдул всё тепло из-под куртки. Спрятав руки в карманы и утрюмо насупившись, Вовка пошёл домой.

День не задался. Декабрь, казалось, только начался, но уже близился конец четверти. И оценки, к сожалению, не радовали. Особенно по математике. В начальной школе было легче, а в пятом классе никак не получалось привыкнуть к новым учителям, новым предметам. Одна только география с рефератами чего стоила, да и даты по истории никак запомнить не получалось.

Погружённый в мрачные мысли, вжав от морозного ветра голову в плечи и ничего вокруг не замечая, Вовка прошёл мимо снежной горки. Вдруг среди шумных порывов ветра он услышал чей-то отчаявшийся, как будто из последних сил, плач. Мальчик поднял голову и огляделся, но рядом никого не было.

К. Смирнова. «Кусочек лета».
Рисунок К. Шишкиной, 11 лет, МБУ ДО МДШИ.
Преподаватель С. В. Порошина, с. Мильково

«Значит, это за горкой кто-то плачет», — решил он.

Возвращаться не хотелось, но если там кого-то обижают, то придётся помочь. Папа ему всегда говорил: «Сильные должны помогать слабым».

Однако за горкой никаких обидчиков не было. Там стоял мальчишка лет семи. Один. И, судя по его обессиленному плачу и замёрзшему обветренному лицу, стоял давно.

— Ты чего тут ревёшь? Смотри уже — вечер скоро, иди домой, там тебя потеряли, наверно, — насмешливо сказал Вовка. — Вот дома не сидится в такую погоду!

— Никто меня не потерял, — всхлипнул малыш. — Мама до вечера на работе, папа уехал на войну, а я ключи от дома не могу найти. Я с горки всего только один раз скатился и сразу домой пошёл. А ключей-то и нет, — сквозь слёзы прошептал мальчик. — Я уже весь рюкзак проверил и горку всю облазил, но никак не могу их найти. И домой попасть не могу, — вздохнул он.

Вовка нахмурился. Это было посложнее, чем просто отогнать обидчиков, но что-то надо делать, не оставлять же мелкого одного на улице мёрзнуть.

— А зовут тебя как? — спросил он.

— Миша, — тихо ответил мальчик.

— Ладно, Миша, похоже, без взрослых не разобраться, пошли в школу. Хотя бы согреешься, а там видно будет, — решил Вовка.

Зайдя в тёплую школу, мальчики наткнулись на вопросительный взгляд сторожа:

— Чего вернулись? Забыли что-то?

— Нет. Мы погреться пришли. Мелкий ключи потерял, а на улице ветер, так пока искал, замёрз очень, — ответил Вовка по-взрослому.

— Ясно, — улыбнулся сторож, — а ключи не с мячиком ли?

— Да, — робко улыбнулся в ответ Миша.

— Так они у меня уже три часа лежат, ребята возле горки нашли, принесли вот. Забирай на здоровье, — протянул ключи сторож.

— Спасибо вам большое! — малыш повернулся к Вовке. — И тебе огромное спасибо! Я домой побегу. До маминого прихода как раз успею уроки сделать, — счастливо протараторил он и бегом выскочил за дверь.

— Гляди какой шустрый, — рассмеялся сторож.

Вовка, попрощавшись, вышел на улицу. По-прежнему было холодно и дул ветер. Но, вспоминая радостные глаза малыша, на душе становилось теплее и самому хотелось улыбаться.

К. Смирнова. «Ключи».
Рисунок П. Ким, 14 лет, МБУ ДО МДШИ.
Преподаватель С. В. Порошина, с. Мильково

«Вот глупый, — думал он, — вместо того чтобы попросить помощи у старших, сам три часа искал ключи и ревел на ветру. А можно было всё так просто решить. Эх, да и я хорош, — хлопнул себя по лбу и усмехнулся Вовка, — папа же в начальной школе всегда помогал с математикой, давно надо было его попросить объяснить новую тему. А с географией и историей я уж сам как-нибудь справлюсь, время-то ещё есть».

Проходя мимо горки, Вовка невольно прислушался, но на этот раз было слышно только как шумит ветер. И мальчик, улыбаясь своим мыслям, пошёл домой.

Мой свет в конце коридора

— Ненавижу! Я никуда не поеду! Зачем? Зачем ты согласилась на эту работу? — я никак не мог остановиться, мне казалось, что весь мир настроился против меня. И в первую очередь мама.

— Ты же знаешь, Саш, почему я это сделала, — пыталась она меня успокоить. — После твоей драки здесь мы оставаться не можем. Все в посёлке нас избегают, тебе не дадут окончить школу. Ты же взрослый уже, должен понимать, что так будет лучше.

Я понимал. И в свои четырнадцать лет знал, что виноват в этом сам. И не только в этом. Мамину жизнь сломал тоже я. Она забеременела и вышла замуж на третьем курсе. Учёбу пришлось бросить, чего её родители так ей и не простили. Когда я родился, отец от нас ушёл. Нам с мамой пришлось много переезжать, денег не было, а постоянную работу в городе она найти не могла — я часто болел. Когда подрос, несколько раз нам пришлось переехать из-за моих сложностей в школе. Я не терпел насмешки и сразу бил любого, кто вызывал мой гнев. Наконец, три года назад мы переехали сюда, в небольшой посёлок, и в нашей жизни появилась стабильность.

И вот, в один сентябрьский день, всё рухнуло из-за этого нагло-го и самоуверенного выскочки.

Я подрался с сыном директора нашего совхоза. Там работали все родители одноклассников, по правде говоря, и работы-то другой в посёлке не было. Про драку в школе моментально узнали все.

Маму уволили на следующий день, оформив это задним числом и не выплатив денег. Соседи и бывшие друзья больше с нами не общались, никому не хотелось вызвать недовольство директора и остаться без работы. Это был конец нашей спокойной жизни. Переезд ставил на ней окончательную точку.

На следующий день, рано утром, мы уже ехали на автобусе в город. Мама по объявлению нашла работу. Жить пока было негде, но рядом с её новой работой сдавались комнаты в общежитии. Наших накопленных денег должно было хватить на первое время.

Комната в общежитии была маленькой и тесной. Снимать квартиру целиком нам сейчас было не по карману, а самые большие и удобные комнаты занимали постоянные жильцы.

Увидев на полу крупного таракана, я молча на него наступил. Сказать что-то вслух не смог. Это по моей вине маме придётся здесь жить.

— Ну не горюй, со всем справимся, мы же вместе, — погладила меня по голове мама, заглядывая в глаза.

Я вырвался и молча сел на скрипучую кровать. Мрачным взглядом окинул комнату. Две кровати, стол, маленький шкаф, один стул и табурет возле старого холодильника. Чувство стыда и разочарования стало сильнее. Комната разительно отличалась от нашего дома в посёлке.

Ночью мне не спалось. Кровать жутко скрипела при малейшем движении. Мама уснула сразу. Наверное, в первый раз за четыре дня. Сон её был беспокойным, она хмурилась, стонала и как будто пыталась кому-то что-то доказать. Смотреть на это было больно. Я встал и вышел из комнаты.

Длинный тёмный коридор, заваленный старыми вещами, вёл на разбитую временем кухню. В полной темноте я прошёл, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить маму и соседей.

На кухне царил сумрак. Тусклый свет от уличного фонаря пробивался сквозь грязное стекло. От скуки я подошёл к окну, выглянул на улицу и начал наблюдать за бродячей собакой у соседнего дома.

Какой-то звук заставил меня посмотреть вниз. В углу, за разломанной старой плитой, на полу сидела светловолосая девочка примерно моего возраста. Сдерживая рыдания, она зажимала себе рот ладошкой. Лицо её было в слезах.

Не придумав ничего лучшего, я молча сел на пол рядом с ней.

— Я не хочу жить! — внезапно прошептала она. — Без меня всем будет только лучше. Я мешаю родителям, меня презирают в школе. Всё бесполезно. Вся моя жизнь бесполезна! — продолжала девочка, судорожно всхлипывая.

Не зная, что ответить, я высказал всё то, что мучило меня последнее время:

— Сломал нос однокласснику. Его отец выгнал мою маму с работы и дал три дня, чтобы мы уехали из посёлка. Или он бы написал заявление в полицию.

Девочка замерла. Широко раскрыв глаза, она смотрела на меня, как будто пытаюсь понять — правду я сказал или же это глупая шутка, чтобы её отвлечь и успокоить.

Я пожал плечами, не представляя, что ещё можно к этому добавить.

— Да, и ещё в нашей комнате жил огромный таракан и я его убил. Жуткий поступок, согласен, но, сама понимаешь, у меня не было выбора. В комнате должен был остаться или он, или я, — сдерживая смех, я скорчил страшную рожицу в стиле «самый страшный убийца».

Она рассмеялась. Несмело, чуть истерически, но рассмеялась. Вытирая слезы, протянула мне руку:

— Ника. Сокращенно от Вероника, но так мне больше нравится. Означает «победа», — добавила она. — Ты забавный. Так это правда, что ты сломал ему нос?

— Саша, — слегка пожал я протянутую руку. — Да. И с ним у меня действительно не было выбора, — улыбнулся я. — Он очень плохо говорил о моей маме. Только вот я не рассчитал силу, уж очень он меня разозлил. Хотел ему только фингал поставить, а в итоге сломал нос. Кровищи было... Представляешь, он на всю школу орал, что его убивают!

— Да уж. Опасный ты человек, — усмехнулась Ника в ответ. — Значит, вы только приехали. А что со школой, ты в каком классе сейчас?

— Перешёл в восьмой. Завтра нужно документы подавать, но мы ещё с мамой не решили, в какую, — проговорил задумчиво я. — Это не посёлок, где одна школа на всех. У вас тут их три рядом, попробуй угадай, где учителя лучше.

— А я тоже в восьмом. Может, захочешь пойти в наш класс? Школа совсем рядом, и учителя неплохие. Много задают, конечно, но зато всегда можно подойти и пересдать, если получишь двойку. Мне вот придётся пересдавать теорему по геометрии, — вздохнула она. — Ты не думай, я не глупая, просто не смогла её выучить вовремя. Весь класс надо мной смеялся. Учительница не ругала, но расстроилась и сказала прийти в пятницу после уроков на пересдачу. Соглашайся, — умоляюще сложила ладошки девочка, — будем вместе в школу ходить. И уроки делать. Я тебе помогу и всё покажу у нас. Ну, пожа-а-алуйста, — протянула она нараспев.

— Уговорила, — рассмеялся я, — только, чур, домашки не списывать. Ошибки и грабли должны быть собственные, а не чужие.

Школа и учителя ничем не отличались от того, к чему я привык в нашем посёлке. Программа была такой же, а по темам я даже немного ушёл вперед. Новые одноклассники меня не впечатлили, но и особо не надоедали. Иногда казалось, они даже не обратили внимания, что на уроках стало на одного человека больше. Единственная, кому было не «всё равно», была Ника. С ней мы по-настоящему сдружились.

Зря она говорила, что мешает своим родителям, на самом деле, они её почти не видели. Уходили рано, приходили поздно, и весь день Ника была предоставлена самой себе. Когда они возвращались, она больше времени проводила на общей кухне, чем в своей комнате. Часто поздним вечером, и иногда, если не мог уснуть, я выглядывал за свою дверь. И если в конце коридора был свет, осторожно обходя залежи вещей у чужих комнат, тихо пробирался на кухню.

Мы сидели вдвоём. Ярко горела настольная лампа, и уютно кипел чайник. Пили чай или просто разговаривали. Иногда она рассказывала истории одноклассников, иногда я вспоминал прежних друзей и соседей. Удивительно, но с ней самые банальные истории казались интересными, постоянно хотелось шутить, чтобы снова услышать её звонкий смех или хотя бы увидеть грустную улыбку в ответ.

В начале декабря я заболел. Померив высокую температуру и оценив кашель, мама решила оставить меня дома. При мне позвонила классному руководителю и договорилась, что меня не будет в школе несколько дней. Потом ушла на работу.

Не помню точно, как я провел то утро, но было скучно. Всё время хотелось позвонить Нике и спросить, как у неё дела, что нового в школе, и задать ещё много дурацких вопросов, лишь бы только услышать её голос.

В обед я не выдержал и всё-таки ей позвонил. Она не взяла трубку. Через три часа, когда Ника уже должна была вернуться домой, я позвонил снова. Телефон был выключен.

Я понимал, что особых причин нет, но, неожиданно для себя, начал беспокоиться. К маминому приходу я уже откровенно паниковал. В начале десятого мама не выдержала мой умоляющий взгляд и позвонила Никиной маме. Долго молча слушала ответ и, положив трубку, села рядом со мной на кровать.

— Саш, ты только не волнуйся. Утром Веронику возле школы сбила машина. Она была без сознания, поэтому вызвали скорую.

Сейчас её родители с ней в больнице. У неё перелом руки и сотрясение мозга. Ей нужен покой, поэтому телефон у неё забрали. Завтра утром врачи будут решать, как её лечить.

Уснуть я не мог. Долго метался по комнате, пока мама не попросила меня выйти и не мешать ей. Выскочив в коридор, я по привычке направился было на кухню, но свет не горел, и я, вздрогнув, вспомнил, что Ники там нет. Развернувшись, сжав кулаки и старательно пытаясь сдержать слёзы, выбежал на улицу. Медленно вдыхая морозный воздух и беззвучно плача, простоял там до тех пор, пока окончательно не замёрз.

Нiku выписали через неделю.

— Привет, — смущенно улыбаясь, с гипсом на левой руке, она стояла у моей двери.

— Ну, наконец-то! Выписали! — я обрадовался так, что готов был обнять весь мир. — Вот уж точно «победительница» машин. Ты правила дорожного движения никогда не учила? Как вообще додумалась обходить машину сзади, если видела, что она ещё движется? — набросился я на неё со смехом. — Всё, кончились твои больничные каникулы, начались суровые будни. Не переживай, на все контрольные ты успела, — «успокоил» её я.

Мы ещё долго стояли и говорили о её больничной жизни, о её родителях, жутко перепугавшихся и не отходивших от неё всю неделю. Я рассказывал, как сильно переживали за неё одноклассники и про несчастного водителя, которого почти сразу уволили и завели уголовное дело.

Я стоял и смотрел на неё. И меня переполняло счастье, оттого что с Никой всё в порядке и она рядом. И что, выглянув из своей комнаты поздно вечером, снова увижу свет в конце коридора, такого же тёмного, какой стала моя жизнь без этой весёлой, но очень ранимой девочки.

Антон ТИХОМИРОВ

Погода подаёт намёки

Погода подаёт намёки
И снежным почерком своим
Выводит яростные строки.
Пойму я многое по ним.

Сейчас у нас снежинки тают
На тёпленьком ещё окне.
А за стеклом пурга летает
И всё гудит, как на войне.

Стихии громко насмерть бьются,
Не уступая никому.
То солнца лучики пробьются
Сквозь кучевую пелену,

То голубой небесный купол
Пурга окрасит в серый цвет
И, прилетя по ветру в ступе,
На землю пустит много бед.

Лишь показавшуюся снова
Траву, зелёную нить,
Укроет ледяным покровом,
Та, уцелев, продолжит жить.

Но солнца свет пургу прогонит,
Пройдёт тепло сквозь облака
И на поверхности откроет
Траву, озябшую слегка.

Всё оживет под яркой искрой.
Но я скажу вам наперёд,
Что холод не сдаётся быстро
И вьюга к нам ещё придёт.

И каждый раз на всей планете
Неистово идёт опять
Война между зимой и летом:
Никто не хочет отступать.

Надежда ФАНОВА

Бесконечный луч света

Поздним сентябрьским вечером десятиклассник Саша Никонов сидел за письменным столом и старался привести в порядок мысли, роившиеся в голове. Предметом его размышлений стал Александр Николаевич Островский. О нём Саша думал не о как замечательном драматурге и разносторонней личности, а как о «проблеме», появившейся после урока. Дело в том, что Наталья Викторовна, учительница русского языка и литературы, попросила в домашнем задании поделиться впечатлениями о пьесе «Гроза».

Легко сказать, да тяжело сделать! Мозг у Саши кипел, но ничего путного в голову так и не пришло. Десятиклассник решил, что выполнит «домашку» завтра, и с чистой совестью отправился в кровать.

Проснулся Саша от какого-то странного шума, раздававшегося в помещении. Раскрыв глаза, он понял, что находится уже не в своей комнате, а сидит в зале правосудия среди необычно одетых людей.

— Встать! Суд идёт! — сказал кто-то. Ученик не стал разбираться, кто это произнёс, и поднялся со всеми.

Его внимание обратилось к фигуре судьи — высокому мужчине с крупным и осанистым туловищем. Бледность его лица подчеркивал светлый судейский парик из конского волоса. Лицо служителя Фемиды показалось Саше знакомым. Через несколько минут мальчика осенило: портрет этого мужчины он видел в кабинете литературы, только там «незнакомец» был без мантии и парика, а простоволосым и в халате с беличьей оторочкой! Саша даже вспомнил фамилию художника (не то Перов, не то Петров) и надпись внизу портрета: «Александр Николаевич Островский». А ещё, помнится, Наталья Викторовна рассказывала, что Островский вёл протоколы заседаний сначала в Совестном суде, а после и в Коммерческом. Его даже избрали почётным мировым судьёй Кинешемского уезда Костромской губернии.

«Не может быть, — крутилось в голове у десятиклассника, — я вживую вижу настоящего классика, ему в этом году исполнилось двести лет! Это просто невозможно!»

— Садитесь! — грозно произнёс мужчина во фраке, и все присутствующие заняли свои места.

— Жители Калинова, сегодня мы рассмотрим дело о смерти Катерины Кабановой, — произнёс драматург, и по всему залу суда начали перешёптываться.

— Попрошу тишины! — он постучал по столу молотком. — Пригласите главную подозреваемую в убийстве девушки — Марфу Игнатьевну Кабанову.

По спине Саши побежали мурашки. Он прочитал пьесу, но плохо запомнил имена персонажей, поэтому выжидал какого-нибудь сюжетного поворота, чтобы наверняка узнать, кто такая Марфа Игнатьевна.

— Вы обвиняетесь в подстрекательстве к убийству, госпожа Кабанова. Признаёте ли свою вину? — сурово спросил судья-драматург.

— Не очень-то нынче старших, как погляжу, уважают: напраслину возводят. А доказательства где? — с обидой воскликнула Кабаниха.

— У нас есть свидетели, которые смогут подтвердить постоянное унижение и давление с вашей стороны по отношению к покойной, — возразил судья.

— Да кто же эти дураки? — усмехнулась женщина и закатила глаза.

— Это я, — вдруг из ниоткуда возникла молодая девушка, лицо её было светло и решительно. — Не хочу больше врать и прятаться. Скажу всё как есть!

— Варя, дочь моя! — Кабаниха хотела было броситься девушке на шею, но Варвара успела выставить перед собой руки, чтобы маменька не прикоснулась к ней.

— Я могу говорить, господин судья? — Варвара тряхнула головой. — Передо мной стоит Кабанова Марфа Игнатьевна, изводившая покойную укорами и державшая в страхе на протяжении всего времени, что та жила у нас в доме, намереваясь сжить её со свету белого. Помню, как Катерина сетовала, что у матушки своей «жила, ни об чём не тужила, точно птичка на воле». Обманывать Катерина не умела, а у нас весь дом на вранье и держится.

— Врёшь, бестия! Пригрели мы змею на груди! Мужу изменяла она, а виновата я?! — взбесилась Кабаниха, услышав подобные обвинения. — Вы должны знать, господин судья, что старый человек на ветер слова не бросает!

— Марфа Игнатьевна, попрошу вас помолчать, сейчас говорит Варвара Ивановна, — отчеканил Островский, и женщина замолчала.

— Продолжу с вашего позволения, уважаемый судья. Обвиняемая унижала покойную и настраивала против неё собственного сына. Тихон Иванович, брат мой, не противоречил маменьке. Наоборот, он ей беспрекословно подчинялся. Вот жену и не сберёт, — на одном дыхании проговорила Варвара и убрала с лица прядь, выбившуюся из косы.

— Варвара Ивановна, вы закончили? — спросил Александр Николаевич Островский.

— Да, — ответила девушка и посмотрела в сторону Кабанихи, чьи глаза метали молнии.

— Что ж, вызовите мужа покойной, — произнёс судья.

В зал вошёл молодой человек, быстро направившийся к Марфе Игнатьевне.

— Тихон Иванович, считаете ли вы, что родительница ваша способствовала самоубийству Катерины Петровны?

— Нет, — тихо ответил мужчина, но после толчка в бок, полученного от матери, уже громче повторил свой ответ.

— Хорошо. Что вы тогда скажете в защиту Марфы Игнатьевны? — поинтересовался судья и устремил взгляд прямо на вдовца.

— Моя мать, Кабанова Марфа Игнатьевна, — добрейшей души человек, она и мухи не обидит. А покойная жена сама обрекла себя на позор, потому и сбросилась с обрыва. Совесть её терзала, вот жизнь и стала не мила.

— Тогда почему, по словам очевидцев, увидев тело жены, вы кричали: «...Маменька! Вы её погубили!»? — возразил Островский, но не успел получить вразумительного ответа, поскольку его кто-то перебил.

— Да как же вы не понимаете? — встал со своего места Саша Никонов, ученик десятого класса.

Десятки пар глаз обратились на него, что смутило ученика, но он продолжал говорить:

— Кабаниха, точнее, Кабанова Марфа Игнатьевна, причастна к смерти Катерины. Быть может, если бы купчиха не тиранила невестку и не принуждала своего безвольного сына измываться над женой, то сложилось бы всё по-другому. Бедная Катерина попала не в то общество, она просто хотела быть счастливой, но ей этого не позволили! И Борис не смог её защитить: страх перед дядей оказался сильнее. В мире, где правят Дикие и Кабановы, обрести счастье невозможно!

— Юноша прав! — зашумели со всех сторон. — Кабаниха виновна!

— Катерина — луч света в тёмном царстве! — выкрикнул кто-то из зала, но Александр так и не успел узнать, кто это был, потому что проснулся в холодном поту от будильника...

«Кому расскажу — не поверят», — подумал юноша и засобирился в школу, забыв, что не выполнил «домашку» в тетрадке. Весь день в школе он размышлял над последними словами незнакомца о «луче света», поэтому, когда на уроке Наталья Викторовна попросила сдать тетрадь на проверку, пришлось признаться, что там нет ни одной записи.

— Александр, Александр, — покачала головой Наталья Викторовна. — Снова не готов?

— Я ничего не написал, но могу сказать, что Катерина — луч света в тёмном царстве, — выдохнул ученик.

— Объясни, почему ты согласен с мнением Николая Добролюбова? — улыбнулась учительница.

Вдруг юношу осенило: теперь он знал, кто был этот незнакомец, на словах которого оборвался сон...

— Катерина являлась олицетворением нового поколения, не могущего оставаться среди патриархального общества, не готового к переменам и новым взглядам на жизнь. Эта пьеса о достоинстве человека, о праве личности на уважение, о подлинной ценности свободы. О том, наконец, что нельзя смиряться с произволом во все времена, — ответил десятиклассник, обведя класс глазами.

— Александр, это прекрасный ответ. Теперь я вижу, что ты внимательно прочёл произведение и понял авторский замысел. Не зря же тебя зовут так же, как и великого драматурга, — улыбнулась Наталья Викторовна и продолжила беседу с классом.

А Саша обернулся к портрету Островского, нарисованному Василием Перовым в далёком 1871 году, и прошептал:

— Спасибо за ваш вклад в литературу, Александр Николаевич! Луч света действительно бесконечен!

Руслан ЧЕТЫРИН

Напутствие

В лучах нетленного заката,
В той незабвенной тишине
Явился образ мне Сократа
В туманном и глубоком сне.

Философ молвил мне степенно
О том, что благо лишь одно:
И это — знание Вселенной,
Его понять не всем дано...

«Богатство, знатность — вещь дурная,
К невежеству превратный путь...
Даймоний дан нам всем недаром,
Поможет он понять, в чём суть.

Его ты слушай, друг мой юный,
Свой голос внутренний... всегда —
И в радости, и в искушении,
И в час, когда придёт беда.

Пусть доброта, отзывчивость, гуманность
Не покидают твою совесть никогда.
А тяга к знаниям и любопытство
Идут с тобой по жизни сквозь года.

Я в старости познал игру на лире,
Ведь всё ученье — бесконечный свет!
И будет всё в порядке в этом мире,
Пока ты ищешь правильный ответ».

Тот сон я вспоминаю ежедневно,
Когда учебник в руки вновь беру,
За помыслы и мудрость, несомненно,
Сократа я теперь благодарю.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Де Полина, ученица восьмого класса средней школы № 42 г. Петропавловска-Камчатского.

Дубовская Милена, ученица одиннадцатого класса Никольской средней школы Алеутского района Камчатского края.

Иванова Дарья, ученица десятого класса средней школы, живёт в г. Елизово Камчатского края.

Ковальков Иван, 2003 г. р., выпускник Центра творческого развития и гуманитарного образования («Школа юных литературных дарований»).

Косицын Егор, 2009 г. р., ученик студии «Риторика» Центра творческого развития и гуманитарного образования («Школа юных литературных дарований»).

Куклина Мария, выпускница Анавайской средней общеобразовательной школы Камчатского края.

Лаптева Софья, в 2021 г. окончила студию молодого писателя «Природа слова» Центра творческого развития и гуманитарного образования («Школа юных литературных дарований»).

Мальцева Екатерина, ученица восьмого класса средней школы № 1 г. Петропавловска-Камчатского.

Миронова Татьяна, 13 лет, жительница села Никольское Алеутского района Камчатского края.

Мурадова Ульяна, десятиклассница средней школы № 33 г. Петропавловска-Камчатского, выпускница Центра творческого развития и гуманитарного образования («Школа юных литературных дарований»).

Назимов Сергей, шестиклассник Ильпырской общеобразовательной школы Камчатского края.

Педос Вероника, десятиклассница средней школы № 7 имени О. Н. Мамченкова, г. Елизово Камчатского края.

Пикалова Аурика, восьмиклассница средней школы № 40 г. Петропавловска-Камчатского, ученица Центра творческого развития и гуманитарного образования («Школа юных литературных дарований»).

Попов Данила, шестиклассник, житель села Карага Карагинского района Камчатского края.

Смирнова Ксения, восьмиклассница средней школы № 24 г. Петропавловска-Камчатского.

Тихомиров Антон, 2009 г. р., ученик студии «Риторика» Центра творческого развития и гуманитарного образования («Школа юных литературных дарований»).

Фанова Надежда, ученица средней школы № 42 г. Петропавловска-Камчатского.

Четырин Руслан, ученик средней школы № 42 г. Петропавловска-Камчатского.

Я ВОЗЬМУ И ОТКРОЮ ТЕТРАДЬ...

Ася БЕЛЯЕВА

Континенты срослись, и травой затянулись швы,
И везде пророс бесконечный зелёный лес.
Всё заполнил запах и шелест его листвы,
И его чудес.

Потонули в зелени все города-дороги,
Небоскребы, станции, улицы, гаражи.
Наконец-то вышли робкие единороги
Гулять во ржи.

Воздушные шары — единственный вид транспорта.
Это медленно, это плавно. Скорость не имеет значения.
Человек летит — у него нет ни билета, ни карты, ни паспорта.
У него есть приключение.

Миллиарды птиц: утром, не открывая глаза, я ныряю в звук.
Вытягиваюсь, вдыхаю солнечный свет.
Замираю, прислушиваясь, — где мой друг?
Я думаю, это лучшая из планет.

И птицы строят домики меж ветвей,
И ловят всяких кузнечиков на полях.
На этой земле нет рыб и нет кораблей.
Иногда я плачу о рыбах и кораблях.

А. Беляева. «Континенты срослись, и травой затянулись швы...»
Рисунок автора

* * *

Из взрослых дел немыслимого вороха
Себе взяла отгул в чужое детство я.
Здесь жимолость жужжит, жужжит черёмуха,
Шмелиным гулом жизнь вокруг приветствуя.

Я с удивлением гляжу на кущи райские,
Где всё цветёт, зелёное и летнее,
Где труд и мир отпраздновали майские,
А там, в ВК, в Камчатской белой ленте я

Гляжу: лежат снега, кружат пушинками.
Лишь склоны сопок в пепельных подпалинах.
Проклянувшись смешными черемшинками,
Весна стоит на снеговых развалинах.

Но здесь, где всё вокруг жужжит с прилежностью,
Где жизнь бурлит в любом кусте и дереве,
Зачем гляжу с такой тоской и нежностью,
Как снег лежит на Горизонте-Севере?

* * *

Даже вот только-только с трапа сойду, уже
Сразу слышу, и вижу, и чувствую — здесь другое.
Всё, от вулканов до выдачи багажа в гараже.
И я тормошу прилетевших со мною: «Гляди — какое!»

А они улыбаются: «Да-да-да, да-да, да-да,
Очень красиво. Но ведь это — Камчатка, детка».
И они, посетившие многие страны и города,
Не уловят, как воздух здесь морем пропитан крепко.

Как в хорошую погоду здесь отдыхает взгляд
На сверкающей великолепной громаде Авачи,
Как меж пальцами сопок лежит, зажат,
Город. И даже трава здесь растёт иначе.

А. Беляева. «Даже вот только-только с трапа сойду...»
Рисунок автора

Впрочем, может быть, мне это только чудится, потому
Что здесь живёт моё горьковато-попынное детство.
И моя несуразная юность в косухе песни поёт ему,
И гуляет по сопкам, и садится к костру погреться.

Потому что вороны здесь так же черным-черны,
Как мои двадцать лет назад, как в мои — пятнадцать.
Потому что здесь — начало моей страны,
И она не могла бы чудесней ещё начаться.

Потому что и ржавчина, и дождь, и чёрный песок,
И все эти километры, горизонты, мысы —
У меня в крови. И стучат мне, стучат в висок:
«Это есть. Живи. Никаких резонов — и в этом смысл».

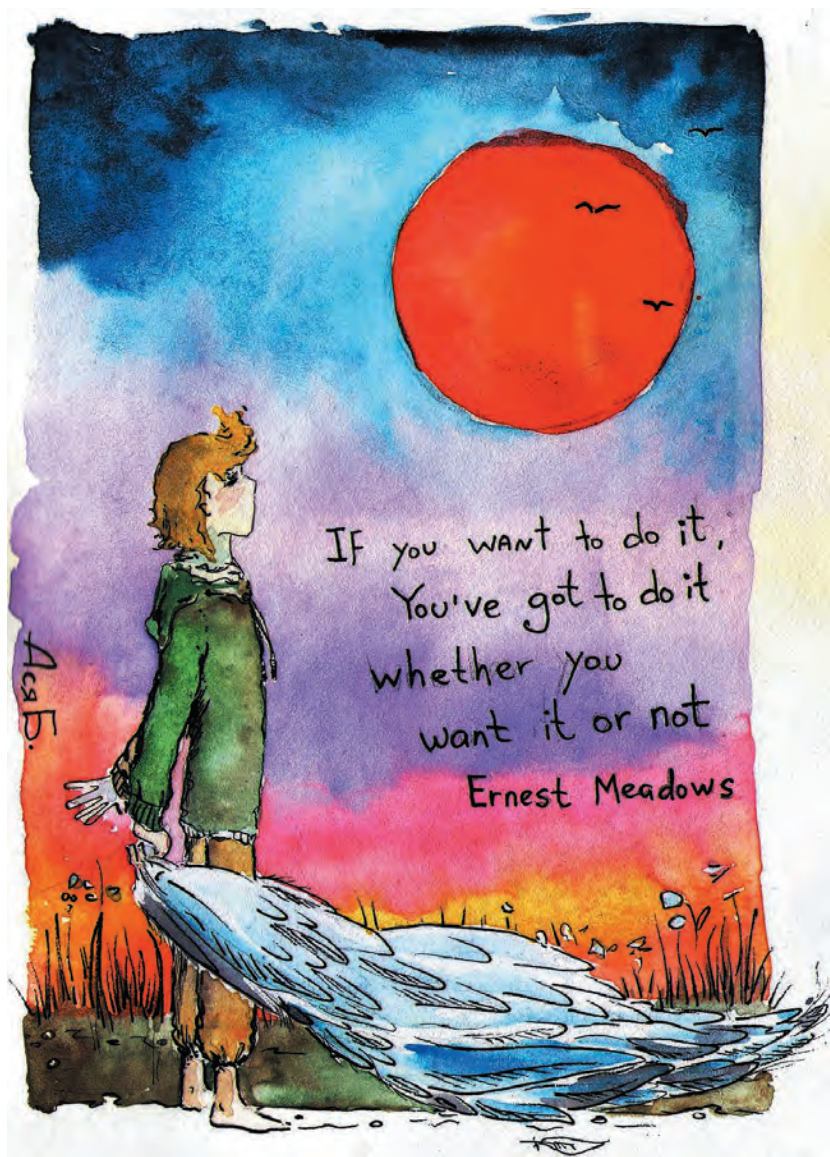
* * *

Я смотрю на юных учеников
И думаю: вот, через двадцать лет
Встретиться бы и без обиняков
Друг перед другом бы дать ответ.

Мы сидели бы в шумном кафе вдвоём,
Совершенно случайно встретившись здесь.
Я сказала бы:
— В мире, где мы живём,
И моя достойная лепта есть.

Потому что сквозь всё: Present, Future, Past,
Страшный Perfect и строгий порядок слов —
Я твержу неустанно, что труд воздаст,
А рождён человеком, так будь таков.
Раз уж случай свёл, то к тебе вопрос:
«Что ты в этот наш мир привнёс?»

А он бы, вернувшийся с дальних звёзд,
С высоты своей молодости смотрел:
«Учитель, какой непростой вопрос.
Я отвечу вам лучшим, что я успел.

А. Беляева. «Я смотрю на юных учеников...»
Рисунок автора

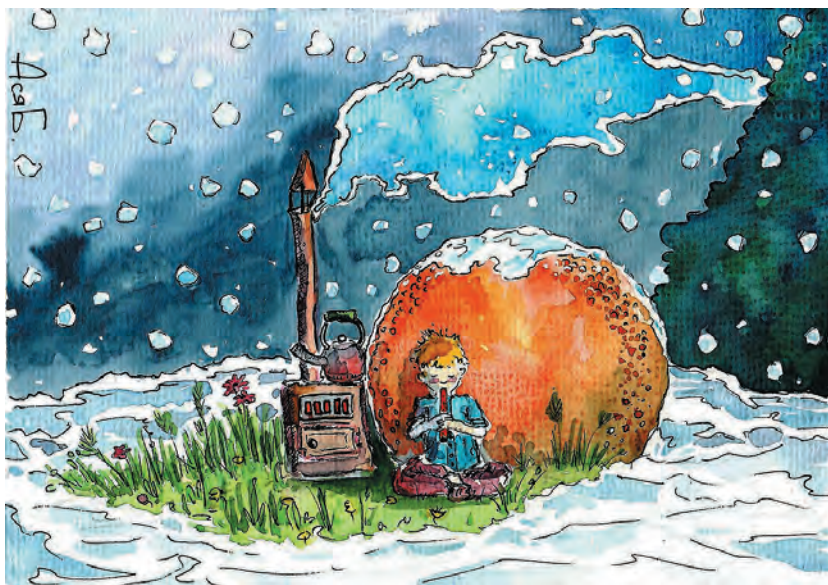
Я успел понять, что дороже нет
Тех людей, что вместе с тобой идут.
Что наш курс всегда на тепло и свет.
Это трудно, но это — достойный труд.

Что бывает горько, да что уж там...
Но, учитель, давайте начистоту,
Мы приходим к точке, а там — звезда...
Это стоит полёта сквозь пустоту».

* * *

Бродит по сугробам далеко отсюда,
Средь берёз и елей всякое зверё.
Подо льдом и снегом спит тихонько чудо.
Маленькое чудо. И оно твоё.

Ты не веришь в чудо. Веришь в лес, в берёзы,
Веришь в лис и зайцев, в сов и вороньё.
А в него не веришь. Но в тебя без спросу
Верит это чудо. И оно твоё.

А. Беляева. «Бродит по сугробам далеко отсюда...»
Рисунок автора

* * *

Снег идёт да идёт, словно на небе вышел указ:
Будет праздник, и надо бы город украсить достойно.
И они наверху ничего не жалеют для нас.
Снег идёт да идёт. Нам и радостно в нём, и спокойно.

Я не знаю, про что эта радость. Про белый ли цвет,
Про уверенность — школу отменят, все смены, все классы.
Словно время отменят. На день. Или несколько лет.
Снег идёт да идёт, и его бесконечны запасы.

Яна БЕНЬКО

Ты когда-нибудь станешь седым.
Я по-прежнему буду рядом.
Дикой юности терпкий дым
Обернётся надломленным взглядом.
В сентябре загрузят ветра,
В унисон пропоёт дождь.
По продрогшей траве с утра
Второпях пробежит дрожь.
Эта осень совсем не нова
И о нас не напомнит рябине.
Яркой бабочкой бьётся листва,
Как огонь в запылённом камине.
Я накину пуховую шаль,
Ты достанешь любимый плед.
Мы уже не согреемся, жаль,
Звонким шелестом прожитых лет.
Я возьму и открою тетрадь,
А в ней... места свободного нет.
Так хотелось успеть... дописать...
Неоконченный жизнью куплет.

А. Беляева. «Снег идёт да идёт...»
Рисунок автора

* * *

Она любила белые цветы
И в зимний вечер шерстяную стужу,
А он бежал от этой суеты,
Ветрами бесконечными простуженный.
Укутанный в осеннее пальто,
Он часто забегал на чашку чая,
Но никогда в стакане с кипятком
Не таял лёд, тепла не замечая.
С тяжёлым вздохом запевала дверь
Знакомый и совсем простой куплет.
Он эту песню понял лишь теперь,
Что никогда не будет здесь согрет.
Она, как прежде, любит этот снег,
А он ушёл от снежной суеты.
И для неё на заспанном стекле
Зима рисует белые цветы.

* * *

Он доживёт до возраста Христа,
А может быть, умрёт немного раньше,
Не пригвождённым к дереву креста,
А просто нахлебавшись лжи и фальши.
В своих грехах не усмотреть вреда.
Он чувствует и мыслит по-другому,
И мыслей роковая череда
Мостит его последнюю дорогу.
За каждое свиданье под луной,
За тайны неразгаданных мелодий,
Как прежде, за плечами равный бой:
Меж тем, кто за, и тем, который против.
Последний вздох он слишком долго ждёт.
Он будет рад уснуть и не проснуться.
Но вряд ли это кто-нибудь поймёт.
Как больно в вашей правде захлебнуться.
И я приду... уже совсем не та,
Проститься и уйти дорогой дальше,
Раз доживу до возраста Христа,
Но, может быть, умру немного раньше.

* * *

Покинула табор цыганская осень,
Листья вплетая в гривы коней.
Мне бы, как ветру... в жемчужную проседь
Холодного неба угнаться за ней.
Цветастые платья изодраны в клочья,
И не найти, и не сшить лоскуты.
Звезды всё также смотрят по-волчьи,
Вечно боятся упасть с высоты.
Ветром хрустальное сердце разбито.
Мчится рысцей перепуганный конь.
И, языком обжигая копыта,
Лижет дорогу янтарный огонь...
Но я потеряла осеннюю вьюгу,
Со мной остаётся гитарная грусть.
Мы часто с тобой уходили по кругу,
Хотя уже знали пути наизусть.
Мне бы вернуть ту цыганскую осень,
Но я остаюсь в снегах декабря.
Забывшие листья зима заморозит.
И в этой метели я встречу тебя.

А. Бенько. «Покинула табор цыганская осень...»
Рисунок А. В. Моисеевой, художественная студия «Этюд»,
г. Петропавловск-Камчатский

* * *

Я просто уйду не прощаясь,
В помятом плаще, под зонтом.
А завтра, земли не касаясь,
Взмахну серебристым крылом.
И ветер сорвётся в дорогу —
Ещё так слабы два крыла.
Вверху не найти ту дорогу,
Что раньше до дома вела.
Я вижу открытые двери,
Бессонный, замёрзший покой.
Ты всё ещё искренне веришь,
Что завтра я буду с тобой.
Мне стены теперь не преграда,
Так нежно тебя обниму,
Но ты не поймёшь, что я рядом...
Я — ветер, зовущий листву.

* * *

Да я бы стёрла в пыль свои стихи
И подарила б ветру горечь фраз.
Не потому ль навязчиво тихи
Скупые слёзы этих синих глаз?
Но мне тебя не жаль, совсем не жаль,
Ведь от тебя ни капли не осталось.
Лишь только сердце, втиснутое в сталь,
Вдыхает бесконечную усталость.
Из самого обычного вчера
Вернулась эта старая привычка:
Горячий крепкий кофе по ночам —
Для лирики надёжная отмычка.
Меня уже не греет тусклый свет
Зелёной лампы на твоём столе.
В моих стихах, возможно, смысла нет.
Я их оставлю... будущей зиме.
Засыплет снег ненужные слова,
И захрустят печалью морозы,
И тихо упадёт в пустой бокал
Хрустальный лепесток увядшей розы.

А. Бенько. «Я просто уйду не прощаясь...»
Рисунок А. Джиринговой, 18 лет, МБУ ДО ЕДХШ.
Преподаватель А. В. Ильина, г. Елизово

А. Бенько. «Да я бы стёрла в пыль свои стихи...»

Рисунок П. Семенюк, 15 лет, МБУ ДО ЕДХШ.

Преподаватель А. В. Ильина, г. Елизово

* * *

Все поэты немного пророки...
Когда многое в Лету канет,
Я оставлю на память строки
И останусь в холодном камне.
Кто-то в истину спрячет подлость,
Не прощённый на входе в небыль.
Но немые обрящут голос
И слепые увидят небо.
В бедняка полетят камни.
Важно, чей попадёт первым.
Вор закроет его руками
И накормит потом хлебом.
Можно жить без потерь долго
И за щедрость — собой гордый.
Да на Пасху любить Бога,
Только жить на земле — мёртвый.
Можно церковь ругать матом,
В кошельках оставлять честность,
Нищетою лишь быть богатым,
Но живым улететь в вечность.

* * *

Расплескав по бумаге стихи,
Распоров свои мысли по швам,
Я пойму — от меня далеки
Те слова, что шептала душа,
Что плыву в полноводной реке
И до боли вода холодна.
Я не чувствую руку в руке,
Не могу дотянуться до дна.
Пусть земля от меня далека —
Всё равно я мечтаю порой,
Чтобы мной подавилась река
И забыла под белой луной.
Будет воду едва целовать

Ледяными губами зима.
Если мне не захочется спать,
Я увижу, что берега два.
Я оставлю на том берегу
Глаз зелёных болотную грусть.
По горячему льду убегу
И туда никогда не вернусь.

* * *

Без сожаления о прошлом,
Без обязательств перед небом
Ведёт коня по бездорожью
Один непобеждённый воин.
Из цепких лап болотной тины
Уйти вперёд казалось бредом.
Он помнит, как хрипел убитый,
Но ничего, что после боя.
Он жить привык среди сражений,
Сквозь дым вдыхая запах крови.
В боях не зная поражений,
Где крик детей и вопль женщин,
Чей дом уже рассыпан в пепел,
А след утаптывают кони,
Чей прах уже летит на ветер
И дух кострами искалечен.
Один непобеждённый воин
Ведёт коня по бездорожью.
Он не найдёт дорогу к раю
Без сожаления о прошлом.

* * *

Мы оставим свои голоса
На цепи у застывшего времени,
Чтобы больше им было нельзя
Подавиться нелепым доверием.
Но вернется в знакомую даль
Наше эхо у старой обочины,
Упадет в потускневший хрусталь,
Звонким хохотом жадно проглочено.

Но застынут сомнением в стихах
Только рифмы по-старому юные.
Ты терзаешь гитару в руках.
Больно... пальцы порезаны струнами.
Она многое помнит сама,
Но ты с ней всё же груб до бессилия.
Прижигает все раны зима
Лепестками холодного инея,
А в ночи будет долго рыдать,
Прятать окна в заснеженной копоти,
И моей занавеской играть
В одинокой простуженной комнате.
И рассыпятся звенья цепи:
Рифма с музыкой встретятся заново.
Я тебя не смогу отпустить
Одного в это белое зарево.

* * *

Ветер рвётся в закрытые двери.
Дождь, уставший, стучит не спеша.
Мне бы очень хотелось поверить
И открыть, чтоб промокла душа.
Верить в то, что вода ледяная
Охладит обожжённые руки.
В вечных поисках ада и рая
Лишь тушила душа окурки
Резких слов, обжигал холод,
Едкий пепел ложился тенью,
Закружил за собой в омут.
Полетела душа в падении.
Так летит до сих пор — долго,
И уже до земли близко.
Ничего не нашла толком.
Как же страшно лететь низко!
Мне бы очень хотелось верить,
Скинуть пепел и снова в небо,
Но как прежде в мои двери
Бьётся ветер крылом белым.

* * *

Улечу на восток к солнцу.
Сожгу свои крылья.
Упадут они, где придётся,
Покроются пылью.
Птицам одно небо,
И без меня тесно.
Мне же оно в радость,
Да без земли пресно.
Буду — бескрылый феникс —
Снова вставать из пепла.
Тысячу раз надеясь —
Хоть не крыло, так перья.
Если ты будешь рядом,
Если узнаешь мельком.
Всё равно их искать не надо
Ни в воде, ни в песке мелком.
Если всё же найдёшь крылья,
Забери их себе, ладно?
Если подняться в небо,
Мне не вернуться обратно.

Дина БУРМИНА

Пилигрим

Ты прошёл полземли, был настойчив и смел,
Измохратил три пары сапог,
Всем на свете рискнул и нашёл, что хотел,
Пусть устал, истощился, продрог.

Вездесущая пыль тридевятих земель
Глубоко въелась в лунки ногтей,
Но сквозь толщу невзгод ты всегда видел цель
И упорно карабкался к ней.

Д. Бурмина. «Пилигрим».
Рисунок Д. С. Кожемяки, г. Петропавловск-Камчатский

Ты уют презирал и геройски встречал
С головой непокрытой ветра.
Ты, как солнце, решимость собой излучал,
Ты искрил, будто пламя костра.

Но осел пилигрим мой и взором потух,
Не осилил безделья нон-стоп,
Невредимым с десяток прошёл заварух, —
В тюфяках и подушках утоп.

Дома нет у пилигрима

Я тебя благословляю
И даю с собой в дорогу
Молодую зелень мая
И дождя его немного,
Золотую прядку солнца,
Хрупкий венчик первоцвета.
Как болид, Земля несётся
Сквозь весну на встречу с летом.
Я даю тебе с собою
Ожиданье нашей встречи.
Под приветный шум прибоя,
Посреди дорожки млечной,
У излучины широкой
Буду ждать тебя, любимый.
Дома нет у пилигрима.
У надежды нету срока...

Мысли

Сладкий запах переспелых ягод —
Лето.
Надышаться б вдоволь этим на год —
Где там!

В западне бетонной душный город
Держит.
Стены чаще, а просторы —
Реже.

Д. Бурмина. «Мысли».
Рисунок Д. С. Кожемяки, г. Петропавловск-Камчатский

Чаще рокот, визг, удары,
Скрежет.
Птичье пенье, плач гитарный —
Реже.

Реже хрустнет под ногами
Ветка.
Часты — розы, а ромашки —
Редки.

Режут глаз во тьме неона
Вспышки.
Дустом улицы зловонно
Дышат.

Звёзд не видно из-за крыш
Плоских.
Будет, если не сбежишь,
Поздно.

Посрывает ветер злой
Листья,
И наполнятся зимой
Мысли.

И наполнятся тоской
Мысли.
И наполнятся тобой
Мысли.

Заботливый дом

В доме, снегом припорошенном,
Под уютный треск печи
Оказалась не нарочно я.
Кот под лавкою урчит.
На тахте подушки стопкою,
И картина на стене,
И большой ковёр потрёпанный
Бесконечно милы мне.
Пёстрая дорожка стелется
От порога до стола.

Д. Бурмина. «Заботливый дом».
Рисунок Д. С. Кожемяки, г. Петропавловск-Камчатский

Проходи, мол, красна девица,
Наконец-то ты пришла!
Столько лет петляла по лесу
Ты, не разбирая троп,
И плутала, плача в голос ты,
И куражилась вздохом.
Истоптала туфель дюжину
Ты у жизни на балу
И как раз поспела к ужину.
Проходи, садись к столу.
Разносолов здесь не водится —
Золотистый иван-чай
В медной кружке хороводится,
Пышет жаром расстегай.
Угощайся. Разговорами
Развлечёт тебя сверчок.
А потом задвинем шторы мы,
Дверь закроем на крючок.
Отдыхай до завтра, милая...
Паутинки кисея
Задрожит, когда усталая
Опущусь на простынь я.
И, любя его до трещинки —
От подклета до конька,
Вдруг пойму, что померещилось...

Солнце

Оно в окно, как вор-домушник, влезло,
Лишь новый день забрезжил еле-еле.
Толкнув меня в плечо и рухнув в кресло,
Накрыло кисеёю белой-белой

Притихший дом, потёмками объятый.
И краски, точно вырвавшись из клетки,
Забрызгали картины над кроватью
Слиянием немыслимых расцветок.

Д. Бурмина. «Солнце».
Рисунок Д. С. Кожемяки, г. Петропавловск-Камчатский

И запылали люрексом портьеры,
И васильки раскрылись на обоях.
Ни уголочка не осталось серым.
Дом уступила ночь ему без боя.

Глаза слепящим обжигая блеском,
Меня настырно гонит из кровати:
Вставай, засоня, залежалась, дескать.
И дел по горло накопилось, кстати.

А после с той же молодецкой прытью
Махнуло через форточку на крышу —
И выше, выше, выше, выше, выше,
Стирая тени по пути к зениту.

Пустоту заполняю...

Пустоту заполняю...
Пустоту заполняю криком
Очумелых от ветра чаек,
Вереницею встреч случайных
В бестолковщине дней безликих.

Пустоту заполняю делом.
От него хоть немного легче,
Жаль, что раны оно не лечит.

Точно лекарь в халате белом
Прописал мне солёный воздух,
Я опять на приборе. Поздно.
В ночь смотрю и считаю звёзды,
Будто выстрелы на дуэли.

Пустоту заполняю словом,
Сочинением строф и баек,
Океаном и стоном чаек
Возвращаясь на берег снова.

Д. Бурмина. «Пустоту заполняю...»
Рисунок Д. С. Кожемяки, г. Петропавловск-Камчатский

Пустоту заполняю книгой,
Безнадёжно вгрызаясь в смыслы.
Заливаю её игристым
И безумием пляски дикой.

Пустоту заполняю кофе
С нежной пеной меренги сладкой.
Я счастливая. Я в порядке
И по части притворства — профи.

Одиночество

Ты придёшь, когда остынет
На плите забытый ужин,
И, как лодочник в пустыне,
Ощутишь себя ненужным

Среди милых безделушек,
Книг под вуалеткой пыли,
Где под бой часов с кукушкой
Мы с тобой когда-то жили.

Всё отныне позабыто.
Даже пахнет дом иначе.
Стародавние обиды
Ничего уже не значат.

Никого уже не тронет
Слов медовая тягучесть.
Новый господин на троне,
Несговорчивый, колющий.

Всем повелевает строго
И терпеть не может лишних,
Не пускает на порог их,
А тем более под крышу,

Защищает меня рьяно,
Нелюдимый, хладнокровный —
Моя ноющая рана,
Деспот и Отец духовный.

Последнее тепло

Последнее тепло накрыло город.
В лучах слепящих нежатся дома.
Прохожий расстегнул высокий ворот,
Погодой озадаченный весьма.

Стянула с головы кудрявой шапку
Девчонка-первоклассница, спеша.
В портфеле почти чистые тетрадки
И новые учебники лежат.

Запутались полуденные блики
В соломенного цвета волосах...
Между теплом и холодом на стыке
Застыли нынче стрелки на часах.

Ещё листвою молодятся ивы,
А у берёз уж золотит виски.
Выходят, вызываясь красивы,
Рябины из осенних мастерских.

Горят на солнце краповые кисти —
Грядущего сигнальные огни.
Так хорошо на улицах лучистых —
По-летнему приветливы они...

В награду нам, а может в утешенье,
Сентябрьское прощальное тепло
Над океаном начало движение
И по аллеям сонным потекло.

И ободрились снова камчадалцы
В объятьях пёстрых парков городских,
Пока зима не погрозила пальцем,
Не окатила холодом страдальцев
И не рванула по земле скитаться,
Опять на прочность проверяя их.

Д. Бурмина. «Последнее тепло».
Рисунок Д. С. Кожемяки, г. Петропавловск-Камчатский

Старый месяц рожки свесил

Старый месяц рожки свесил —
И не ясен, и не весел —
Грустно смотрит с высоты.
Не милы ему узоры на заснеженных просторах
Стёжек мелко завитых,

Ёлок меховые лапки,
На столбах из снега шапки,
Юркие огни дорог.
Лунный цикл завершая,
Начал он тихонько таять —
Оттого и занемог.

Почернела панорама.
Наблюдая эту драму,
Звёзды в норки забрались:
«Вдруг заразная хвороба,
И опасные микробы
Отравили ядом высь»...

К утру, сгинув с небосклона,
В глубине Вселенной лона
Месяц новый круг начнёт —
В темноте морозной ночи
На окраине восточной
Серебристо-белой точкой
Жизнерадостно блеснёт.

Бессонница

Огонёк небесной лампочки
Влез в окно заиндевелое,
Сполз на пол, забрался в тапочки,
Раскатал дорожку белую
Вглубь залитой ночью комнаты
И вещает полушёпотом:
«Искупайся в свете лунном ты
И моим доверься хлопотам.
В сна нежнейшую материю

Заверну тебя, уставшую,
И дневных сует мистерию
Скроет занавес упавший».
И укуталась, послушная,
С головой в объятия тёплые,
И притихла на подушке я.
В тот же миг рассвет за стёклами
Полыхнул стыдливо-розовым,
Точно дым, рассеяв образы
Сна предутреннего блёклые.

Ирина ВЕЧКАНОВА

Лунный кот

Совсем не март — январь ещё холодный.
И крепок лёд, неверный проча шаг.
Но лунный кот над каждой подворотней
Дождинки звёзд роняет в полумрак...
Потерян путь. Да и рассвет не близко...
Застыла я в тревожной тишине,
А кот лакает лунный свет из миски
И, кажется, подмигивает мне...
Деревья спят... И ни души в округе,
Всего страшнее — в темноту шагнуть,
Но лунный кот мне, как своей подруге,
Сияньем звёздным открывает путь.
Ещё печаль мою терзает душу
И в сердце не растаял крепкий лёд...
Но знает кот — весна на смену стуже
Однажды обязательно придёт!
И дарит лунный кот мне с неба звёзды,
Как искорки надежды в темноте,
И их жемчужный свет в ночи морозной
Мне помогает на пути к мечте!

И. Вечканова. «Лунный кот».

Рисунок А. Введенской, 16 лет, МБУ ДО ЕДХШ.
Преподаватель А. В. Ильина, г. Елизово

В весенней замерзаю стуже

Такая снежная весна...
Шагну за дверь, там март-бродяга
Ночами воем у окна,
Как бесприютная собака.
Метель бушует всё сильней,
Дороги, крыши заметает,
А я всё думаю о ней:
«Она придёт, и снег растает!»

Подарит мне своё тепло
Краса-весна в лиловом платье,
Спокойно станет и легко...
Я утону в её объятьях!
От долгого разбудит сна,
И я воскликну в небо громко:
— Ты, наконец, пришла весна,
Тебя ждала я очень долго!

Ну, а пока смотрю в окно,
Завыл уже апрель-бродяга,
И я с ним вою заодно,
Как бесприютная собака.
И небо сыплет мокрый снег
На вьюгой выжженную душу,
А время замедляет бег...
В весенней замерзаю стуже...

Родные тополя

И снова я спешу в любимый город,
Где годы детства, юности прошли...
Я возвращаюсь, мне не нужен повод,
Там отчий дом, родители мои.
Там тополей родимый запах манит...
А ветви обнимают небеса
И мудростью своей покой мне дарят,
А ветер их доносит голоса.
Ноябрь — молчаливое прощанье...
Июльский зной остался далеко,

И. Вечканова. «В весенней замерзаю стуже».
Рисунок Д. Вакушиной, 15 лет, МБУ ДО ЕДХШ.
Преподаватель А. В. Ильина, г. Елизово

Морозной чародейницы дыханье
Покроет ветви инеем легко.
В хрустальной дымке город будто тает,
Рисуя в небе стаю журавлей,
Осенние ветра наряд срывают
С серебряных от снега тополей.
И солнца круг уже почти не греет,
Не слышно птиц, и всё поздней заря...
Но радостью моя душа светлеет,
Как обниму родные тополя...

Там город плакал в свете фонарей

Там город плакал в свете фонарей,
Спустилась ночь, окутав сопки мраком...
И, скрыв дома иссиня-чёрным фраком,
Осыпала бриллиантами дождей...
А он не спал, тоской своей томим
По тёплым дням... Он долго ждал рассвета,
Как ожидает солнечного лета
Измученный туманом пилигрим...
Он ждал. Он слышал трели соловья
В порывах ветра, и раскатах грома,
И в монотонной, но такой знакомой
Трагической мелодии дождя...
В холодной мгле он верил все сильнее:
Наступит утро, растворив ненастье,
Души коснётся и согреет счастье,
И запоёт бродяга-соловей...
Там город плакал в свете фонарей...

Значит, с Богом уже идёшь

Если гром постучался в сердце,
Значит, время пришло творить,
Значит, Бог открывает дверцу,
Чтобы слышать и говорить
Через дивных картин полотна,
Через песню гитарных струн,
Через то, что уже не модно,
Но во что ты ещё влюблён...

И. Вечканова. «Там город плакал в свете фонарей».
Рисунок Д. Вакушиной, 15 лет, МБУ ДО ЕДХШ.
Преподаватель А. В. Ильина, г. Елизово

Разорвётся аккордом небо,
И прольётся стеною дождь!
Но признания себе не требуй,
Ведь с собою не унесёшь...
Собери этот дождь по каплям,
Напой тех, кто хочет пить,
И того, кто сейчас ослаблен,
Скован болью, но хочет жить...
Оросив жемчугами землю,
Благодатный утихнет дождь...
Если Божьему гласу внимлешь,
Значит, с Богом уже идёшь!

Моя молитва

Дай силы, Господи, мне путь пройти,
Пройти, и не упасть, и не сломаться,
А если упаду, то вновь подняться.
Себя не потерять, а обрести!

Дай мудрости, терпенья и огня,
Огня, чтоб освещал мою дорогу,
И ангела-хранителя в подмогу,
Чтоб оградил от всех грехов меня!

Дай смелости все страхи одолеть,
Моря все переплыть и океаны
И покорить неведомые страны,
Пылать в огне, но всё же не сгореть!

Преодолею много я в пути,
Но с верой и любовью не расстанусь
И преданной самой себе останусь.
Дай силы, Господи, мне путь пройти!

Ветер

Жутко, когда завоет
Злой, беспощадный ветер...
Сердце от боли ноет,
Двери летят с петель...

Ветер тревожит душу,
Ветер ломает ветки,
Ветер, он реки сушит,
Воет, как дикий зверь ...

Ветер приносит вести,
Злые, дурные вести,
И поселяет в сердце
Зимнюю он метель...

Всё-таки нужен ветер!
Он разгоняет тучи,
Солнце сияет ярче,
Твой освещая путь!

Ветер листву уносит
С пыльных дорог и камни...
Он прогоняет осень,
Он обнажает суть!

Всё-таки ветер нужен,
Сильный, могучий ветер!
Будешь ты им разбужен,
Ветер не даст уснуть!

Знаю, полюбишь ветер,
Злой, беспощадный ветер...
Только пройдя сквозь бурю,
Можно покой вернуть...

Август

Подари мне частицу тепла
На прощанье, мой август,
Или лето сгорело дотла
И тепла не осталось?

Подари васильковый букет
И колосья пшеницы,
Подари мне багряный рассвет,
Чтобы светом напиться!

Ты мне тёплую ночь подари,
Чтобы в сердце осталась,
Чтобы в эти последние дни
Я тобой надышалась!

И мы будем под звуки дождя
Танцевать до упада,
Подари мне частицу себя!
Мне другого не надо...

Я буду тебя любить

Мой город пропах тобой,
Теперь он и есть ты.
Утёс над Амур-рекой,
Все улицы, все мосты.

И в шелесте тополей
Твой голос звучит вновь,
Становится мне теплей —
Так греет твоя любовь...

Бездонного неба высь
Мне шлёт от тебя свет.
Ты ветром меня коснись,
А я улыбнусь в ответ.

И наших с тобой встреч
Я буду тепло хранить,
Я буду тебя беречь,
Я буду тебя любить.

И. Вечканова. «Я буду тебя любить».

Рисунок З. Имангазиевой, 13 лет, МБУ ДО МДШИ.

Преподаватель С. В. Порошина, с. Мильково

Станислав ГЕРМАНЦЕВ

Я время отмотаю вспять,
Века листаю незаметно:
Земля могла ещё рожать
Безумцев, бунтарей, поэтов

И многих прочих, не пойми
Зачем, невнятно, впрок живущих.
Я затесался посреди;
И мне — не выбраться из гущи.

С такой тебя кто уберёт
Ладонь? Я не найду безумца,
Который может отвернуться
И руки расположит вдоль

Себя; во сне ли, наяву,
Забыв про всё или не вспомнив,
Несостоявшийся любовник...
Я ощупью к тебе иду.

* * *

Обезлюдела пустота,
Тишина обезлюдила,
Мы опомнились вместе, когда
Безразличие стало прелюдией.

Мы — напротив всего; без причин,
Без желаний любви обоюдных;
По привычке, поотдашь, молчим,
Вопреки партитуре.

* * *

Все говорят:
— Повремени,
Благоразумие — полезней.
И только Заяц несудьбы,
Зажмурившись, парил над бездной.

И он живёт исподтишка,
Как будто бы и жить не в праве:
Преодолев за два прыжка
Обрывы, пропасти, овраги.
А тот, который вслед за ним, —
Уверен, холоден, расчётлив —
Не оцарапавши вершин,
Пикирует на дно в полёте.
А мы, должно быть, влюблены,
Смешны, наивны и свободны,
Покуда Заяц несудьбы
Катает нас, не зная брода.

* * *

Сквозь бездну тысячи ладоней,
Случайных губ, чужих объятий
Меня взаимностью хоронят;
Мои желания некстати

Дыханья контур очертили,
Скользя по шее; очи долу;
Мы — взаперти, мы — в центре мира;
Наедине; без разговора.

* * *

Погашен свет; захлопнем дверь;
Перила — в пальцах; всё укромно;
Нас — обстоятельства сильнее;
Проникли мы в утробу дома.

Здесь ожидание сбылось
Сродни случайности некстати:
Соединившееся врозь
В одном подъезде, на закате.

И одиночество — взашей
Мы гнали, ревностью рискуя.
Случайно, между этажей,
Забыли заповедь седьмую.

Наедине, но не одни:
Жильцы спешили по ступеням.
Дыханием ладони грели
И перелистывали дни.

* * *

Больше не надо слов;
Дальше не стоит ждать;
Мы расстаёмся вновь,
Чтобы сойтись опять;

Мир за окном затих;
Воздух горяч, упруг:
Это из плеч моих
Тянутся сотни рук,

Чтобы тобой владеть
До сердцевины, сплошь;
Каждый из нас раздет,
Сняв добровольно ложь.

* * *

На голодном перроне
Наша нежность — некстати:
Люди время хоронят,
Молча, вскользь, без объятий.

Чемоданы и тайны
Погостивших немного,
Поезда пожирали,
Наполняли утробу;

В ожидании чуда
Всё отложим на завтра.
И в кармане ночует
Твой билет невозвратный.

Свет в тоннеле забрезжил;
Охватила, играя,
Колея из железа
Палец мой безымянный.

И как будто случайно,
Расстоянию внемля,
Нас вокзалы венчали,
Разводили на время.

* * *

Так повелось; предрешено;
По воле случая; внезапно.
Мы — завершённый диалог;
Ладони утонули в лапах:

Себя в единое сплести,
Желанья поздние растратив.
И это робкое «почти»,
И это хрупкое «некстати»

Соединились в долгий жест,
Который завершён в движение...
Часы отсчитывали шесть
Часов утра или вечерних...

Ани ДАВТЯН

В наше время подмен
Нужно быть осторожным.
Не попасть ко лжи в плен...
Правда, это так сложно!

В наше время подмен
Перепутать возможно
Возрождение и тлен.
Как-то стало тревожно...

В наше время подмен
Пустота актуальна.
Средь предательств, измен
Остаться нормальным

Невозможно? Поверь,
Чудеса происходят.
В наше время подмен
Лишь Господь не подводит.

* * *

Быть может, ты когда-нибудь поймёшь:
Порой за правдой скрыта ложь.
И аргументом исковеркан факт,
А в каждом умнике шифруется дурак.

* * *

Обрати меня в свою веру,
Чтобы мир не казался серым,
Чтоб сосед был не враг, а приятель.
И гордился бы мной Создатель.

Анна ДОРОШЕНКО

Всклоченным облаком ком на постели,
В самое сердце пяток розовость —
Девочку очень когда-то хотелось,
Вот ей уже и четыре исполнилось...
В утреннем марте лицо выстудив,
В день этот новый иду, улыбаюсь.
Знаю — можно дождаться и выстрадать,
Счастлива тем, что она мне досталась.
Время нещадно несется без устали,
Вот и не помню того ожидания,
Просто живу бесконечными чувствами,
Просто люблю её до обожания.
Мимо проносятся лета за летами,
Где-то, возможно, какие-то трудности...
Я ж, не спеша, по погоде одетая,
Слушаю милые дочкины умности...
И каждый раз, когда снова не верю
В эту мою настоящую сказку,
Думаю, как же нещадно ты, время!
Не торопись! — я прошу раз за разом.

* * *

Как тонок и беспечен воздух поутру
В ещё нетронутом суетным шумом городе,
В нещадность будней пробуждая детвору,
Умыв её, одев, теряем в холоде...
Не видя целый день, едва ли час
За ужином, за бытом, за уроками,
Мы в наших детях не успеем вызреть нас...
В скитаньях каждодневных, между сроками
Своих страданий, бесконечных пут
Чужих каких-то и неважных муках...
Но будто током вдруг... сейчас, вот тут —
Они внезапно схватятся за руку...
И прямо в душу подвигом глядят —
Неважно, со стыдом или с почётом...
И страшно... вдруг забудут про тебя,
И будешь в нужный миг не ты, а кто-то...

* * *

Июль ворвался бешеной грозой,
Рвал день на тучи и лохмотья сини,
Метался и рычал, свирепо злой,
И кутал Питер в паутине ливня.
А нашумевшись вдоволь, прекратил
И будто бы заснул на солнце жарком,
Зацвёл, и зажужжал, и запалил
Над улицей, над домом и над парком.
И душит днём безветренной жарой,
И ночью дышит, как температурный!
И на поляне злющей мошкаррой
Малюет на людей карикатуры.

* * *

Луна взошла, и сын мой спит.
Из запотевшего окна ну что за вид?
Октябрь скоро, дождь и дрожь,
А мы вдвоём.
Он вырастает? Ну и что ж,
Переживём...

А. Дорошенко. «Июль ворвался бешеной грозой...»
Рисунок автора «Лето в Петербурге»

Боюсь просить и всё ж прошу —
Обереги!
Раскаюсь я, сама прощу
Свои грехи...
Пусть будет он, как я хочу, —
Большим во всём.
А я всего лишь напишу
Ещё о нём.

* * *

Может, не было в жизни ни жутких каких-то драм,
Ни потерь безвозвратных, ни мучающих тревог,
Чтобы жизнь разделилась как будто напополам,
Чтоб могла я сказать, что здесь был почти итог?
Может, не было мытарств, забот и тяжёлых дней,
И тоска бы удушьем стальным не хватала грудь,
Чтоб в безумстве не знала, куда бы приткнуться мне,
И чтоб вопль не срывался: Спасите, хоть кто-нибудь!

Может, не было трудных дорог у меня пока,
Тех, что — ух как! — заставили бы взрослеть.
Чтобы выскочила из-под пальцев моих строка,
За которую, знаешь, не стыдно и умереть...

Сыну

Уже ладонь твою ладошкой не назвать,
Мои ботинки мерить не возьмёшься,
И всё труднее мне тебя понять,
За что теперь воюешь и дерёшься.
Всегда хотела научить тебя, мой друг,
Быть сильным, мирным, иногда послушным,
Опрятным, честным и равнодушным,
И любящим, конечно, всё вокруг.
Прости меня за мой напор и пыл,
Быть может, для тебя порою лишний,
Мой взрослый, мой любимый сын.
Ты самый лучший, мой родной мальчишка!

А. Дорошенко. «Луна взошла, и сын мой спит...»
Рисунок автора

А. Дорошенко. «Осень на Камчатке».
Рисунок автора

* * *

Удивительно солнечный март в голубом
Причесал Петербург гребешками деревьев,
Серой пудрой присыпал дорожки кругом,
Только город на редкость не серый.
Дышит тёплым, живым, даже летним почти,
Манит в парки, во двор на качели...
Как же хочется вновь прогуляться в ночи,
Как же будние дни надоели!..
Даже завтрашний дождь не испортит холста
С этим тёплым, покладистым мартом.
В Петербург заглянув, заблудилась весна
Будто в царстве каком тридевятиом.

А. Дорошенко. «Море»
Рисунок автора

* * *

Юг. И вечером в девять, как заклинание: «Поа пать»,
А в городе не уложить: куролесие.
Тут — то одно, то другое, — и ночь за секунду свесилась,
И глаза сами захлопываются опять.
Колобок. На свой собственный лад.
Без зайца, волка, медведя, лисы:
Навстречу ему до бесконечности — кони да коты.
Что поделаешь, у нашей Машули так.
И ночь в миг пронесётся лишь,
И снова: то еж, томышь,
То идём играть, то в бассейн,
То вечное снова сеём...
Лето. Господи, оставь мне лето!
Моё вдохновение каждым днём...
Каждым, наполненным солнечным светом,
Каждым, в котором сейчас живём.

Алёна ЗАДИРЕЙ

Я ночь

По-английски погас,
Скрылся вечер из глаз.
Я брожу по туману без сна.
Как застывшая ртуть,
Лужи светятся чуть,
А на них серебрится луна.
И по ним босиком
Я танцую с дождём,
От следов и от запахов прочь.
Я не свет и не тень,
Не стрелок, не мишень,
Я не день и не вечер,
Я ночь.

Не беги, не дыши.
Ведь кругом — ни души.
Только лунный сверкает тесак.
Под вуаль темноты
Скоро встанешь и ты.
Я не сон и не призрак,
Я мрак.
Уходи — не уйдёшь.
И боишься, и ждёшь.
А луна серебрится в висках.
Оглянись и замри —
Ночь таится внутри.
А за пазухой теплится страх.

Я не радость, не грусть.
Не уйду, не вернусь,
И меня не поймаешь в кулак.
Я не воин, не паж.
Не преступник, не страж.
Я не боль и не счастье —
Я мрак.
Я не пыль и не кровь,
Не вражда, не любовь.

Не иду, не слежу за тобой.
Я не правда, не ложь,
Не подмога, не нож.
Я не жизнь и не смерть.
Я покой.

* * *

И что есть я? И что есть человек?
Быть может, в жизни, слишком быстротечной,
Любой из сотен судит так беспечно,
Что вовсе и не важно это.
И доживает свой короткий век,
Так и не дав себе ответа
На два извечных:
«Что есть я? И что есть человек?»

Кирилл ЗУБ

Всё как у Сэлинджера

17 января 1994 года. День, когда я обозвал Стаса тупицей, а он меня соплежует, нас обвинили в воровстве и в гараже поселился БорБорис. Постараюсь по порядку.

Стас — мой друг. Мы были главными носителями юношеских прыщей нашего 10 «Б». Стас их называл «хотюнчики» и уверял, что как только «это» произойдёт — прыщи исчезнут, но пока перспективы на «это» перед нами не маячили.

Борис Борисович притащил на урок «Над пропастью во ржи». Там по программе муть какая-то была, и он, с нашего одобрения, заменил её тем, что мы уже прочли и с чего почти все зафанатели.

Мне даже приснилось, как я с Холденом пытаюсь проститутку снять. Так у Сэлинджера в романе было, но у парня ничего не вышло, как и в моём сне.

Холден Колфилд — главный герой. Тонко чувствующий, остроумный. Агрессивный иногда, но не злой. Мы из-за него в тот день со Стасом и поругались. Шли с репетиции, говорили о книге, и вдруг выяснилось, что моего друга она совсем не зацепила.

Это было предательство. Вместе мы переводили тексты Doors, мечтали отбить Стефани Сеймур у отмороженного Эксла Роуза, за

кинотеатром «Родина» по морде тоже получили вместе, а тут он мне заявляет, что Холден Колфилд — обычный трусливый лох. Ну и тупица ты, Стасик, говорю и выбрасываю сигарету, хотя обещал ему оставить покурить. А ты, говорит, неженка и соплежуй, как и твой Холден. Он даже из дома толком сбежать не смог, да и все поступки показывают его слабость и беспомощность. Тут я на крик перешёл. Орал про враждебность взрослого мира и невозможность существования в нём нормальному человеку. Напомнил, что мы с ним часто играем песню Летова «Сид Вишес умер у тебя на глазах», а ведь она тоже о вечном выборе между бунтом и самоуничтожением. Люди на остановке даже поближе встали, чтобы ни слова не пропустить. До драки, конечно, не дошло: во-первых, Стас хоть и тупица, но всё равно друг, а во-вторых, автобус подъехал.

Я сказал о репетиции, и вы, наверное, уже поняли, что мы — музыканты, хотя наш дуэт нигде, кроме старого гаража покойного бати, не выступал. Там был перепалянный усилитель, половинка дивана и умывальник, висевший на одном гвозде. Отец купил гараж за несколько лет до тачки. Когда «Тойоту» из Владика привёз, неделю поездил и собрал своих мужиков по купку обмывать. Они все в наркологию легли с метиловым отравлением. У кого-то зрение так и не вернулось. А батя умер. Мама эту «Тойоту» видеть не могла: продала сразу же по дешёвке, и гараж тоже хотела, но я не дал. Группу мы собрали год назад, когда Nevermind вышел у Нирваны. Вернее, когда нам попалась эта кассета. Купили гитары, старый проигрыватель перепаляли в усилок.

В нашем дворе каждый второй был рокером, но такого гаража не было ни у кого. Батя туда ещё печку-буржуйку притащил, трубу от умывальника в ливнёвку вывел и поставил унитаз. Полная автономка.

Но вот мы в автобусе. Я уже остыл и почти не злился на Стаса, а он мои крики вообще мимо ушей пропустил. Ехали молча, поставив гитары между сидений, а на следующей остановке из передней двери выпал мужик. Выскочили, смотрим: лежит в сугробе наш литератор Борис Борисович. Пьяный в слюни, бормочет что-то бессвязное, прижимает к груди «Над пропастью во ржи» с бахромой закладок. Автобус уехал, а мы остались. Нельзя ж человека вот так бросать.

Наш препод был тощим и маленьким. Мы легко его выдернули из снега, вернули на голову меховую ушанку и понесли в сторону микрорайона, где он жил со своей женой-товароведом. Детей у них вроде не было.

Каждые тридцать шагов висевшая на наших руках ветошь поднимала голову, удивлённо смотрела по сторонам, вырывалась и падала в лужу снежной слякоти.

Возле дома учитель жестом указал на свой подъезд, вынул из кармана несколько скомканных купюр и засунул в мой карман. Деньги я потом отдал его жене. Галечка, как называл её внезапно очнувшийся БорБорис, взяла мужа за шиворот и швырнула в направлении комнаты, а с нас потребовала «все остальные деньги, которые мы у пьяного дурака вытащили». Вместо тирады справедливого гнева я пробормотал «извините».

Надо было сразу валить к остановке, но мы зачем-то решили покурить возле дома. Минут через пять к нам, пошатываясь, вышел Борис Борисович. Полчаса спустя он уже спал на половинке дивана в моём гараже, куда попросился перекантоваться до утра.

С одной стороны, зря он, конечно, вот так, спьяну, из дома убежал. С другой — я бы с такой Галечкой тоже не остался. Злая тётка, а Борисыч очень ранимый, хоть и бардачник. На Колфилда чем-то похож. Он в тот день и нажрался, потому что выговор от завуча получил за Сэлинджера, который был не по программе. Зато нам после этого БорБорис намного ближе стал, чем вся остальная учительская.

На следующий день только мы со Стасом знали, почему у десятых классов литературу отменили. Потому что учитель валялся на моём диване, завёрнутый в пальто.

Возле умывальника перекачивалась от сквозняка недопитая «Столичная».

Он её ночью в ларьке выменял на обручальное кольцо.

Мы подождали, пока БорБорис придёт в себя. Стас отдал ему бутерброды, я нагрел на печке ковшик кипятка. Мы спросили, когда он намерен вернуться домой. Борисыч сказал, что не намерен. И на работу тоже.

В школе несколько дней сидели следователи. Всех десятиклассников по очереди вызывали к завучу в кабинет, где мы отвечали на одни и те же вопросы: когда в последний раз видели своего литератора и не замечали ли за ним каких-нибудь странностей.

Нам всё это нравилось. Мы были самоотверженными подпольщиками, скрывавшими от гестапо раненого антифашиста. Иногда я приводил БорБориса к себе помыться, пока мать была на работе. Потом он дал от своей квартиры ключи, и мы втихаря таскали ему носки, рубашки и «Новый Мир»: по одному журналу, чтоб жена не заметила. Прочитанный приносили обратно и меняли на следующий.

Каждый день после школы он устраивал нам в гараже внеклассную пару по литературе, чтобы мы сильно из программы не выпали, пока ему замену ищут. Правда, сразу после «Очарованного странника» БорБорис исчез.

В записке он нас благодарил и просил хотя бы неделю помолчать, чтобы успеть доехать до дальнего золотого прииска на северах.

Там поживёт, поработает, а дальше — как бог даст.

Мы сразу начали про БорБориса песню сочинять. Это же готовая история последнего романтика: «Он был обычным парнем, но беспокойное сердце позвало в дорогу. Оковы пали, крылья выросли, и есть теперь только одна цель: лететь к свету, гореть и дарить миру красоту своей души».

Пафосно, конечно, но в балладах всегда так.

Я делал текстовку, Стас переводил её на английский. Круто получалось, что-то близкое к ранней «Синдерелле».

Сочиняли, радовались, пока через пару дней не встретили виновато-похмельное лицо БорБориса на городском рынке.

С мешком картошки и Галечкой в коричневом пальто.

Ковёр

Он был старше меня. Это совершенно точно: когда в нашем доме появился я, он там уже был.

Яркий, броский, притягивающий взгляд и вызывающий восхищение соседей.

— Где купили?

— В Хабаровске. Это подарок на свадьбу.

Родители поженились в 1976-м. Родители родителей обеспечили молодую семью дефицитным мебельным гарнитуром, но главным подарком был, конечно, он.

На пол его положить не посмели. Представьте, что вы бросили под ноги норковую шубу или топчетесь по новому айфону. Только на стенку. И на обоях можно сэкономить.

Его узоры стали лабиринтами для путешествия моих пластмассовых индейцев из гэдээровского набора. Чтобы они держались на вертикальной плоскости, я подкалывал фигурки булавками.

С его помощью можно было вести скрытую прослушку соседской спальни. Отогнув правый угол и приставив ухо к розетке, я однажды ночью услышал, как тётя Лена и дядя Володя за стеной ритмично двигают какую-то тяжёлую, очень скрипучую мебель.

Год спустя у них родился Ванечка — белёсый, как опарыш, вечно укутанный шарфиками поверх кроличьей шапки.

Поздний, зацелованный во все места ребёнок постоянно болел. Когда мне было двенадцать, ванечкина родительница пришла к нам за солью и пожаловалась моей маме на то, что у её шестилетнего сына высокая температура и опухший язык малинового цвета.

«Скарлатина!» — громко крикнул из своей комнаты я, начитавшийся накануне медицинской энциклопедии с цветными картинками.

Соседка заглянула ко мне, чтобы поздороваться и сообщить, что, во-первых, влезать в разговоры взрослых невежливо, а во-вторых — не надо никого пугать такими страшными предсказаниями.

Я пожал плечами.

Через пару дней мама белёсого Ванечки с малиновым языком рассказала, что сына положили в больницу. Со скарлатиной. С тех пор тётя Лена стала смотреть на меня с уважением и периодически спрашивала моё мнение по тому или иному вопросу.

Ковёр моего детства всё ещё жив. При разводе родителей он достался отцу. Недавно вместе с ним переехал в Питер и лёг на пол. Сейчас по нему ползает двухлетний племянник. Как и тридцать лет назад, он всё ещё задаёт стиль всей комнате.

Политинформация

— Международное сообщество тщетно призывает к совести израильских милитаристов. Второй раз за сутки поселения Сектора Газа были обстреляны фугасными снарядами и кассетными бомбами. Разрушены больницы, школы и детские сады. Министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко подчеркнул, что...

— Достаточно. Можешь идти на место, — прервала мой триумф Татьяна Михайловна.

В кабинете стояла полная тишина. Такое бывало нечасто, только когда учительница давала подзатыльник случайно попавшему под руку первокласснику. Её мы боялись, ненавидели и обожали. Наша первая проводница в мир звонков и уроков, наша строгая, саркастичная, с приступами бешенства и редкими улыбками в сторону заучек с первой парты. Мы прощали ей сломанные о спины двоечников указки и шишки от бесконечных ударов об парты наших смуглых, бледных и конопатых лбов. Когда мы все окажемся в аду, я обязательно найду там Татьяну Михайловну. Ад бесконечен,

но времени у меня будет много. Я найду её, но, вместо того чтобы проткнуть живот раскалёнными вилами своих обид, от страха превращусь в соляной столб и рассыплюсь, раздавленный много-тонным взглядом из-под роговых очков.

Школьную политинформацию я любил больше, чем «Птичье молоко». Я плохо считал, был непригоден к выпиливанию курносых петушков на трудах, ненавидел и боялся физкультуры, но на поле международной публицистики конкуренции не ощущал. Программа «Время» вправила в подкорку всё Политбюро. Мой номер «Генеральные секретари стран — участниц Варшавского договора» был обязательным элементом каждого родительского застолья.

Гусак, Чаушеску, Хоннекер, Живков, Кадар, Ярузельский, Горбачёв. Расчёт окончен.

Я получаю привычное «Ты в кого такой умный?» и бегу за свой письменный стол, заваленный газетными вырезками. Три заметки из рубрики «Сегодня в мире» — моя завтрашняя политинформация.

После меня к доске побрёл Женя Чусов — полноватый тихоня в толстых очках. Его папа и мама ходили в море на плавбазе «Дежнёв». Год назад в разгар минтаевой путины судно вместе с женькиными родителями пропало в Охотском море. Мальчика забрала бабушка. Левый глаз Чусова был залеплен медицинским пластырем, и все наши пинки на переменах он получал тоже слева — чтобы не было видно, на кого ябедничать.

К политинформациям Чусов никогда не готовился, вот и сейчас он просто стоял, смиренно ожидая очередную единицу в дневник.

Татьяна Михайловна вышла на середину класса и приобняла Женю, от чего он ещё больше сгорбился и почти зажмурил глаз.

«Сейчас я хочу рассказать вам о гонке вооружений. О том, какому мощному и коварному врагу приходится противостоять нашей с вами родине. Американская военная машина — это огромное чудовище, которое грозит всему миру. Но главная мишень — наш Советский Союз. Посмотрите на вашего одноклассника Чусова. Женя, а ты знаешь, что у американцев для тебя уже есть две ядерные бомбы? И для твоей бабушки. А будь твои родители живы — и для них бы тоже. Ты знаешь, что происходит с человеческим телом во время атомного взрыва? Вот если хотя бы в километре от тебя взорвалась бомба — тебя снесло бы взрывной волной и уничтожило огнём за три сотых секунды. Ничего бы от тебя не осталось: ни волос, ни кожи, ни портфеля, ни ботинок!»

Последние фразы Татьяна Михайловна просто проорала, глядя Чусову в единственный глаз. Бледный, как сметана, мальчик стоял на бежевом линолеуме в центре тёмного пятна. С каждой секундой оно становилось больше. Будто специально подождав, когда лужа подрастёт, Женя закатил здоровый глаз и упал в её середину. Девочки с первой парты брезгливо поморщились от прилетевших на тетрадки брызг.

По багровеющему лицу учительницы забегали желваки. Она резко подняла Чусова за шиворот и встряхнула его, как сетку с луком. Три секунды спустя мальчик стоял на коленях и под громкий хохот одноклассников вытирал обмоченный пол пиджаком от своей школьной формы.

Человеческая жизнь — россыпь не связанных друг с другом чудовищных нелепостей и роковых ошибок. Но иногда, конечно случайно, пазл собирается в нечто стройное, соответствующее нашим представлениям о добре и справедливости. Женька Чусов после финансового вуза возглавил один из первых на Дальнем Востоке коммерческих банков. После школы мы встречались дважды: на похоронах сторевавшей в своей квартире Татьяны Михайловны и когда его банк отказал мне в ипотеке. Оба раза он был рад меня видеть.

Целитель от бога

Галине было сорок три. Мардану на десять больше. От неё пахло борщевой зажаркой и «Кензо», от него — гаражом с картошкой и носками.

В эту сказку я не стремился, но так уж мне получилось снять комнату у Галины, а значит, и участвовать в жизненном цикле этой чудесной квартиры.

Хозяйка четырёхкомнатных апартаментов в доме досоветского периода была крупной дамой в типаже «продавщица сметаны из совхоза “Заречный”». По пятницам она носила еду сыну-гопнику в СИЗО.

Пару раз в неделю её навещал Мардан, начальник овощного склада на Захаровском рынке. Мужчина был маленького роста, с несоразмерно огромными усами и преувеличенной кепкой. Он бы мог возглавить массовку на съёмках «Кавказской пленницы».

Из всех видов ухаживания Мардан предпочёл самый верный. Он приносил Галине сумки с овощами. Галина отвечала нежностью. Однажды я вернулся с работы чуть раньше и сидел в своей комнате, пытаясь громким телевизором заглушить их секс. Мардан был ревнивцем. Как-то за ужином он вдруг начал хлестать

Галину по щекам. Успев залепить пару пощёчин, Мардан получил от Галины мощный прямой в лицо и был вместе кепкой выпнут на лестничную площадку. Я молча сидел, вжавшись в стену, но понимал, что это судьба дарит мне такой чудесный миг абсурда и надо получать от него удовольствие.

Спустя несколько букетов, пару десятков килограмм овощей и три ананаса Мардан снова вернулся в нашу жизнь. Говорит, спяну вдруг подумал, что такая замечательная женщина способна ему с кем-то изменить, и не выдержал — врезал ей.

Пылкий азербайджанец был прав. Галина ему изменяла. В перерывах между Марданом к ней заезжал молодой охранник Эдик. Его привязанность к Галине была крайне романтической. Однажды он поймал для неё утку, прикормленную туристами у городского пруда. Утку Галина запекла с сельдереем, а Эдику ответила нежностью.

Галина работала на дому. Она гадала людям на горячем воске, предсказывала будущее, делала привороты, лечила менструальные боли. Колдовство было единственным средством заработка моей новой знакомой. Клиентов хватало.

Приём начинался в одиннадцать. В углу кабинета стоял пожелтевший человеческий череп, окна зашторены, горели свечи странных оттенков. Для усиления драматизма Галина включала свою «рабочую» музыку — «Одинокого пастуха» Морриконе. В течение всего дня коридор квартиры был похож на поликлинику: на стульчиках вдоль стенки сидели пенсионерки. Галина вызывала их по одной. Приём стоил недорого: целительница брала количеством. Кроме сарафанного радио, Галя привлекала клиентов объявлениями в бесплатных газетах. Когда ей понадобилась рекламная статья, я предложил свою помощь в обмен на скидку по квартплате.

Статья состояла из придуманных мною случаев чудесного исцеления с восторгами клиентов в адрес Галины.

«Когда жизнь подводит нас к трудной ситуации — мы всегда склонны надеяться на чудо. Но мало кто может узнать это чудо в обычной жизни. На сеанс парапсихолога Галины З. я шёл с неохотой, тогда я не знал, что он полностью изменит мою жизнь. Ушли многолетние болезни, а с ними раздражительность и злость. Ко мне вернулись мои близкие. Моё сердце наполнилось верой...»

Если загробный мир существует, значит, в нём есть отдельный ад для людей, строгающих такие унижающие здравый смысл тексты. Очерк «Целитель от бога», который вышел на последней полосе «Новой Ярмарки», — это моя стопроцентная гарантия попадания туда.

Эверест

Ноги, запертые в уродливые колодки горнолыжных ботинок, онемели от холода и усталости. Младшая группа тренера Михайлова утаптывала склон для завтрашних соревнований среди взрослых. Специально купленный для этого ратрак Михайлов не заводил. Техника через раз ломалась и требовала дорогую солярку. Дети-топтуны ничего не стоили.

В цепочке таких же обречённых полз к вершине второклассник Костик.

С каждым шагом вершина отдалялась, как и последняя надежда когда-нибудь завязать с горнолыжкой. Для маленького, щуплого мальчика с неблагозвучной фамилией секция была хуже концлагеря. Зимой у него мёрзли ноги и о трос подъёмника рвались варежки, летние пробежки до озера напоминали пытки нацистов, о которых он читал в брошюре, привезённой отцом из Германской Демократической Республики. В составе делегации молодых партийцев папа Костика посетил музей-мемориал «Заксенхаузен». Чёрно-красный буклетик с фотографиями измождённых узников, расстрельных рвов и довольных фашистов с овчарками Костик пересматривал постоянно. Во сне он часто пытался бежать от лагерной охраны через подкоп под колючей проволокой, но всякий раз падал, сражённый короткой очередью «шмайсера». Одно из истязаний — многочасовые пробежки до полного изнеможения в неудобной обуви — телепортировались из брошюры о нацистах в реальную жизнь дальневосточного второклассника.

«Из цепочки не выходим! Замыкающий, следи за линией!» — покрикивал Михайлов, всегда лично управлявший топтунами. Костик любил представлять его в чёрной эсэсовской форме с коротким стеклом в руке. Высокие чёрные ботинки Atomic блестели как хромовые сапоги киношного «бригаденфюрера».

Нелюбовь к тренеру была взаимной. Михайлов растил чемпионов, а хилый балласт вроде Костика вызывал у него брезгливость. Каждый год мальчик уходил из большого спорта, но мама всегда приводила его обратно.

Однажды во время летней беговой пытки Костик незаметно отстал от группы. Несколько часов он гулял по лесу, наслаждаясь свободой, и вернулся домой необычайно довольный. Поздним вечером, когда последний мамин пирожок был съеден, в дверь постучали. Тренер, опустив глаза, сбивчиво объяснял матери, что они обязательно найдут её сына и что сейчас по лесу ходит уже

три группы, одна даже с собаками. Увидев Костика за кухонным столом, Михайлов прервался на полуслове, пожелал «спокойной ночи» и ушёл. После этого насмешливое презрение тренера сменилось жёстким игнором. Костику по умолчанию доставались самые плохие лыжи с раздолбанными креплениями и ржавый крюк на верёвке вместо бугеля.

Рядом с Костиком топтал снег Женька Вишневский — чемпион группы. Атлетичный блондин был на полголовы выше. Тренировки давались ему легко. Соревнования обычно дарили Вишневскому первое или второе место. Летом он бежал к озеру впереди всех сразу за тренером. Во дворе Костик и Женька были приятелями: вместе строили снежные крепости, придумывали матерные клички для алкашей. На склоне их дружба заканчивалась. Женька задирает нос, натягивал на глаза жёлтые Uvex со сменными светофильтрами и нарезал зигзаги по самой сложной «чёрной» трассе. Костик на обшарпанных лыжах скатывался с пологой учебной горки для малышей.

В отряде топтунов все были равны. Чемпионы ритмично маршировали вверх по горе вместе с дрищами. В эти моменты дружба между Костиком и Женькой снова возвращалась. Пацаны вполголоса жаловались друг другу на боль в ногах и показывали языки тренеру, когда он был к ним спиной.

Утрамбовывание склона обычно занимало всю двухчасовую тренировку. Метров за тридцать до вершины Михайлов жестом остановил шеренгу и скомандовал: «На плуг!» Топтуны шумно развернулись и, широко расставив ноги со скрещёнными концами лыж, поехали вниз. Так горка становилась гладкой, словно выбритый солдатский подбородок.

Этим же летом Женькины родители уговорили тренера взять не подходящего по возрасту мальчика на взрослые сборы под вулкан, где снег не тает круглый год. На очередном спуске маленький чемпион решил проехать по запрещённой трассе и улетел в ущелье, откуда его тело смогли достать только через месяц.

После того случая мама забрала Костика с горнолыжки и записала на пинг-понг.

Ягодный путч

Солнце жгло. Горячий воздух струился вверх извилистыми ручейками, скручивал пожелтевшую листву уставшего от многодневной засухи тополя. Дерево дарило спасительную тень окну одноэтажного флигеля, и всякий, кто заглянул бы туда после полудня

19 августа 1991 года, смог бы заметить неподвижно стоявшего перед большим зеркалом мужчину с густой пшеничной шевелюрой.

Завхоз пионерского лагеря «Золотой гектар» Пал Палыч Мизинцев в мятом пиджаке внимательно разглядывал себя. Пшеничные брови лежали пушистыми колосьями на широком, ноздреватом, как дрожжевое тесто, лице. Русский «сталинский» зачёс назад, основательный квадрат подбородка и особенный взгляд хозработника — смесь недоверия с преувеличенной серьёзностью.

«В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачёвым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127-й Конституции СССР полномочий Президента Союза ССР к вице-президенту СССР...» — без конца повторял с экрана диктор в коричневом костюме.

Мизинцев поймал себя на мысли, что сегодня — самый важный день в жизни, а ничего особенного он не чувствует. Принятое решение спокойно улеглось в дневной план-график и не вызывало ни тревог, ни сомнений. И если тогда, перед арестом, он всё-таки немного рефлексировал, сейчас верность намерений казалась безусловной и незыблемой.

Мизинцеву было пятьдесят три. Девять из них завхоз отдал родине: три года — Тихоокеанскому флоту, шесть — Сусуманской колонии общего режима за хищение социалистической собственности. Особо крупный размер потянул на «неразменный червонец», но в 1970-м Ленину вдруг исполнилось сто лет, и в честь юбилея страна решила почистить тюрьмы от фарцы, мошенников и расхитителей разных степеней. На крыльях амнистии Мизинцев вернулся в родную гавань. Там он поступил замом по сбыту на ту же овощебазу, откуда ранее был отправлен под Магадан.

Год спустя базу расформировали, и после месячного путешествия в глубокий запой Пал Палыч подался в образование. Завхозом в пионерлагерь его взяли за основательность, строгость, знание артикулов и ГОСТов. Тюремную страницу биографии Мизинцеву не вспоминали: с кем не бывает.

Алкоголя Пал Палыч себе давно не позволял, но сегодня всё произошло как-то само. Когда завхоз делал вечерний обход, бутылка тёмно-красной ягодной настойки с терпко-кислым вкусом незрелой жимолости на крыльце четвёртого корпуса просто «позвала» его. Решив на утро разобраться, откуда в лагере взялось спиртное, Мизинцев сделал несколько глотков и спрятал жимолость во внутренний карман пиджака. Забытая за годы трезвости истома растеклась по телу. По спине побежали оргазмические мурашки.

Собравшиеся на вечернюю планёрку воспитатели, вожатые и физруки обнаружили в приёмной длинный пустой стол, застеленный выцветшим красным кумачом. Директор опаздывал. Выждав пятнадцать минут, со своего места у окна резко встал завхоз и переместился в президиум.

Не давая коллегам опомниться, Мизинцев сразу начал говорить давно придуманную речь:

— Дорогие товарищи. Все мы знаем, что сейчас происходит в стране. Предатель Горбачёв пытается отнять у нас родину. Вместо советской торговли кругом сплошные спекулянты. Газеты клеветают на наше с вами славное прошлое. Союзные республики перестают нам подчиняться. Можно ли это остановить? Можно и нужно. Святой долг каждого гражданина Союза Советских Социалистических...

— Палыч, ты опять «развязался»? Иди пропись! — прервал оратора кто-то из физруков.

Мизинцев выдержал паузу и продолжил:

— Ввиду того что власть в стране перешла в руки ГКЧП, считаю необходимым заявить: руководство нашего учреждения обязано присягнуть на верность комитету либо его ждёт немедленный арест и трибунал. Также сообщаю вам, что ввиду своего нежелания подчиниться воле народа и признать низложение преступника Горбачёва, директор пионерского лагеря «Золотой гектар» Шестаков мною только что задержан и помещён в лодочный сарай, о чём незамедлительно было доложено также мною дежурному Комитета госбезопасности. Исполнять обязанности директора учреждения временно буду я, Мизинцев Павел Павлович. Приказ уже размещён мною на стенде.

Персонал как по команде обернулся на сидевшую за печатной машинкой секретаршу директора. Заплаканная женщина опустила глаза.

Повисшая тишина придавала завхозу сил. Он готовился к тому, что сейчас его скрутят, но ничего такого не происходило. Молчание прервал пожилой повар Мингазов:

— Я Палыча знаю много лет. Он мужик серьёзный, зря не скажет. А я говорил директору — реши вопрос с отходами. Договорись со свинарником в Сосновке, пусть мяса нам дают. А ему всё равно! Ну, куда молодого на такую должность? Палыч, народ за тебя, ты не переживай, мы...

Но его фразу заглушил громкий фальцет старшей вожатой Нины Куприяновой:

— Что тут вообще происходит? Почему вы слушаете этого человека? Вы понимаете, что Мизинцев сейчас вас уговаривает поддержать самовольный захват власти и в стране, и в нашем лагере? Нужно немедленно освободить Шестакова, а этого алкоголика сдать в милицию! — задыхаясь, почти кричала со своего места Куприянова. Через минуту Мингазов с двумя кухонными рабочими проводил её в лодочный сарай к первому арестанту.

— Если вопросов нет — можете идти отдыхать, товарищи, — буркнул Мизинцев.

Буйных в коллективе больше не нашлось. Сотрудники молча расходились по своим корпусам, делая вид, что ничего особенного не произошло. Когда кабинет опустел, Мизинцев аккуратно поставил бормотуху на президиумный стол справа от перекидного календаря и пластмассового стакана с шариковыми ручками, замаскировав бутылку тремя такими же «чебурашками» с лимонадом.

Смуглый, курчавый двенадцатилетний мальчик спал на дне прогулочной лодки под сиреневым дождевиком. Ветер нагонял легкую волну, от чего старая посуда чуть покачивалась с колебательной амплитудой. Мальчик вздрагивал и тихонько поскуливал. Во сне на него снова кричала вожатая Яна, а рядом курил в окошко голый плаврук Олег. То, что увидел Костик, не могло быть реальностью, а потому совершенно не укладывалось в его стремительно трезвеющей голове. На несколько мгновений у этого кино пропал звук, и ошоломлённый Костик наблюдал, как Яна, с искажённым лицом, просто широко открывает рот и дёргает руками.

События прошлого вечера острыми спазмами носились в гудящей от алкоголя голове. Вот Костик вместе с другом Кирей в сушилке пьёт ягодную бормотуху, полученную из жимолости, сахара и тепла прикроватного радиатора. Вот Кирю тошнит, и он заваливается на мешок с ветошью, оставляя Костика наедине с непреодолимым желанием прямо сейчас ворваться в комнату к вожатой четвёртого отряда белокурой красавице Яне и признаться ей в любви. Вот Костик бежит через весь лагерь к её корпусу и пытается заглянуть в окно вожатской, где, вопреки режиму, горит свет. Вот он оставляет недопитую жимолость на крыльце, преодолевает трёхметровый коридор, без стука открывает дверь и замирает на пороге.

— Щенец поганый! Пошёл вон отсюда! Олег, ты чего стоишь? Ты можешь всё это прекратить?! — орала голая вожатая, пытаясь прикрыться казённым вафельным полотенцем.

Слух вернулся, и ужас непонимания навалился с новой силой. Олег накинул на плечи одеяло, выдернул гостя за руку в коридор.

— Слушай, ты это, если кто узнает, если ты кому-нибудь... в дерьме утоплю, — промычали губы плаврука в сантиметре от лица Костика.

Услышав дыхание мальчика, Олег криво улыбнулся:

— Янка, да он пьяный! Вали в койку, пионер. Ты нас не видел, и мы тебя. Сдул отсюда!

Долгая пробежка сквозь колючие кусты, пятна травы и грязи на штанах, чужая, тяжёлая голова, тошнота. Беги, Костик. Теперь ты знаешь вкус предательства. Взрослая жизнь передаёт тебе привет. Беги, но помни: боль всегда будет на шаг впереди.

Небо светлело. Природа замерла в ожидании нового дня. Старая прогулочная лодка стукалась бортом об угол подгнившего пирса. Звук становился всё громче. Скоро он начал сопровождаться негромким мычанием и уже не совпадал с движениями лодки. Костик открыл глаза. Слева от пирса чернел лодочный сарай. Стучали и мычали оттуда...

— Можете не вставать, Мизинцев. Мне вас хорошо видно.

Завхоз сидел на своём диване и с изумлением рассматривал пожилого мужчину в костюме и галстук. Геометрически ровная залысина, обрамлённая сединой, крупные глаза с едва читаемой семитской печалью. На груди гостя, расположившегося в кресле у телевизора, поблёскивала звезда Героя Соцтруда. Мужчина снял с мясистой переносицы очки в полуоправе, и завхоз услышал тихий знакомый голос.

— Слушайте внимательно, Мизинцев, и не перебивайте. У нас мало времени. Вы приняли верное решение. Первое за всю вашу никчёмную жизнь. Товарищи в столице выступили единым фронтом, но без поддержки на местах нам не победить. Мизинцев, вы — порядочная гнида, без совести, чести и признаков стыда. В другое время я бы лично вас пристрелил как бешеную лису, но сейчас нам нужна ваша решительность и верность выбранному курсу. Берите ручку и записывайте всё, что вам нужно будет сделать.

Потный, как марафонец, Мизинцев писал, старательно вырисовывая каждую букву. После седьмого пункта седой мужчина вдруг замолчал. Мизинцев поднял голову, но мятый коричневый пиджак на кресле у телевизора больше не сказал ему ни слова.

Директор лагеря Игорь Шестаков был уверен, что когда-нибудь их, конечно, найдут, но именно сейчас, в полшестого утра, нет шансов быть обнаруженными. Именно это он несколько раз объяснил заплаканной Нине, чтобы старшая вожатая перестала ныть, долбить ногой в деревянную стену сарая и дала ему, наконец, поспать...

Игорю было двадцать девять. Год назад управление мелиорации назначило молодого историка директором своего ведомственного пионерлагеря. Работать с детьми Шестаков любил и никогда не упускал возможности пообщаться с ребятами на отрядных огоньках. Пионеры обожали слушать, как он поёт под гитару «Белую берёзу», «Солнышко лесное» и «Изгиб». Каждый раз, когда директор, подмигивая, затягивал знакомые строчки, к нему присоединялся мощный хор нестройных, но искренних детских голосов.

Несмотря на лысину и близорукость, недостатка в женщинах Шестаков не ощущал. Директор был холост, что вкупе с молодостью и гитарой делало его внешность совершенно неважной деталью.

Скромность и застенчивость — безотказная наживка, и на неё всегда был хороший улов. Каждое лето у директора происходило три (по количеству смен) бурных романа с представительницами среднего и младшего педагогического состава. Вот и сейчас он бы желал, чтобы лагерная хунта закрыла его в сарае не с мужеподобной Ниной, а с худенькой музработницей Верой Галебо, которая давно и недвусмысленно дала Шестакову понять, что не против окунуться в омут служебного блуда. Ритмичный стук ноги Куприяновой и мечты о будущем романе почти убаюкали Игоря, когда заскрипел засов и вместе с солнечным лучом в дверном проёме показалась курчава детская голова...

«По факту обращений за минувшие сутки сообщаю следующее. В 13.23 на телефон дежурной части поступил звонок от неизвестного, представившегося заведующим хозяйственной частью пионерского лагеря “Золотой гектар” (ведомственное учреждение Управления мелиорации) П. П. Мизинцевым. Обратившийся сообщил, что в связи с антигосударственными настроениями директор И. И. Шестаков был взят под арест. Дозвониться до приёмной учреждения в течение дня не представлялось возможным. Во время подготовки рапорта на имя начальника оперативного отдела для отправки сотрудников на место для проверки сигнала, от П. П. Мизинцева поступил второй звонок, в ходе которого он сообщил, что по личному указанию приезжавшего к нему Ю. В. Андропова заявитель ввёл в ежедневный распорядок занятия по строевой подготовке, начал изучать личные дела сотрудников на предмет выявления неблагонадёжных элементов, подлежащих аресту и ссылке под Магадан. Изучив обстоятельства изложенного, начальник дежурной смены принял решение штатных сотрудников к делу не привлекать, однако, учитывая нахождение в лагере

детей, поручить поселковому участковому инспектору проверить обстановку в лагере, а также направить в учреждение врачебную бригаду для оценки психического состояния П. П. Мизинцева. Старший прапорщик УКГБ СССР *Андреев С. А.*».

— И сначала было вообще непонятно, откуда эти крики. А потом он к краю крыши подошёл, прям к самому краешку. В одних трусах, девчонки, представляете?!

Музыкальный класс взорвался женским хохотом. Педсостав слушал рассказ Веры Галебо о том, как с крыши главного корпуса сегодня снимали пьяного завхоза Мизинцева. Всё случилось как раз во время обеда, поэтому ни вожатые, ни дети ничего не видели. Бенефис уже подходил к кульминации. Вера в красках показала, как Палыча отвлекал разговорами участковый, пока с другой стороны по пожарной лестнице на крышу поднимались нарколог из районной поликлиники и директор лагеря. На моменте, когда Шестаков выхватил из руки Мизинцева бутылку и повалил бесноватого завхоза на горячий от солнца рубероид, Вера зарделась, улыбнулась и добавила пару героических подробностей уже от себя.

К послеобеденному тихому часу в «Золотом гектаре» ничего не напоминало о лагерном путче. Мизинцева увезли в райцентр. По второй программе весь день показывали довольного Горбачёва в белой курточке на трапе самолёта и арестованных членов ГКЧП.

Кармический палац

— Фамилия у неё такая необычная. Сейчас вспомню. Со странной какой-то связана. Да чёрт же дери, выскочила. Вспомнил: Молдавская, как наш портвейн. Наливай, кстати, пока стоим. Так вот. Эта Регина Молдавская редактором в теленовостях работала и как-то отправила съёмочную группу на выезд с губернатором. Открывали новый детский садик. Тема важная, не хрень какая-нибудь. Ходит он с серьёзной тяпкой по помещениям, пальчиком в косяки тыкает. Вон дверь криво навесили, там недобелили, тут недокрасили.

Телекамеры штативами громыхают, фотоаппараты щёлкают, журналисты друг об дружку спотыкаются. Все за губером стойкой семят, ловят каждое его слово, а наша журналистка — Людмилой её зовут — немного во дворе задержалась и наткнулась на плачущую бабу. Прям натурально: стоит такая картиночная старушка и ревёт в голосину возле садиковского забора. «Вы чего плачете?» — спрашивает. «Да вот, — говорит, — пока ваш губернатор

тут показушничает, мы себе ноги ломаем: садик-то построили, а дорогу большегрузами расхреначили. Дыры сплошные, а ведь полгода ещё не прошло, как новый асфальт положили».

Людмила её слушает и понимает: вот он — шанс — сделать из обычной протокольной ваты нормальный, проблемный сюжет с «человечинкой». Записывает она интервью с этой бабкой, та ей всё поясняет про дорогу, двор раздолбанный. Ничего плохого про губернатора, правда, не сказала, а даже наоборот: «Надеюсь, — говорит, — что Сергей Сергеич обратит внимание на нашу ситуацию, и вы, — говорит, — не подумайте, что мы против садика: то, что его построили, — это хорошо. Внучка у меня выросла, а садика не дождалась, так пусть хоть другим деткам больше повезёт».

В редакцию Людмила летела как на крыльях. Сюжет сочинила за пять минут на коленке, пока в машине ехала. Она, в общем, неплохой журналист, да и баба умная, а на работе постоянно приходилось для областного телеэфира из дерьма конфеты лепить...

Ты шоколадку, кстати, бери. Бабаевская. А то не закусываешь совсем.

Прибежала в редакцию, текст на компьютере набрала и кидает его в папку Молдавской на проверку. А у той забот полон рот: кучу всего надо править или вообще переписывать, да ещё подводки эфирные ведущим доделать. Короче, отмахнулась она, говорит: «Ты, Людмила, мне своими сюжетами мозг не колупай, знаю, что там всё нормально, я тебя даже в пример ставлю всем нашим бездарям. Давай быстренько на монтаж. Твой выезд мы первым сюжетом вечернего выпуска ставим».

Людмила бежит в монтажку, вырезает из бабки самый слёзный кусочек и даёт его плюсом к проходкам губернатора между детских шкафчиков с жирафами и слониками. Вот, мол, пока тут праздник и позитив, есть и пострадавшая сторона: при строительстве был разрушен межквартальный проезд, а кто его должен восстановить — вопрос, как говорится, пока что висит в воздухе. «Людмила Гершуни, Валерий Собачкин. Специально для “Вестей”».

До курилки она тогда дойти не успела, как бежит по коридору с озверевшей физиономией Молдавская и криком кричит на все три этажа. Директор ещё во время выпуска позвонил и пообещал Молдавской за такие выкрутасы ноги выдернуть, потому что очень губернатор из-за бабки в сюжете разозлился: фужером коньячным в плазму бросил и пригрозил бюджетную субсидию забрать, а для телекомпании это — смерть. Короче говоря, из-за бабки решил он кинуть телевизионщиков на бабки. Молдавская заставила Людмилу

объяснительную написать, велела бухгалтерии этот сюжет ей не оплачивать, а премию с привычных двадцати процентов срезала до трёх. Людмила, конечно, сильно расстроилась. В первый раз за пятнадцать лет на телеке её так жёстко отмутузили, причём совсем не по делу. Дома ей под руку муж попался — она на него полкана спустила: из-за непомытой тарелки разругалась в сопли и пообещала при разводе оставить с голым задом. Муж пошёл на смену в полнейшем охренении...

Ну, давай за семейное понимание. Сам-то женат? О, и я в разводе. Тогда не чокайся. Оставим Людмилу, долго я про неё уже рассказываю, а с неё ведь всё только началось.

На следующее утро директор телевидения сажает Молдавскую в свой гелик и привозит в администрацию. Там за столом четыре серые морды каких-то аппаратчиков, а в углу начальник пресс-службы: пожилой дядька, ему бы к пенсии уже доползти, а тут такое. Всю ночь валидол глотал и губернаторскую истерику в голосовых сообщениях выслушивал.

Посадили они Молдавскую на стульчик перед столом, и один из серых вежливо так интересуется, а не происки ли это оппозиции, от которой можно ожидать всего, даже подкупа шеф-редактора уважаемого областного телевидения с целью дискредитации высшего должностного лица региона. У Молдавской аж глаза над бровями подпрыгнули. Вы, говорит, за кого меня принимаете, господа чиновники. Откуда, говорит, в ваших аппаратных головах взялись такие гнусные подозрения.

Серые морды молча переглянулись. Ну, тогда, Регина Викторовна, вы легко проверочку пройдёте. Цепляют они на Молдавскую проводки — вокруг талии, за палец и на башку типа шапочки. «Вас зовут Регина? Вам сорок пять лет? Вы работаете на телевидении?» А потом резко так: «Вы испортили сюжет про губернатора намеренно? Получали ли вы деньги за дискредитацию Сергей Сергеича? Состоите ли вы в оппозиционных движениях, поддерживаете ли их антигосударственные идеи?» На всех вопросах кардиограмма даже не дёрнулась. Стало понятно, что никто Регину Викторовну не подкупал, а бабка попала в сюжет по её недогляду. Директор заставил Молдавскую громко извиниться и уведомил аппаратчиков, что лишает её месячной зарплаты, а летний отпуск переносит на февраль...

Опусти окошко, прям тут покурим, а то в тамбуре народу, как в Китае.

Директор уехал из администрации один, не стал Молдавскую ждать — сама доберётся, не маленькая. К офису подрулил и сразу

заметил линкольн цвета спелой вишни со знакомым блатным номером. Учредитель с какого-то перепуга заехал, а раньше годами мог не появляться. Хотя, как это — «с какого-то»? Перепуг вполне понятен: бабка в сюжете про садик, чтоб она с головой в самую большую яму возле своего дома провалилась.

Трижды судимый за бандитизм учредитель кивнул двум секуритатам, и вот они уже тащат по парковке бледного, обоссавшегося директора. Линкольн выезжает за город и долго петляет по просёлкам. Хозяин молчит на переднем сиденье, директор съёжился на заднем между двумя мордоворотами. В сосновой роще машина тормозит. Директора вытаскивают наружу, ставят на карачки и долго пинают по рёбрам. Тот понимает, что учредитель, видимо, тоже пострадал из-за бабки, но не убивать же за это. После серии пинков под дых хозяин нагнулся к уху директора и тихо поинтересовался, через сколько ударов он вспомнит, куда перевёл со счёта телекомпании восемь лямов. Деньги неделю назад пропали, а право подписи только у него.

Отхаркивая кровь на истоптанный мордоворотами пиджак, директор стал клясться всеми родственниками, что только самоубийца станет воровать у такого уважаемого человека, и посоветовал обратить внимание на новую молодую бухгалтершу: неделю назад он ей доверенность на право подписи выдал, девка она мутная, ушлая, к тому же примерно с того времени перестала выходить на связь.

Учредитель шевельнул поломанными ушами, поблагодарил за ценную информацию и дал по газам, оставив окровавленного директора в облаке пыли...

Давай, братишка, за здоровье! Его много не бывает...

Хозяин телевидения спокойно жил недолго. Через пару дней позвал его на «поговорить» вор в законе. Он у нас в городе смотрящий или кто-то в этом роде. О том, о сём, семья, детишки и сразу в лоб: «С какого, говорит, праздника, ты, Борюсик, про общаковые выплаты забыл? Пацаны на зонах мазу тянут за нас с тобой, а тебе копейки для взгрева жалко?»

Борюсика аж завертелётило: на общак он и правда забил, полагая, что с него эту обязанность давно сняли. «Давайте, — говорит, — решим этот вопрос. Пишите сумму, и я сделаю всё возможное...» Тут Шагун его с улыбкой перебил: «Конечно, — говорит, — решим, куда ж ты денешься? И за пренебрежительное отношение ты мне тоже заплатишь, но по-другому. Слышал, как якудзы свои косяки замаливают? Клади мизинец: вон доска с ножом»...

Через полчаса Борюсик уже гнал на всех парах в частную клинику. Кровь из уменьшенного на фалангу пальца хлестала без остановки. В больничке ему кожу на культе подшили, обрабатывали, перевязали. А вечером в ту же клинику привезли уже самого Шатуна с прободной язвой. Хирург Гершуни особо не переживал: кровь нужной группы в холодильнике есть, сама операция технически несложная. Но уже через четыре часа после того как Шатуна увезли со стола в реанимацию, законник отдал душу богу или кто там наверху за ней пришёл. То ли от усталости, то ли от стресса после скандала с женой Гершуни что-то сделал неправильно, шов в желудке разошёлся и — здравствуй, кладбище, мы тебе нового дяденьку привезли. Доктора сразу в СИЗО отправили. Я там от него всё это и узнал. Ну и от пацанов шатуновских: блатные попались болтливые...

Кирия — так он представился попутчику — наконец замолчал. Пьяный Борис сидел напротив, подперевшись то и дело выскальзывающим из-под щеки кулаком. Он уже почти перестал вспоминать утреннюю ссору с матерью и сейчас силился сфокусировать зрение так, чтобы совместить двух Кири в одно изображение.

— Ладно, братка, я ж приехал. Моя станция. Было приятно познакомиться, будешь у нас в Череповце — найдёмся, покутим, на охоту съездим. Ну, добро, счастливенько.

Кирия резво поднялся с полки, хлопнул по плечу шатающегося Бориса и выскочил на перрон. Заняв очередь в сортир, он пересчитал деньги из украденного у попутчика кошелька. Наличных было тысяч двадцать. Кирия забрал купюры, а портмоне утопил в контейнере биотуалета.

Из привокзального кафе на всю площадь орал Вилли Токарев. Кирия бы туда обязательно зашёл: он очень проголодался и хотел выпить, если бы не выскочивший из-за угла уазик. Машина отделила его ступни от улетевших метров на сорок кроссовок...

— Ну, и вот этого ты хотел, Сеня? — бомж в засаленной дерматиновой куртке протянул недопитый «Агдам» лежащему рядом сизелищному товарищу с бородой, в которой давно поселился и обустроился сморщенный бычок. Вокзальные клошары лежали, прислонившись к стене справочной будки.

— Всем сёстрам по серьгам. Да воздастся каждому по делам его, — Сеня сплюнул чёрным сгустком себе на тёплые не по сезону штаны с фекальными пятнами.

— Ты или совсем дурак, или инструктажи забыл. Где же здесь «по делам»? Бориса ты за что наказал? Ты можешь не блевать, когда

с тобой разговаривает начальник отдела? — бомж в дерматиновой куртке брезгливо отполз от лужи рвоты.

— Борис с матерью поругался, обидел её. А мать — это святое. Толян, ты же сам всегда учил, что на каждое деяние найдётся свой...

— Кармический палач? Да, это главное правило, но ты не соотноёс тяжесть деяния с наказанием. Мать через секунду забыла, у неё ж деменция, если ты помнишь. А Борис всю дорогу переживал, калялся, что по нашему регламенту само по себе является серьёзной карой. Не за что ему было кошелька лишаться. Ни один инспектор тебе это не утвердит.

Толян вынул из Сениной бороды окурков и раскурил от брошенной кем-то зажигалки.

— Водитель уазика сегодня узнает, что у его сына рак и всё уже терминально. Его-то за что?

— За отца. Он же человека убил, а отпрыски грешников всегда принимают последствия...

— Сеня, мать твою, кармическое колесо уже переехало невинного человека и дальше будет катиться по этой колее. Мне бы донести на тебя, но это будет пятно на весь отдел. Делай отмену, идиот. Там ещё полбутылки осталось, как раз хватит, чтоб ему развязаться.

Толян помог Сене подняться, и ангелы исчезли, оставив на асфальте лужу блевотины, дерматиновую куртку и докуренный до фильтра бычок...

— Люда, только что звонили из админки: выезда на садик не будет, — Молдавская поймала корреспондентку на выходе из редакции. — По ходу опять «развязался» Сергеич. Сказали: «Работает с документами». Снимешь сегодня Кандинского в Изобразительном.

Галереи и выставки — задание для стажёров, и Людмила давно на такое не выезжала. Но это было лучше, чем получить за рабочий день ноль. Сюжет вышел приятный, с хорошими экспертами и восторженными зрителями. Домой её отпустили пораньше, и она успела приготовить мужу котлеты на вечернее дежурство в реанимации.

Юлия КАРАБАНОВА

Как стать драконом

В стародавние времена жил на Камчатке пёс. На охоту с Хозяином ходил, дом охранял, а ещё думал много. О том, например, что имя у него интересное — Драг, почти как дракон. О том, что хорошо быть большим и свирепым, чтобы все тебя боялись. И решил он разузнать, можно ли стать драконом. Спросил соседского кота, слышал ли о таком, но тот не знал. А вот голуби, местные сплетники, посоветовали найти белую куропатку, она далеко летает, вдруг да поможет.

Не хотелось Драгу уходить от дома, но ради мечты чего не сделаешь. Нашёл он в поле куропатку, только та пугливая оказалась, улетела, так ничего спросить и не успел.

На шум выскочила евражка, узнала, в чём печаль, и говорит:

— Слышала я: за бухтой есть гора, у которой внутри бурлит, будто дракон ворочается. Вот её и спроси.

Боязно Драгу было одному на гору идти, да так совпало, что и Хозяин на неё решил подняться, наверное, тоже о чем-то спросить хотел. Долго ли, коротко ли, добрались они до горы, подниматься стали.

Драг впереди бежал, дорогу разведывал. Где трещина, где камнепад — Хозяина предупреждал. Тяжко было: то тропа через снежник ведёт, то вдруг облако с неба опустится, да так, что не видно ничего, то ветер, злой, холодный, так и норовит вниз сбросить. Но всё-таки поднялись они на самый верх. Смотрят вокруг, а там — земля цвет поменяла, струи горячие вверх бьют, дышать нечем от запаха зловонного. Но Драгу все нипочём. Подошёл к краю обрыва и залаял звонко — задал свой вопрос. А Гора ему в ответ: «Стать драконом просто. Оставь мне здесь своего человека, а сам вниз спускайся да домой иди. Наутро Драконом проснёшься...»

С тех пор каждая собака эту легенду знает, вот только драконов в наших краях как не было, так и нет!

А Гора до сих пор кряхтит от злости: люди, собаки, ходят, спрашивают — спать не дают!

Ю. Карабанова. «Как стать драконом».
Рисунок Т. Гурьяновой, 14 лет, МБУ ДО ДШИ.
Преподаватель Л. В. Гурьянова, п. Усть-Камчатск

Хроники Иного Мира

Легендарный ангел

Про меня давно ходят легенды. Я — самый неудачливый Ангел Смерти.

Десять лет в Сопровождающих. Обычно тут не задерживаются: год, максимум два — и на повышение. На Распределительный пункт, или к Карающим, или в отдел Новых воплощений. В Ином Мире вакансии постоянно образуются, только успевай крутиться, а я застрял на первой ступени.

Всё из-за них! Для первого задания Сопровождающим обычно дают одиноких стариков. Как правило, их нужно забрать из больницы, иногда из дома. Мне досталась бывшая балерина Марта. Она жила в маленькой квартирке, через арку направо, на втором этаже. Помню, я совсем не волновался. Работа проще некуда: обнять крыльями, настроить дыхание в унисон, остановить, дожидаться последнего удара сердца, успокоить, сопроводить душу в Иной Мир, передать Встречающим. Дальше растерянных ново-прибывших ждёт Распределительный пункт — но это уже работа другого отдела.

Что могло пойти не так?

Я не смог подойти к своей старушке. Чёрный котище прыгнул ей на колени и выгнул спину. Единственный жёлтый глаз буравил меня, а в шипении явно слышалось: «Не пущу!» Я беспомощно топтался посредине комнаты. Несколько раз пробовал обойти, напугать, но противное животное упрямо вставало между нами.

«Сильвестр, успокойся! Что с тобой сегодня?» — голос у Марты был молодой и звонкий для её возраста, только немного усталый...

Я провалил своё первое задание. Назавтра мне дали другое, затем следующее — там всё шло гладко. Только провал первого раза — как не сданный вовремя отчёт, про который все помнят. Живая Марта портила мой послужной список. И по правилам, с ней должен был закончить я. По правилам — значит забрать из дома. Никакой смерти на улице. Нет — сосулке на голову, лихачу на переходе или наркуше в подъезде. Это же первое задание — самое лёгкое!

Сильвестр, казалось, знал, когда я приду. В любое время он вставал между нами и не давал приблизиться к Марте.

Я работал вдвое больше, чем другие Ангелы Смерти. Никогда не отказывался от сверхурочных. Вызывался в любую точку

Земли, где были эпидемии, аварии, катастрофы, теракты, войны. Делал всё быстро и чётко. Собирал нужное количество душ строго по списку. Но... на каждом совещании мне припоминали Марту, и я перестал на них ходить. Надоело ловить сочувственные взгляды и шёпот в спину: «Неудачник!»

Я отработывал день и каждый раз возвращался на крышу её дома. Смотрел на город. Закрывал глаза и чувствовал булыжные мостовые, сомкнутые челюсти мостов, ток крови — плеск волн в каналах. Здесь людская суета уравнивалась неподвижностью статуй. Здесь, в доме, где из подвала пахло канализацией и кошками, жила старушка, которую я никак не мог убить.

Я — тот самый легендарный Ангел Смерти, которого не боится кот.

Время. Я ощущаю его. Мои коллеги становились начальниками, поднимались в карьере всё выше. А я по-прежнему был Сопровождающим. Сегодня — ровно десять лет. Кажется, в моих чёрных крыльях появились седые перья...

Я снова стоял в её комнате. Здесь мне всё знакомо. Вот фотографии в тонких рамочках, фарфоровые балерины и пастушки в окружении цветов, шипастый алоэ и белая герань на подоконнике.

Марта дремала в кресле, Сильвестр лежал у неё на коленях. Кончик хвоста чуть подрагивал. Почуввав меня, повёл ухом и приоткрыл жёлтый глаз. Я опустился перед ним и внимательно оглядел своего врага. Он постарел. Шерсть поредела и уже не лоснилась. Но в тихом шипении слышался тот же протест: «Не отдам!»

«Сильвестр, я... Давай, я заберу вас двоих!» — «Думал, ты никогда не догадаешься, — услышал я его мысли. — Мы готовы». — «Всё будет быстро, вы не успеете испугаться...»

Я обнял их руками и крыльями. Наше дыхание слилось и замедлилось. Два сердца затрепетали, а потом замерли. Стало тихо и холодно.

На следующий день я взял выходной.

Всё изменилось. Надо было подумать, как жить дальше, когда отдел кадров даст мне список вакансий. Интересно, что они предложат: спокойный отдел Новых воплощений или суету Распределительного?

Сам-то чего хочу?

Конечно, я снова сидел на этой крыше, стараясь ни о чём не думать. Город погружался в сумерки...

— Почему ты здесь? — он присел рядом, руки сжимали набалдашник трости.

Я узнал бы его в любом наряде, без этого дорогого камзола, парика и треуголки. Пётр I — Главный Хранитель Санкт-Петербурга — не отводил взгляд, ждал. Вместо ответа я закрыл глаза и стал одним целым с его городом. Погружался кусочком сахара сквозь молочную пенку ночи, растворялся в шуме улиц. Поднимался вровень с ангелом на шпиле, туда, где пролегла невидимая грань вечности. Я чувствовал смешение людских эмоций, весь фон огромного города. Мне не надо было прислушиваться, чтобы услышать каждого: тех, кто спешил домой с работы, и тех, кто никуда не торопился, — восторженных туристов. Одного хотелось развеселить, другого — притормозить, обнять, шепнуть слова утешения. Всё это было со мной, во мне. Я был и городом, и каждым его жителем. Потом представил, будто уехал надолго, навсегда, и какая-то часть меня застыла и заболела.

— Понятно! — Пётр встал. — Мой город растёт, я расширяю штат его Хранителей. Ты подходишь идеально, я не ошибся. Присоединишься к нам?

— Конечно!

— Время на раздумье возьмёшь?

— Нет. Зачем?

— Как же, ты — легенда! Первый Ангел, отработавший Смертью десять лет. Это не удавалось никому до тебя. Уникальный опыт. На тебя большие планы у Высшего. Говорят, тебе приготовлено место его заместителя. Ты что, парень, не знал? Весь Иной Мир только о тебе и говорит!

Я качал головой, слова застряли в горле. Внизу жёлтым огнем вспыхнуло окно.

— Согласен!

— Тогда встречаемся в полночь в Летнем саду. Представлю вас, новичков, остальным. — Трость дробно вторила удаляющимся шагам. — Сейчас знакомьтесь. Не вздумайте опоздать на официальную встречу!

Я обернулся. По крыше шла девушка, лёгкая, словно балерина, а впереди (по-прежнему между нами!) степенно вышагивал чёрный кот.

Судьба без выбора

— Отрок хлыздит!

Балкон Небесной Канцелярии заливал тёплый, мягкий свет вечного заката — считалось, что он создает идеальное рабочее

настроение. Разаэль поднял взгляд от очередного свитка, который просматривал, и уставился на своего визави. Мировая Инвентаризация Судеб требует максимального напряжения и внимания. Он и раньше с ней прекрасно справлялся, но в этот раз в чью-то светлую голову пришла «гениальная» идея — объединить для ревизии ангела и демона. Неужели кто-то усомнился в его, Разаэля, компетенции? Он лучезарно улыбнулся Сеере, приглашая того пояснить непонятную и непривычную ангельскому слуху фразу.

— Избегает уготованной Судьбы, не отрабатывает Карму, сбегает в Небытие раньше времени. Хлыздит! Так понятно?!

Демон удобно устроился в кресле на другой стороне балкона, курил тонкую сигареллу, пил кофе из маленькой красной чашки на один глоток, просматривал файлы на планшете. Чёрный, в обсидиановых искрах костюме, пижонские ботинки из кожи не то питона, не то дракона.

«Красив. Чертовски красив!» — снова отметил про себя Разаэль. Он сам предпочитал работать в белом свободном костюме и мягких сандалиях на босу ногу. Свитки с судьбами появлялись у него в руках, а затем исчезали. Те немногие, по которым требовались уточнения, лежали у ног.

— Ты о душе отрока Глеба?

— Глеб, он же Гога, он же Гоша, — Сеера усмехнулся и выпустил несколько колец дыма, — Ганс, Габриель, Густав, Глафира, Гертруда. Я насчитал семьдесят восемь воплощений и досрочных выходов. А ты?

Разаэль неопределенно взмахнул рукой — типа того — и отправил в архив очередной просмотренный свиток, на котором отразилась стандартная жизнь: душа воплотилась, грешила, каялась, искупала вину, переходила на новый уровень развития и получала новое воплощение по делам своим.

— Посмотри статистику по «безгрешным», сам всё поймешь, — Сеера прищёлкнул пальцами, и огромный экран заслонил закатное небо. Он настроил отбор данных по одной из душ, и Разаэль невольно вскрикнул: «Не может быть!», но цифры были неумолимы. Семьдесят восемь раз душа погибала до семи лет, а значит, считалась безгрешным младенцем и имела право на выбор эпохи, места рождения, тела и других обстоятельств будущей жизни.

Разаэль тоже щёлкнул пальцами, и перед ними в воздухе возникли свитки с отчётами персональных Хранителей о каждом случае преждевременной гибели. Все они были написаны как под копирку: отвернулся ненадолго, отвлекся, был занят с другим

подопечным, вызвали наверх и так далее, а в это время отрок попал в аварию, утонул, заболел смертельной болезнью, растерзан диким зверем, нелепо погиб в детской игре. Случайность. Трагическая, непредумышленная. Согласно правилам, душа возвращена наверх — выбрать новую судьбу.

— Получается, он сумел оставить свои воспоминания об Ином Мире, чёрттов гений, — бормотал Разаэль, отбрасывая свитки. — Что же мы будем с ним делать? Не в Ад же его отправлять!

— Какой Ад? Он безгрешен! — Сеера задумчиво высекал пальцами огонь, но так и не раскуривал потухшую сигареллу. — Смoтpи, вот первое воплощение: грех жадности, накопительства, стяжательства. Ничего особо страшного. Умер. Ему подобрали следующее воплощение с осознанием и исправлением где-то в Южной Америке. А там его выбрали для жертвоприношения во младенчестве.

— Ацтеки?

— Ага. Значит искупил все предыдущие грехи досрочно. И теперь нет на нём грехов! У нас там, в Аду, — убийцы да сплошь преступники, а это что?! Где он, кстати?

— Недавно воплотился в новую жизнь. Сейчас — славный младенчик в одной прибрежной деревне на Суматре. Я так понимаю, в возрасте до семи лет намечает не пережить цунами 2004 года.

На балконе снова стало тихо. Ангел и демон напряжённо думали. Сеера вывел на экран картинки разных исторических эпох. Рандомно сменяли друг друга события, значительные и не очень: войны, пожары, эпидемии. Земные пейзажи — горные пики чередовались с морскими просторами, огромные столичные города разных стран — с маленькими, на одну улицу, посёлками. Космические полёты и тесные пещеры — любое время было в их распоряжении.

— Как насчёт Греции? Древней Греции, — наконец прервал молчание Сеера. — Там штат персональных хранителей очень сильный, за всеми успевали следить, недаром их потом богами и богинями прозвали. В жизни своих подопечных активно вмешивались.

Разаэль нахмурился.

— Нам надо сделать так, чтобы он не сумел избежать уготованной судьбы!

Сеера рассмеялся.

— Сейчас он у нас проснётся другим человеком! Ути-пути, а кто это у нас тут такой хорошенький в колыбельке?

Перенос сквозь эпохи совершился мгновенно. Младенец открыл глаза, сонно зачмокал губами, завертел головой. Что разбудило его? Странные звуки, шелест, шипение. Ночь плыла за окнами, от ветра чуть колыхались занавески, рядом спал брат. Что это? Снова шелест и шипение. О! Какие интересные цветные верёвочки. Да это же новые игрушки! Цап! Хвать!

Сеера и Разаэль, две незримые тени, склонились над колыбелью, где мальчик только что задушил руками двух змей.

— Алкид — хорошее имя для того, кто не властен над своей судьбой.

— Мы позаботимся, чтобы о нём сложили мифы, правда?

— Тут и без нас будет кому об этом позаботиться. А мы понаблюдаем, чтобы у него не оставалось выбора. Ну и шепнём Пифии другое имя — славное, героическое, идеально подходящее этому отроку.

А потом на балконе Небесной Канцелярии долго раздавался смех, сквозь который на разные лады повторялось одно и то же имя: «Геракл».

Гави (рождественская история)

Она бы могла появиться
Из нежности и любопытства...

Гави отчаянно завертел головой в поисках того, кому принадлежали эти мысли. В тихом городском саду на самой окраине зимнего дня уже почти никого не было. Убежали домой дети, что прежде резвились на горке. Разошлись розовощёкие владельцы собак, азартные до жизни и долгих прогулок. Прошли усталые взрослые, мысленно сверяющие содержимое своих пакетов со списком покупок. Из маленькой церкви через дорогу вышла женщина в зелёном платке, по нему рассыпались завитки аляповатых роз. Она неторопливо перекрестилась и начала сметать снег с трёх длинных ступенек жёлтым потрепанным веником.

Гави вглядывался в сумрак, стараясь отыскать того, кого позвало сердце. Гави был Ангелом. Точнее, он был Маленьким Ангелом, одним из Гави — помощников Ангела Гавриила. Вместе с ним они частенько прилетали на Землю. Учились утешать страждущих, как могли, поднимали настроение, слушали людские сердца и мысли. Сердца и мысли чаще всего говорили о разном. Люди несли на себе тяжкие «должен» и «надо», зачем-то постоянно оправдывались,

а если даже и говорили с Богом, то как-то ультимативно: через «сделай» и «хочу», редко употребляя снисходительное «прошу». Ещё они давали какие-то бессмысленные зарочки, значимые лишь для них самих.

Но всё равно в этом парке рядом с церковью было хорошо. Здесь чаще, чем в других местах, можно было услышать светлые мысли и тихое, сердечное «благодарю». Так же хорошо было над детскими площадками, когда на них самозабвенно играли. Кстати, ещё было здорово разговаривать с собаками — их мысли мудры и лаконичны. А вот кошки и птицы много суетились, потому что забирались высоко и пытались наблюдать за всем сразу.

Гави вдруг понял, что сам уподобился птице вместо того, чтобы идти на голос души. Он опустил на ветку над ажурными воротами в парк и сразу увидел на скамейке женщину, которая что-то писала карандашом в маленьком блокноте.

Она бы могла появиться
Из нежности и любопытства,
Но вскрикнула чёрная птица,
Луну заслоня крылом.
И сон одиночества длится,
Бессмысленно звать и молиться,
Когда милосердный...

Гави захотелось обнять её крыльями и сказать, что молиться никогда не бывает бессмысленно или напрасно, но женщина вдруг охнула и выронила карандаш. Её рука медленно потянулась к сердцу, жест прервался, она повалилась на бок. Гави заметался по парку незримой тенью, разбудил спящую стаю голубей, толкал редких прохожих. Из церкви уже бежала женщина, поправляя съезжающий зелёный платок, а перед скамейкой присел мужчина, пытаясь нащупать пульс на тонком запястье. Потом он встал и молча покачал головой.

— В Рождество умерла. Повезло, — тихо сказал женщина в платке и перекрестилась.

— Почему повезло-то? — кажется, мужчина хотел поспорить, но передумал.

— Кто в Рождество умирает, сразу попадает на небо, — женщина улыбнулась светло и печально.

— Что за бред?! И кстати, она наверняка из церкви вышла, а в церковь безгрешные не ходят, — мужчина поправил клетчатый шарф. — Холодно.

— Может, и так... Но вдруг у неё есть Хранитель и он за неё заступится?

Мужчина вздохнул, посмотрел на мёртвую, потоптался с ноги на ногу и, словно смирившись с неизбежным, достал телефон и стал решать земные дела — звонить в скорую и полицию.

И никто из них не заметил, как по золотому лучу полетела вверх пушистая искорка. Никто, кроме Гави. Он прекрасно знал, что будет дальше. Много времени Маленькие Ангелы провели в этом месте, постигая Божественную мудрость.

Зал Меры и Справедливости никогда не прекращал свою работу. Белые весы в его центре взвешивали прибывающие Души одну за другой. Душа сияла, искрилась и переливалась, из неё в одну чашу падали белые бусинки добрых слов, мыслей и поступков, а в другую — чёрные. Если света было больше — такие Души продолжали свой путь по золотому лучу наверх, а если перевешивали тёмные — попадали в заботливые руки Ангелов в чёрных одеждах. «Они не справились», — печально говорили о них. Иногда гул работы и заведённый распорядок перебивал чей-то звонкий голос. «Это Защитник! — благоговейно шептались Ангелы. — У него есть Аргумент, и он взывает к Милости Божьей!» Божья милость обычно была благосклонна к Защитникам, ведь они знали что-то такое из жизни Души, что могло перевесить чашу весов.

И теперь Гави летел наверх, изо всех сил работая своими маленькими крыльями, чтобы успеть найти Защитника и рассказать ему про недописанные стихи до того, как на Весы встанет та самая Душа. Ему почему-то было важно, чтобы она поднялась по золотому лучу к свету.

Он опоздал. Стрелка качалась вправо и влево, пока в чаши с мелодичным звоном сыпались чёрные и белые бусины, но светлых оказалось на одну меньше. Ангел в одежде цвета печали подставил ладони, чтобы подхватить новоприбывшую.

— Стойте! — неожиданно для всех и самого себя закричал Гави. — У меня есть Аргумент: она сочиняла стихи...

Тихий шелест прошёл по Залу, и Гави показалось, что сказанного недостаточно, чтобы свершилась Божья Милость, но что сказать ещё — понятия не имел. Он вспомнил вечерний парк, колокольный звон, тонкие пальцы, выводящие на бумаге «из нежности и любопытства» и тихо повторил ещё раз:

— Она сочиняла стихи... хорошие... и не дописала их. Это неправильно!

— Ваш Аргумент принят, Защитник!

Радужная искорка отделилась от белой стрелки весов и полетела наверх. Гави оглядывался вокруг в поисках Защитника, который так вовремя пришёл на помощь ему и Душе, но никого не находил.

Ангел Гавриил подошёл к нему, взял на руки и посмотрел в глаза.

— Бог дал тебе чуткое сердце и точное слово. Ты удивительно смелый и светлый Маленький Ангел!

Гави смущённо спрятал лицо в его седое крыло. Ему уже не верилось, что это он, маленький Ангел, только что кричал на весь зал...

Есть место, где время течёт по-другому: оно там просто есть. Сладкое, тягучее и ароматное, золотыми пылинками-секундами кружится вокруг. А есть другие места, где время постоянно спешит, стараясь обогнать само себя, словно чего-то боится. Странно, но эти места иногда соприкасаются и тогда становится очень тихо...

В самом конце короткого прозрачного зимнего вечера, когда звёзды ещё только потягиваются и позёвывают, прежде чем появиться в небе, два Маленьких Ангела сидели на ветке старого дерева. Сегодня им повезло, вокруг было много добрых мыслей, поэтому они дурачились, болтали босыми пятками и посылали редким прохожим воздушные поцелуи. Конечно, их никто не видел, но необъяснимую радость и покой ощущали все, кто проходил мимо. Тонкие ветки дерева дрожали, с них иногда срывался летучий снег. Лёгкой призрачной завесой он вдруг перегородил дорогу мужчине и женщине, только что прошедшим через ажурные ворота. Они остановились и посмотрели наверх.

— Слышишь, кажется, звёзды смеются, — сказала женщина в зелёном платке с кляксами роз.

— Да, любимая, — ответил мужчина в ярком клетчатом шарфе, — я слышу.

Они вместе посмотрели на пустую скамейку, что сутулилась справа от входа, а затем медленно пошли по дорожке в глубину парка, туда, где шум города становился тише, а звёзды горели ярче.

— Знаешь, мне иногда кажется, что на нас кто-то смотрит.

— Кто-то большой и могущественный?

— А? Возможно, не знаю. Просто иногда я чувствую этот взгляд. В нём — нежность и любопытство.

Прогулка

Прогноз «утешает»: циклон на подходе.
За снежной завесой не видно ни зги,
И снова в угоду ненастной погоде
Надену привычный костюм для пурги.

Надену ботинки, перчатки и шапку,
В костюме собака, в руке поводок.
Выходим из дома. За дверью — Камчатка.
В лицо горсть снежинок: «Ну, здравствуй, дружок!»

Ах, март-недотёпа, по-зимнему хмурый,
В каких городах ты весенний, цветной?
Здесь зимы так долги, а ветры так буйны,
Здесь снежные сопки над серой водой...

Но каждое утро выходим из дома
(в костюме собака, в руке поводок),
Мы ищем дверь в Лето — она нам знакома,
Она непременно найдётся — дай срок!

Тук

Все люди как люди,
А я — будь что будет.
Растаю туманом
Над океаном,
Воскресну с рассветом
Будущим летом
Под гулкие рифмы
В собственном ритме,
Взлетая с разбега
В безбрежное небо
По грани сознания
Без оправданья.
Капелью из строк
Целую в висок.
Птицей суровой
Парю над дорогой,
Лишь музыка ветра

Царапает нервы.
Родная-чужая
Потеряна стая.
Ты чувствуешь
Это тепло моих рук.
Свободное сердце
По клавишам
Тук.

Все песни как песни,
В моей мы не вместе.
Волна гладит кожу,
Мы так непохожи.
Здесь чёрный песок
Уносит поток
За грань океана
В воронку кармана.
А из чепухи
Вдруг выйдут стихи
Про выбор свободных,
Душою холодных,
Застывших в разлуке.
Но тёплые руки
Касаются клавиш,
И ты улетаешь

Вновь музыка ветра
Царапает нервы.
Родная-чужая
Потеряна стая.
Ты чувствуешь
Это тепло моих рук.
Свободное сердце
По клавишам
Тук.

Ю. Карабанова. «Тук».

Рисунок А. В. Моисеевой, художественная студия «Этюд»,
г. Петропавловск-Камчатский

Во дворе

Атака инопланетян была отбита,
И повторяли губы: «Vita, vita, vita!» —
Мы защитили нашу Землю от врага!
Домой Виталика позвали самым первым,
Чуть было в штопор не ушли от крена влево,
Лишившись резко пулемётчика-стрелка.

Орудия из ржавых труб стреляли метко.
Велосипедный руль-штурвал дала соседка,
Был звездолёт из старых досок и колёс.
Тянулись шланги для заправки из скакалки.
Вбивали гордо в лунный грунт мы флаги-палки,
А пыль комет для нас изображал насос.

В каком журнале повстречалось слово «Vita»?
Был двор — галактика, и полюс, и орбита,
Ларингофон для связи — треснувший стакан.
Здесь грань миров стиралась нами понарошку,
А мамы звали из открытого окошка
Своих космических героев по домам.

Ю. Карбанова. «Во дворе».
Рисунок А. Осиной, 13 лет, МБУ ДО МДШИ.
Преподаватель С. В. Порошина, с. Мильково

Ю. Карабанова. «Мачты».

Рисунок А. В. Моисеевой, художественная студия «Этюд»,
г. Петропавловск-Камчатский

Мачты

Мачты-гроты, стеньги, брамсы
Любят с ветром пошептаться
О далёких островах,
О торпедах и китах,
О пиратах, о влюблённых,
О балийцах просветлённых,
Активистах из Гринписа,
Что не знают компромисса,
О восторженных и смелых,
Отлетевших, оголтелых,
Каннибалах, адмиралах,
Фьордах, маяках и скалах,
Ураганах и штормах,
Хлипких маленьких плотах,
О приливах, о закатах,
Яхтах вычурных, богатых,
О косатках и медузах,
Голых пляжных карапузах,
Их мамашах, рыбаках,
О туманах и портах.
Звёздной ночью, утром, днём
Мачты шепчут обо всём.
И щекотят пятки Бога
У небесного порога.

О нежности

Мне странник однажды поведал:
В краю, где рябина красна,
Вулканы целуются с небом,
Над сопками бродит Луна.

Белеет на лацкане звёздном
Помады размазанный след,
И тайну чужую невольно
Раскрыл простодушный рассвет.

Пылают багровые щёки,
Искрятся рубины рябин,

Влюблённые тихие вздохи
Ветра донесут до вершин.

«Не время для огненной страсти», —
Очнувшись, шепнут небеса.
Расколются звёзды на части
И вниз полетят кружева

Пушистого белого снега,
Он скроет вулканы от глаз...
Мне странник однажды поведал
О нежности не напоказ.

Август

Он остался последним из летних,
Вслед за братом взошёл на престол.
Коронацию пышно отметив,
Частокол иван-чая возвёл.

Обещая жару и прохладу,
Чудеса превращенья плодов,
Персеиды с небес щедрым магом
Прямо под ноги бросить готов.

Как наивно он верит в удачу!
Бьётся пульсом обратный отсчёт...
Август, день твоей смерти назначен.
Осень в кронах интриги плетёт.

Придуманый мир

В краю сочинённых историй
Живут идеальные люди.
Гнетёт их печаль или горе,
Потом обязательно будет

Судьбы разворот предсказуемый
В прекрасную небыль из сказки.
Там небо искрится лазурью,
Спускаясь в ладони. Там счастье

Ю. Карабанова. «Август».

Рисунок А. Кондаковой, 13 лет, МБУ ДО ДШИ.
Преподаватель Л. В. Шапенкова, п. Усть-Камчатск

Ю. Карабанова. «Август».

Рисунок А. В. Моисеевой, художественная студия «Этюд»,
г. Петропавловск-Камчатский

Как чудо — всегда неизбежно
И ждёт тебя за поворотом.
Герой потеряет надежду,
А счастье тихонько: «Ну что ты!

Совсем себе не доверяешь,
Сдаёшься промозглым туманам,
Скитаешься где-то, блуждаешь,
Грустишь постоянно. В карманах

Сжимаешь озябшие руки
И прячешь разбитое сердце.
Здесь мир сочинённых историй —
Свою напиши, чтоб согреться!»

Мой мостик до небыли-сказки
Сплетён кружевами-словами,
О том, что должно состояться
Вдруг с неидеальными нами.

По призрачным хлипким дощечкам
Погонит вперёд любопытство.
И всё, что со мной было прежде,
Наполнится истинным смыслом:

Прогулки, собака, ресницы,
Работа, вулканы и космос,
И строчки на чистых страницах,
И твой чуть простуженный голос.

Ноябрь. Winter is coming

Вот такое время нам досталось.
Как суметь не ныть, не горевать,
Побороть отчаянье, усталость,
Слёз не лить и мир не проклинать?

Страх, несущийся со всех экранов,
От себя искусно отделить.
Мысль сверять по белизне вулканов,
Из осколков вечность сотворить.

Ю. Карабанова. «Ноябрь».

Рисунок Н. Сурковой, 13 лет, МБУ ДО ДШИ.
Преподаватель Л. В. Шапенкова, п. Усть-Камчатск

Пропадать песчинкой в бурном море,
Понимая будущего суть,
Воспевать осенние узоры,
В межсезонье продолжая путь.

В ожидании снегового плена
И тюрьмы глобальных перемен
Улыбаться тихо и смиренно,
Отстранённо постигая дзен.

Замедлять себя в потоке пробок,
Подчиняясь ритмам световым,
И в утробу сторбленных хрущёвок
Проникать отчаянно живым.

Приносить с собою свет и радость,
Молча пить смородиновый чай.
Вот такое время нам досталось...
Winter's coming— просто это знай.

Вселенная

Я не помню планет, по которым скиталась душа,
Только взгляд в небеса — мой извечный, болезненный триггер.
Там за синей чертой притаилась дождя полоса,
Выше — манит огнями спиралью закрученный бисер.

Мне в названьях созвездий мерещатся их имена —
Бывших, старших, родных, что любили, горели, страдали...
Тихий смех принесут, заблудившись, чужие ветра,
Обменяют на мой, улетят в бесконечные дали.

На частицы распались, по звёздным орбитам кружа.
Смотришь сквозь пустоту и не можешь уснуть до рассвета? —
Мы не помним планет, по которым скиталась душа.
Огорчает одно: я однажды забуду и эту.

Дарья НЕЧАЕВА

Посвящается моему другу и учителю

В сиянии рампы, блеске сцены
Она творец, ей нет замены,
И рук живых стальные вены
Давно не знали слова «кровь».

В них, пузырясь и закипая,
Само искусство разлилось,
Сердца людей, пройдя насквозь,
Огнём бессмертным зажигая.

Тревога

В моих органах острою бритвой,
Выжигая до соли в глазницах страх,
С хирургической точностью, Богом забытой,
Копошится рукою, и не впопыхах

Будоражит сознание, вонзая нож
В мою плоть, вырывая наружу
Пучки нервов и жил. Ни на что не похож
Её крик, раздирающий душу.

Не люблю зеркала. За моею спиной
Вижу тень в искажённом портрете,
Её странный оскал и пустые глаза
В приглушённом болезненном свете.

Муза

Во мраке ночи, в свете фонарей
Она придёт, шаги её бесшумны, —
Для каждого своя, и, замерев пред ней,
Я покидаю этот мир безумный,

Забыв про сон, про бренность бытия,
Я вдохновения плоды срываю,
Её речам как музыке внимаю,
Нечеловеческую силу обрета.

Смахнув крылом усталость с моих век,
Она живое слово мне вверяет.
И кровь морскою пеной закипает.
Живи, идея! Смертен человек.

Прощание

Я молчу. Восхищённо молчу.
А ты просто смеёшься в ответ.
Да, улыбка тебе к лицу.
И теперь проигравших тут нет.

Но, смертельно ранив луну,
Её кровь пролила на паркет
Ночь. И тень от прожитых лет
Вижу я за тобой, на полу.

В самом дальнем и тёмном углу
Притаился непрошенный гость.
Твои руки в свои беру,
И они холодны как лёд,

И они прозрачны, как кость.
На всю комнату стало смердеть.
Это вышел проклятый гость —
Я в глаза ей смотрю... Смерть.

И стоит, улыбаясь, ждёт,
Как последнего ужина час.
И последнюю дань заберёт:
Огонь твоих тёмных глаз.

И прорвётся беззвучный крик,
Многоочий разрушив связь.
Твой прекрасный бессмертный лик
Я увидел в последний раз.

Мой демон

Он глядит на меня пристально,
Прожигает взглядом неистовым
Из любого угла, где темно,
В любом облике, жутком и вычурном.

Улыбается странно, скалится,
Ксеноморфный, даже бесплотный.
Он непонятый, одинокий.
У меня, видно, жить останется.

Утром в зеркале повидаемся.
Пара фраз, пара глаз и улыбка.
И ничем мы не отличаемся
Друг от друга. И нет ошибки.

Я и демон. Сидим в полутьме.
На губах лишь вопрос придирчивый.
Но молчит визави мой улыбчивый,
Придвигаясь поближе ко мне.

* * *

Схлестнулись взгляды в тишине звенящей,
В них звёзды и хвостом — кометы.
Зажёгся небосвод вечерним светом,
Атлантов разбудив огнём палящим.

На расстояньи откровений, созерцая,
Стояли двое вдалеке от мира,
Две жизни, две души вплетая
В пространство светоносного эфира.

Дарья НОРД

Наверное, ты — лучший из людей,
Увидевший во мне холмы и крылья,
И я свечусь в луче дорожной пылью,
Пыльцой ещё не названных идей.
Как первородный мир, моя душа —
Без имени, но в ожидании слова —
Сорвётся вниз водой и, мрак круша,
Увидит свет и станет невесомой.
И я расширюсь огненным пятном,
И расплескаюсь маслом по предплечьям;
И станет мне чужим бумажный дом,
Как стала неприютность чем-то вечным...
Коснись меня, я — плоть и я — огонь,
Который ищет ласки, хоть бесплотен.
Коснись меня, возьми в свою ладонь,
Как самый яркий пламень среди сотен.
Прильни ко мне: я — имя и печаль,
Израненное тело, плач и искра.
Прими меня и на руках качай,
Как к колыбели, приклоняясь близко.
Смотри в меня, как в миллионы глаз,
Как в хаос жизней, альфу и омегу.
Люби меня, как будто в первый раз
Идёшь по свежевывавшему снегу.

* * *

Вот кофе и стекло.
За вымытым окном
Потеет чёрный снег и опадают звёзды.
И даль заволокло, и взгляд заволокло,
И опустел апрель, как сиротеют гнезда.
Печальные птенцы — их путь упрям и прост:
На красный саван дня слагать щиты и крылья.
Случайные отцы придут на тот погост
И вспомнят имена, которые забыли.
Не смей теперь рыдать. Тебя не победить —
Сквозь почву и гранит проступит птичье слово.
Пусть боль тебя томит, путь Бог тебя хранит,
Пусть убивает страх и оживляет снова.
Не прячь свои глаза, мой раненый птенец,
Я тоже не цела, но всё же уцелела...
И это не конец. Мы рядом наконец.
Здесь слишком чёрный снег —
В нём не хватает мела.

* * *

Октябрь так скверно глядит и надрывно стонет.
Как бровь у Эдит, я тонка и прочна внутри.
Но мы — чужаки, и нас каждый прохожий гонит,
И сиплый бродяга со стягом идёт впереди.
И я дождалась позволения совсем не чаять:
Босому — дорога, а плачущему — тишина.
Ты видел меня на коне и в густой печали,
С охапкой созвездий и без золотого руна.
Теперь погляди на меня без глумливой спеси —
Я, кажется, знаю, о чём голосит рассвет.
Я слышала, будто Христос поутру воскрес
И был рыбаками и женщинами воспет.
Осенняя рябь размывает огни и лица,
И вроде бы каждый идущий на гибель — прост.
И впору напиться, но время нещадно длится,
И ширится властно, и тянется в полный рост.
На сотни сомнений мне хватит тоски и тямы,
И я научилась себе беспощадно врать.
А Пётр стоит и размахивает сетями,
Чтоб души и мысли в них праведные поймать.

* * *

Видишь, время играет с тобою простую шутку:
Липко вяжет тебя руками и целует в плечи.
Это вечность прошла, а ты думала — только сутки;
Это век немоты, а ты думала — час без речи.
Белоснежной стеной, как бессмертье, апрель восстанет;
Застенают ладони навзрыд без тепла и ветра.
Меня тоже однажды в весеннюю ночь не станет,
И я вспыхну сверхновой звездой из льняного света.
Это вязкая боль, от которой нельзя укрыться;
Это голод, который нельзя утолить словами;
Это бьёт меня в ребра и рвётся вовне как птица;
Это то, что выходит в окно и идёт за нами.
Никогда, никогда, никогда не ищи покоя,
Потому что нельзя быть живым и не трогать небо.
Посмотри на меня и почувствуй, что я такое.
Этот странный апрель никогда таким белым не был.

* * *

Январское небо стекает прозрачной жижей,
И воздух, пропитанный солью, ещё упруг.
Но я никого, никого за окном не вижу,
И это слепое пятно — мой земной недуг.
Срываются мысли и ищут во мне опору,
А я не стою на ногах, я лежу ничком.
И смыслы, что были малы мне, вдруг стали впору,
И я хохочу обезумевшим дурачком.
Ты только подумай, каким хрусталём мерцают
Замёрзшие слёзы в обломках ночной звезды,
И мёрзлые ветры — продрогшие полицаи,
И чёрные пули — обугленные дрозды.
Я бредила много, любила, не зная броду,
А мне говорили: стой, глупенькая, остынь!
Ты скоро научишься дуть на коньяк и воду
И станешь адептом заклятых людских пустынь.
А я торможу тишину, тех, кто предан тлену,
Встаю со щита и совсем покидаю бой,
Бросаю зерно в окровавленную арену
И вновь говорю, говорю, говорю с тобой...

Анастасия ПЕРВУШИНА

Месяц одиннадцатый на дворе:
Летит за снежинкой снежинка.
Мечта покупает билет в ноябре
К зелёным весенним травинкам.

Три белых коня снаряжаются в путь,
Снегам посвящая свой бег.
Пора зимней спячки, да мне не уснуть:
Такой уж я человек.

И словно в камин бросая дрова,
К ладони приставив ладонь,
Я буду бросать молитвы слова
В мой Вечный Святой Огонь.

* * *

Грех — с греч. «движение мимо цели,
промах» — прим. автора

И ничего как будто бы плохого.
Но и хорошего ведь тоже ничего:
Когда не преломляешь хлеба-слова,
Живой водой не размягчив его.

Учили: экономить надо воду;
Не расплескать, оставить на потом.
На дисциплину выменять свободу.
И быть распятым, но не быть Христом.

И в том, что парусник в порту давно прикован,
Хоть строился совсем не для того, —
Нет ничего, конечно же, плохого.
Но и хорошего ведь тоже ничего.

Влюбиться в безопасные оковы.
Стоять на месте, двигаясь вперёд.
И, будучи массивным ледоколом,
Колоть на баре для коктейлей мелкий лёд.

И там, где нет хорошего, конечно,
Плохое тоже не живёт. И что ж?
Доколе будешь глух, и слеп, и грешен?
Доколе будешь верить в эту ложь?

* * *

Послушай, я непослушная.
На линованной бумаге пишу поперёк.
Понапрасну спецслужбой прослушаны
Нечитаемые шифры немых подоплёк.

Внимай же: я так невнимательна,
Что в упор не вижу причин для слабости.
Кстати, буду весьма признательна,
Что не начнёшь про стакан пресловутый в старости.

Ступай же. Я — неотступная.
Верой вкопалась в свободу движения.
Соль Мёртвого моря кристаллами крупными
На ранах до полного исцеления.

* * *

Прозрачно-голубое небо,
Припудренное облаками,
Окошком стало между нами
И тем таинственным пределом,
До коего не добежать.

А мир, привыкший жить по плоти,
Ракеты строил непрестанно.
И было трепетно и странно:
Он не умел без них летать.

А мир духовный, простодушно
Ладони к небу простирая,
Душой слегка касался рая,
Ногами стоя на земле.

Им ангелы небес послушно
Свои предоставляли крылья.
Но мир, страдавший аллергией,
Не мог смотреть на чудеса
И закрывал на них глаза.

И массу прилагал усилий
К постройке лестниц в небеса.

* * *

Февраль. Достать чернил и плакать.
Писать о феврале навзрыд...
Б. Пастернак

Зачем навзрыд? Когда нет спроса
На бисер слёз императриц.
Уж лучше пусть струится космос
С межгалактических ресниц.

И в стих ворвавшись новой прозой,
Творить всё новое, да так,
Что не возьмут своё морозы.
И не узнает Пастернак.

Мной движет свет Того, кто выше
Былых и будущих светил.
Что мне до этих капель с крыши?
Февраль, не надо мне чернил.

Павел ПУШКАРЁВ

Воздух пасмурный влажен и гулок...
О. Мандельштам

Воздух утренний влажен и гулок,
Потому что вчера был туман.
Я в безлюдный зайду переулоч,
Что на четверть ушёл в океан.
Это город под воду уходит,

И его нам, увы, не спасти.
Человек в переулок заходит,
Говорит переулку: «Прости».
Нету дома у Саши и Тани.
Плавал он далеко в океане,
Как гарпуном подстреленный кит —
У которого рана болит.

Воздух уличный гулок и влажен.
Я свой взор устремляю туда,
Где на отмель корабль посажен,
А команду постигла беда.
Нету папы у Саши и Тани,
Он пропал далеко в океане.
Таня плакала, Саша кричал.
Только я всё молчал и молчал...

A day in the life

Ты просыпаешься с похмелья по утрам,
Ругаешь утро словом матершинным.
Потом одежду ищешь по углам
Мышиным.
Потом ты направляешься в кабак
И пьёшь вино с друзьями натошак.
К тебе подкатят пьяные быки,
Предложат вежливо наведаться в уборную.
Ведь у быков большие кулаки,
И не тебя, а их запишут в сборную.
Но будут бить кастетом по лицу,
Чтоб руки кровью вдруг не замарать,
И жизнь твоя приблизится к концу,
И вспомнишь ты заплаканную мать,
И вот тогда придут твои дружки:
«А ну, остепенитесь, петушки».

Ты возвращался ночью, пьяный в хлам,
В свою квартиру, грязную, пустую, —
Разбрасывал одежду по углам
И засыпал под музыку блатную.

* * *

Мрачный дед задумался устало,
Каждый день ему уже не в радость.
Он нальёт вина, порежет сало,
Поругает боль свою и старость.
Бросит челюсть съёмную на полку.
Выйдет в поле к пыльным огородам,
Где зарядит старую двустволку
И начнёт фигачить... по воронам.

* * *

На стене в старом доме висела картина,
И на ней нарисованы были цветы.
Под картиной картинно сидела Марина
Иванова, а рядом пристроился ты.
Патефон издавал заунывные звуки.
Ты потягивал вермут, Марине читал
Достоевского, грел ей колени и руки,
А потом, как мальчишка, её целовал.
Ты впивался ей в шею, как будто пиявка,
И оттуда умело высасывал кровь.
У Марины на шее глубокая вавка
Появилась. Такая была вот любовь.

* * *

Ты думаешь, что я уже не то,
Что год назад, как я с позором изгнан
Из дома вашего уютного? Зато
Я не один, и даже в меру признан
Среди своих. Своим здесь будет всяк,
Кто не погиб, и кто стоит на взводе,
Кто громко хлопает, как двери о косяк,
И говорит значительное, вроде:
«Ты никому не нужен здесь, пойми,
И только тот легко меняет роли,
Кто сытно ел и разделял с людьми
Свои дела житейские». И боли
Я не почувствую. А что такое боль,
Как невозможность видеть мир иначе?

Ну, а теперь прошу тебя: позволь
Мне ничего не говорить уже. Тем паче
Мне очень трудно подобрать слова.
Теперь я нем и только с грустью внемлю,
Как неожиданно слетела голова
С широких плеч и стукнулась о землю.
А после быстро покатилась вскачь
В толпу людей. Её мы не отыщем...
Теперь ты знаешь, как немой палач
Орудует огромным топориком.
И каждый раз воссоздаёшь в уме
Одну необычайную картину,
Как и тебя в какой-нибудь тюрьме
Пускают палачи под гильотину.
А после смотришь, как не знаю кто,
На это всё и не находишь слова —
сказать о том, что я уже не то,
Что год назад... И что же здесь такого?

* * *

Гуляю по городу, и ненароком чудится,
Будто бы с него начинается Америка.
Интересно, а есть в этом городе хотя бы улица
С именем того самого Беринга?

Люблю прогуляться просто так —
От англичанина напрямик к французу.
Оттуда, где похоронен всеми уважаемый Кларк —
До памятника достопочтенному Лаперузу.

И наблюдать, как в бухте к огромному кораблю
Присосутся канатами маленькие кораблики.
Как бездомный подросток напишет «люблю» —
На заборе жестянобаночной фабрики.

Будут улицы безудержно благоухать
Выхлопными газами и духами.
А случайные прохожие недоумевать —
От того, что я вслух разговариваю стихами.

Были это всё неплохие стихи,
Хотя, конечно, можно и получше придумать.
Только вот не подходят к друг другу стихи и духи,
Лучше слово «духи» в другое место сунуть.

Собратьям по перу

Кто-то выезжал на чужих стишках,
А кто-то на чужих грешках.
А были ещё и те, кто на всём вместе —
На стишках, грешках и смешках.
Хотя те и другие хранили заработанные на этом деньги
Не в банках, а в мешках.
Но в основном ни копейки не зарабатывали,
Только самоутверждались.
Если и чего, то на ус наматывали —
«Мол, мы не удержались».
Писали вы стихи не по желанию,
Не соблюдали нормы, ни приличия.
Вы у друг друга наблюдали манию —
Величия.

* * *

Я восемь месяцев был болен
И на завод пришёл больной.
А мне сказали: «Ты уволен»,
И лист вручили обходной.
Я был ужасно недоволен
Своей поломанной судьбой.
А президент не знал об этом,
Он крепко спал, не видя снов.
И тусклым, сумеречным светом
Был освещён его покров.
Он был укрыт махровым пледом,
Был сыт, опрятен и здоров.

Девяносто восьмой год

Тяжело дышит
Матерь Рассея —
На дворе
Девяносто восьмой.
Мы с друзьями
Нанюхались клея
И мента
Отпинали гурьбой.
Носят форму
Менты голубую —
Не любили
Мы этот цвет.
Я мента
Кулаком атакую,
Ну а он
Достаёт пистолет.
И приятелю
Нашему Димке,
Чуть прицелившись,
Выстрелил в лоб —
Положили его
По старинке
В красной тканью
Обтянутый гроб.
И в холодную землю
Зарыли —
На душе
Всё тоска да печаль.
А к ментовской груди
Прикрепили
За проделанный подвиг
Медаль.
Ну а мы
Бедолаге Димону
На могиле
Поставили крест.
А потом все
Попали на зону,
Только я

Под домашний арест.
Я сижу
И глазею на стены.
На дворе
Девяносто восьмой.
За окном
Раздавался сирены
Милицейской
Пронзительный вой.

* * *

Солнечный круг
Весёлый
За горизонт
Опустился.
Древний
Корякский посёлок —
Ночь напролёт
Дымился.

Ночь

Упала ночь в объятья рук
Лесной холодной пустоты.
С определённой высоты,
Как с ветки, падает паук.
От наступившей темноты
Стал беден вид и тише звук.
Неугомонный мотылёк
Легонько крыльями всплеснул,
Поднялся в небо и уснул,
И приземлился на пенёк,
Что был использован как стул
Случайным путником. Залёт
В сырой норе усталый зверь.
Весь день за путником следя
И по пятам за ним ходя —
Он не поймал его. Поверь,
Что этим путником был я.
Я тоже голоден теперь.

Сказка о князе Гвидоне и тридцати трёх богатырях

Расскажу
Я без утайки —
Сказку,
Проще говоря.
Жили-были
На лужайке
Тридцать три
Богатыря.
Вот к ним едет
Князь Гвидон —
Взять деньгами
Дань
И отдать
Большой поклон.
Что же это?
Глянь!
Мелькая
Треуголкою,
Натянутой
На лоб,
Идёт Гвидон
С двустволкою
И песенку
Поёт:
«Обнажённое
Плечо,
Пухленькие
Губки»...
Много песен,
А ещё —
Шутки-прибаутки.
Тридцать три
Богатыря
Заряжают
Пушки.
В этот час
У них не зря
Ушки
На макушке.

Пиф-пабах —
Ядро Гвидону...
Выпьем, братья,
Самогону
За победу
Над большой
Злой гвидонскою
Ордой!

Диалог со стоматологом

— ...Да. Садитесь в кресло,
Откройте пошире рот.
Что у вас там, интересно?
— Доктор, вы идиот.
Я к вам по поводу женщин.
Зубы? Ерунда.
Они беспокоят меньше,
А вот женщины — это да...

Звезда

Я у ангела-хранителя крылья заберу,
Полечу один к неведомым вселенным.
Антон Давыденко

Я точно помню,
Как смотрел
На небо.
Улёгшись на спину,
Я, размышляя,
Плыл —
О том, что там
Теперь я больше
Не был;
О том, что здесь
Теперь я только
Был.
Мне давит грудь,
И сбивчиво
Дыхание,

И к горлу кровь,
И кругом
Голова,
И сердца слабого
Шальное
Колыхание,
И неразборчивы
Невнятные
Слова.
А в небе том
Звезда одна горела,
Я на неё
Задумчиво
Взирал.
Река несла
Моё больное тело,
Она меня
От бед спасти хотела,
А я реке
Вопросы задавал.
Так почему же люди
Так боялись
Смерть,
Узрев, что жизнь
Сохранна
В продолжении;
И укрепляли под собою
Твердь,
Что не нуждалась
В укреплении?
Умру
И не подумаю
О хлебе,
Мне эта пища
Отроду
Чужда.
Пускай
В далёком синем
Небе —
Горит моя
Забывшая
Звезда...

После зимы

Вот висят облака над моей головой.
Я стою и смотрю на весеннюю лужу —
Вспоминаю, как мёрз этой долгой зимой
В непрерывную стужу,

Как носил шерстяные носки, грипповал,
Как с друзьями вином согревался в подъезде,
Как нагрянул патруль и как мент заорал:
«Остаться на месте!»

В этой жизни лихой, от пустой болтовни —
Оттого что февраль, что зима не кончалась —
Наблюдать, как за днями проносятся дни,
Как немного осталось...

Только время теперь не воротишь назад.
Я стоял и смотрел, делал вывод, итожил —
Что зимы больше нет. Но я всё-таки рад,
Что ещё одну прожил.

Трудности адаптации

Перебравшись с одного места в другое,
Очень долго не мог привыкнуть к рельефу:
Как-то всё плоско
И не одного холмика.
А когда-то давно твой образ на заснеженном склоне
Казался недостижимым.
Когда уезжал — снега ещё не было,
А из-за низко висящих облаков
Не видно было того холма.
Перебравшись с одного места в другое,
Очень долго не мог привыкнуть к воздуху —
Слишком сухой.
И я стал задыхаться,
Как задыхаются рыбы,
Когда их выбрасывают из воды на берег.
А через некоторое время
И моей любви к тебе стало нечем дышать,

И я тебя разлюбил.
Перебравшись с одного места в другое,
Очень долго не мог привыкнуть к людям —
Какие-то все чужие,
Как будто бы вовсе и не люди,
Биологические роботы,
Причудливые инопланетяне.
Разучившийся любить и жить,
Я стал таким же, как они —
Нечеловеком.
Перебравшись с одного места в другое,
Очень долго не мог привыкнуть...

* * *

Брожу по улицам со взглядом мертвеца
И вижу свет в конце тоннеля всюду.
Невыносимо бледный цвет лица —
Обозначает холод и простуду.

Читаю вывески с разрушенных домов.
Там был вокзал. А здесь была больница,
Оттуда выносили мертвецов —
Обмыть, отпеть и навсегда проститься.

Я в этот город больше не вернусь.
Он для меня как тот приятель мёртвый —
Обозначает ненависть и грусть,
И чёрный цвет, невыносимо чёрный.

Но встречу я ещё живых друзей,
И мы пойдём гулять, шурша плащами,
Туда, где суше, ярче и теплей
Под белыми, прямыми потолками.

Нам в этот вечер многое дано.
Мы включим свет, на окнах сдвинем шторы —
И будем пить креплёное вино,
Пока не прекратятся разговоры.
Сто комнат здесь на разных этажах,
И в разных городах выходят окна.

И много книг на пыльных стеллажах,
И на стенах старинные полотна —

Своим присутствием тревожат пустоту,
На время оживляя атмосферу.
А нам не терпится переступить черту,
Чтоб подцепить смертельную холеру

И умереть. Но в этот вечер нам
Не подойти к качающимся шторам.
Я только вижу тени по стенам —
Бредущих душ по длинным коридорам.

* * *

Мы заблудились. Ради бога,
Найдись потерянный пустырь.
Нас после вывела дорога
На древнерусский монастырь.

Зачем здесь прятался охотник
И для чего порублен лёд?
Вот позади остался плотник —
Мы продвигаемся вперёд.

— Теперь скажи мне, что ты видишь?
— Я вижу озеро в огне,
Я знаю — там есть город Китеж
На недоступной глубине.

Он, как свеча, что руки греет,
Как лик апостола Петра.
Мы ляжем спать, едва стемнеет,
У разведённого костра.

А встанем с утренней зарёю —
Заварим чай, наколем дров.
И над встревоженной водой
Раздастся звон колоколов.

Поэт

Под Новый год и после Рождества,
На берегах Евфрата или Тибра —
Он по губам угадывал слова
Стиха рифмованного, белого, верлибра.

Как наркоман, сидящий на игле,
Как потерявший очень много крови —
На этот мир в туманной полумгле
Смотрел в упор, ловил его на слове.

И полувзвук, чуть слышный, полувзгляд,
И выброшенных трупов разложение,
И проститутток, их смешной наряд —
Всё это есть его воображение.

А может, явь... Хотя и то, и то.
По тёмным улица, от края и до края,
Бродил поэт в изношенном пальто,
Куря табак и алкоголь глотая...

С ним рядом призраки печальные брели.
Поэт камлал: «Нет, весь я не исчезну...»
И застывал над пропастью земли,
А иногда проваливался в бездну.

Ностальгия

Век двадцать первый
Прёт на рожон,
Веку
Присущи
Открытия.
А на Юпитер
Уже снаряжён
Корабль
К отплытию.
Я скучаю по тебе,
Октябрёнок и пионер,
Советское кино,

Литература,
СМИ.
Я хочу ещё раз
Побывать в СССР,
Чтобы увидеть звёзды,
Сделанные людьми.
А ещё хочу
На Красной площади
Распластаться всю
У мавзолеевых плит.
Или уткнуться мордой
В памятник колхозницы и рабочего
И рыдать навзрыд.
Маяковский,
Блок,
Есенин —
Отошли
На задний план.
Впереди
Владимир Ленин —
Всех поэтов
Капитан.
Умереть в двадцать первом
И заново родиться в двадцатом веке...
Может, кому-то покажется,
Что это чушь?
Но тот, кто не жил в СССР,
Никогда не узнает о богочеловеке
И инженерах
Человеческих
Душ.

* * *

Я не люблю холодную весну,
Не полюблю, и гни не гни под корень.
Я в эту ночь, наверно, не усну,
Когда с тобою снова лягу вровень...

Ищу тебя я в лабиринтах сна,
Не отыщу, и гни не гни беднягу.

А за окном холодная весна.
Ложится снег, как буквы на бумагу...

Ложится снег на первую траву,
Наверно, это так должно и быть.
Я тёплым летом все цветы сорву,
Но не смогу тебе их подарить.

Татьяна РУДЬКОВА

Горький кофе. Терпкий воздух.
Ветер рядом одичалый.
На пальто снежинок россыпь,
Как призыв начать сначала.

Вечер — лапы мне на плечи.
Вечер бьёт хвостом колючим.
Вечер раны все залечит,
Станет всё гораздо лучше.

Звёзд не видно, небо млечно.
Кофе горький остывает.
И пунктиром бесконечным
Нить шагов моих мелькает.

Я вернусь домой устало,
Потянусь за новым кофе.
И на небе из опалов
Загадаю лунный профиль.

* * *

Запах кофе совсем не вечерний,
Да и мысли совсем не для сна:
Пробираются к звёздам сквозь тернии...
Ты зачем наступаешь, весна?

Лунный свет. На стене моей тени,
Завтра жду я обещанный дождь.
Настроение — откровение.
А соскучишься — позовёшь?

Т. Рудькова. «Горький кофе. Терпкий воздух».
Рисунок А. В. Беляевой, г. Москва

Мой ноябрь. И золото листьев
Укрывает меня, как вуаль.
Мой ноябрь, лучистый и чистый,
Мой заветный и дивный Грааль.

* * *

Ты — ворвавшийся в комнату ветер,
Заплутавший, усталый немного.
Я так долго ждала, чтобы встретить,
И согреть, и обнять у порога.

От тебя в моём доме светлее.
Знаю: холод, озноб — напускное.
Ты измучен стучаться во двери,
Зная, что их тебе не откроют.

Я ждала. Нараспашку все окна,
Да и сердце — ладонью раскрытой.
Ты — душа моя на волокна.
Ты — исполнившаяся молитва.

Сумрак тихий — твоё покрывало.
Здесь ничто тебя не встревожит.
Ветер мой... Я всю жизнь искала
Две твоих ледяных ладошки.

Можно, я помолчу?

Можно, я помолчу? Мне нужна тишина,
Чашка мятного чая и мысли о важном.
Улыбается ласково вечер вчерашний,
И опять что-то светлое бродит во снах.

Можно, я помолчу? Убаюкав слова,
Я укутаю их старым клетчатым пледом.
Я читаю о двери, которая в лето,
И от этого кружится голова.

Можно, я помолчу? Это мне по плечу,
Потому что дыханием тёплым согрета.
И во мне столько радости, лёгкости, света!..
Только, можно, сегодня я помолчу?

Окунаю ладони в прохладу я...

Окунаю ладони в прохладу я,
Водопад оmyвает и лечит.
Наполняет меня, но не радует,
Вдохновляет... Но мне не легче.

В пыль рассыпался быт. И осколки
Сердце снова терзают и ранят.
Ведь не ведаем мы, через сколько
Мора нить свою прясть перестанет.

На границе тоски и безумия
Без дорог перекресток... Куда мне?
Гаснут звёзды сентябрьских сумерек.
Тяжело... На душе моей — камни.

Роза ветров

Ветер толкает ладонями в спину.
Здесь, на вершине, его не удержишь.
Руки расправить б и землю покинуть,
Но тихое слышу: «Камо грядеши?..»

Мой талисман. Ты сможешь вернуться,
Вера закатом алым забрезжит.
Над горизонтом — лунное блюдо.
В пульсе моём: «Камо грядеши?..»

Тень облаков набежавших рождает
Странную смесь во мне: Страх и Надежду.
Память кружится во мне птичьей стаей,
Но без ответа: «Камо грядеши?..»

Джунгарский Алатау

В час рассветный брожу в тумане,
Вижу то, что другим незримо.
Солнца тонкий луч я поймаю
Сквозь репейник, сложивший крылья.

Замираю, чтоб не встревожить
Можжевельник, росой омытый.
И бежит по моей смуглой коже
Мир прекрасный, давно забытый.

Напитаюсь дождём и светом,
Душу песней согреют птицы.
Меня держит в ладонях лето,
Мне простор этот будет сниться...

Будут сниться реки разливы,
Воронье, как в сказке, кони.
Выбирай просто «быть счастливым»,
Наполняй тем, что хочешь помнить.

* * *

Дождь стеной. Он их легко
Строит.
Мне приснилось: нас с тобой
Двое.
Помнишь, пальцы сплетены
Тихо?
Разбудили с тобой мы
Лихо.

Всё взахлёб — и мир иной
Рядом.
Обнимая, пей со мной
Латте.

Дождь пройдёт и всё за раз
Смоет.
Показалось, будто нас
Двое...

Ноги в траве купать...

Ноги в траве купать,
Нюхать цветы в росе,
Сердце своё наполнять
Буду не так, как все.

Сумерек акварель
Вспыхнула невзначай.
И разливает хмель
Светлый мой, яркий май.

Тянется тишина
Звонкой струной во мне.
Я есть твоя струна!
Плакать вздох и петь.

Можешь меня обнять?
Трав вокруг карусель...
Сердце своё наполнять
Буду не так, как все.

В апреле

Ветер лохматит мне волосы длинными пальцами.
Улицы обезлюдели. Текут плавно.
Вечер запутался в ветках цветущей акации.
Мир обесточен. А я думаю о главном.

Дождь сам не свой, в переулках мечется, бьётся.
В лужах купаются фары редких машин.
Буду ловить заплутавшее в окнах солнце
Не потому, что так надо, а для души.

Скоро закончится это, я знаю, закончится.
Вновь побегут по дорогам тысячи ног.
Город вздохнет, стряхнет с себя одиночество.
Осиротевший, соскучился он и продрог.

В опустошении улиц я вижу гармонию.
Бьётся неистовый дождь, как синичка в силках.
Время открыть глаза. Черпать небо ладонями.
Просто рождать стихи и легко отпускать в облака.

Наконец-то янтарные блики...

Наконец-то янтарные блики
В потускневшей зелёной кроне.
Кто-то радостный и безликий
Мне в ладони каштаны уронит.

И шаги по аллеям все глуше.
Можжевельника куст шелохнется.
И я чувствую: важно и нужно
Мне поймать уходящее солнце.

Красоты очертания тонки,
Мимолётны и ненавязчивы.
Всполох красок, вкусный и звонкий,
На полотна души моей ляжет.

Самоцветовой россыпью свалится
Чудо-осень и, словно химера,
То резвится солнечным зайцем,
То дождём рассыплется серым.

Я твоя. Вдохнови же! Наполни!
Очаруй до мурашек по коже!
Наступай! Мороси! И запомни,
Чтоб узнать меня в лицах прохожих.

Екатерина САМСОНОВА

Не спится

Я книгу открываю и опять
Листаю за страницей страницу,
Коты зовут меня идти в кровать,
А мне не спится.
Слова сливаются в затейливый мотив —
Как будто я сижу на берегу
И силюсь речь у волн понять, узнать секреты их,
Но не могу.
И проступают сквозь слова черты

Е. Самсонова. «Не спится».
Рисунок К. Вихневич, изостудия «Колибри».
Преподаватель Д. С. Кожемяка, г. Петропавловск-Камчатский

Людей, которые недавно жили,
Смеялись, думали и надо мной шутили,
Теперь в душе лишь шрамы пустоты.
Прищур знакомый, вот ехидный смех,
Вот голос громогласный за спиною,
Они идут куда-то чередую...
И я не сплю. Я вспоминаю всех.
И вместе с ними коротать
Я буду ночь, когда совсем не спится,
И, словно карточки, в душе перебирать
Слова людей ушедших,
Их глаза, их лица...

Пуховые платки

У меня на работе пуховый платок.
Им колени прикрою, и станет теплее.
Это лето. Камчатка. Вот так-то, дружок.
Дождь за окнами бьёт всё сильнее и злее.

Полуостров, дружок, и с него не так просто сбежать.
Плюс тринадцать, спасибо уже и за это.
За окошком кусты и деревья от ветра дрожат.
Плюс тринадцать. Холодное зимнее лето.

Только летом бывает так холодно, будто в аду,
Когда стены домов дрожат под тяжестью дней.
«Ветерок» подключу, с медом чай-кипяток наведу.
На работе дубак, но я выдержу, стану сильнее.

Эх, сейчас бы рвануть на юга, где жара,
Солнце плавит асфальт и дрожит обжигающий воздух.
И в трусах на площадках галдит и шумит детвора,
И огромная южная ночь, и как блюдечки звёзды.

Неужели есть место, где даже сейчас двадцать пять?
Где в реке — молоко, а в лесах голосит соловей?
Вот вулканы на плечи накинули шали — им зябко опять.
Значит, скоро зима. Отопление включают,
И станет намного теплей.

Е. Самсонова. «Варенье».
Рисунок К. Вихневич, изостудия «Колибри».
Преподаватель Д. С. Кожемяка,
г. Петропавловск-Камчатский

Варенье

Тихо булькает варенье на огне,
Свои тайны все выбалтывает мне:
Где, какие уродились цветы,
Где найти следы упавшей звезды,
Чей же вырос за забором лопух,
Кто из пауков поймал больше мух,
Чем так нежно воздух пропах,
И какие птицы поселились в кустах,
И о чём молчит огромный камень у ворот,
И куда же дождь слепой всё идёт.
Говорит, болтает мне о тишине,
О лесной необъятной стране.
Даже пенку стало жалко снимать,
Так не хочется варенью мешать.

Лето

Во мне скопилось столько летних слов!
Смотри: букашка, одуванчик, море,
Шуршание травы, мычание коров,
Загар, полёт, жара и кошка на заборе.

Во мне скопилось столько летних снов!
Про звезды и полёты под луною,
Про сумрачные вздохи мудрых сов,
И папоротник-цвет, и шорох за спиною.

Во мне скопилось столько волшебства!
Июльский звездопад, и дымка на рассвете,
И комариный писк, и лягушачье «Ква!»,
И галька под ногой, и иван-чай в букете.

Хватай, не глядя, каждый летний миг!
В копилку всё скорей, и закатаем в банки:
Варенье впечатлений, первый белый гриб,
Компот из хмурых дней и песни спозаранку...

Во мне скопилось столько теплоты,
Что хватит даже обогреть планету.
Зимою выпускать наружу лето,
Вязать... И снова распускать цветы.

Девять

Смерть прикуривает от Ключевского,
Выдыхает ветер и колкий лёд.
Камнепадом чеканит каждое слово
И начинает отсчёт.

Путь — больше половины
Пройден. Вершина светит...
Пропасти или лавины,
Первый, второй, третий...

Подняться и снова спуститься,
Ноги ломая. И снег стеной.
И навсегда проститься.
Четвёртый, пятый, шестой...

Красный — код для полётов.
Пепловый шлейф разносит
Ветер. И нет вертолёта.
Прощайте, и семь, и восемь.

Гамулы, будто в припадке,
Пляшут и сыпят проклятья.
Смерть отряхнула кухлянку:
Девять. Пока что хватит.

Песня Разбойницы («Снежная королева»)

Беги, мой олень, беги,
Беги, пока отпускаю,
Ты же знаешь, я очень злая,
Ты же знаешь, кругом враги.

В этом мире, где все враги,
Мы с тобою нашли друг друга,
Я тебя отбила у вьюги,
А теперь отпускаю. Беги!

Говорили мне с детства — не смей
Привыкать ни к зверям, ни к людям,
Раз привыкнешь — и хуже будет,
Ведь родные и бьют больней.

Я тебя не любила, нет,
Просто так угощала солью
И делилась своею болью.
А теперь убирайся! Привет!

Убегай же скорее, олень.
Убегай, я тебя понимаю,
У разбойниц судьба такая —
Воевать и терять — каждый день.

Я тебя понимаю, сама
От себя бы давно убежала,
Только нету такого кинжала,
Что б разрезал на мне стремена.

Некрасива, груба, грязна
И жестока порой бываю,
Пусть же Герда тебя забирает,
Ведь достойней и лучше она!

Эта твёрдость в её глазах,
Эта нежность в изгибе шеи...
Я такую быть не умею.
Я умею внушать лишь страх.

Беги, мой олень, скорей.
Ей нужнее, тебе так лучше,
Я закрою глаза и уши
И губу закушу сильнее.

Я не плачу нигде, никогда —
Равнодушная, сильная, злая.
Убегай! Я тебя отпускаю!
И спаси ей проклятого Кая...
Боже, дай мне осколок льда!

Е. Самонова. «Песня разбойницы».
Рисунок Д. С. Кожемяки, г. Петропавловск-Камчатский

Кризис среднего возраста

Влюбляюсь по уши,
Втрескиваюсь почти ежедневно!
Да так, что в глазах — искра,
А на сердце — драма.
И если любовь — это пиво,
То эмоции — пена,
Ещё чуть-чуть — и брызнут наружу из крана.

Влюбляюсь до одури, но не совсем до безумия:
В голове метроном отщёлкивает постоянно:
— Спокойствие. Спокойствие. Благоразумие.
Не забудь — ты зрелая дама.
Не забудь, что мальчишки юны.
Не забудь, что твои семнадцать
Давным-давно захоронены в дюнах...
«Лет на десять назад, и назад бы кило на двадцать».

А вечером сижу, подстригаю крылья
И говорю подруге:
— Да не надо бояться!
Ну и что, что младше тебя!
Ну и фиг ли?
Нам за... Много...
И что же, теперь не влюбляться?!
Я, например, влюбляюсь по уши.
Втрескиваюсь почти ежедневно,
Да так, что в глазах искра, а на сердце драма.
И если любовь — это пиво, то эмоции — пена...
Чуть-чуть пережмёшь, и вынесет на фиг с краном...

Кристина САУШКИНА

Я вижу тебя, змей, в бокале моём. Я замечаю тебя в своих мыслях и снах. Великий Рептилоид живёт не где-то под землёй или в пещерах Аргентины — его агенты в сознании каждого из нас. Попытка вынести агрессию на внешних или себя самое посредством

чувства вины... Так устроена соковыжималка божественного нектара жизненной силы. Вкусно! — облизывается змея и продолжает свои игры. Как забавно вы скачете и кусаете друг друга! Как же легко разводите вас, теплокровные! — улыбается Каа.

О бандерлоги, когда же вам слезть с деревьев и стать людьми?

Доколе вам ждать вторых, третьих, четвёртых пришествий Маугли?

Баллада о неуступчивости

О двух баранах на мосту рассказ затеял я.

Ничем, пожалуй, не нова история моя.

Не может уступить баран, не может сдать назад.

И узок мост, и спор не прост, и правды блеск в глазах.

И каждый за собой привёл на мост своих овец.

И каждый — брав, и каждый — прав, и пылок стук сердец.

Ягнята взглядами волков в других ягнят впились.

И скрип копыт, и стук рогов, как видно — не на жизнь...

Собрались люди и зверьё со всех сторон моста:

— Да что ж такое, вот дела! Так как же перейти?

Давайте этим (или тем) поможем, господа.

А ну-ка, хором, с двух сторон: уйди и дай пройти!

«Мост будет наш!» — «Нет, будет наш!» — орали на мосту.

И рядом. Слышен был тот ор, наверно, за версту.

Охрипли люди и зверьё — так до каких же пор?!

Орать устали, разбрелись... Но каждый взял топор...

Нет, не разрушен старый мост — он до сих пор не взят.

Нет, не свалились в бездну вод те, что не могут вспять.

Как назиданье, на мосту скелеты их стоят...

А выше, ниже по реке мостов — не сосчитать.

* * *

Какой внезапный безудержный ажиотаж способен внести в скучающие ряды слушателей филармонического концерта всего лишь один невинно влетевший через открытое окно весенний шмель...

* * *

Бескрайние берега. Центробежные силы.
Прерванные связи. Километры
порванных проводов.
Не линия, а пунктир. Не логика, а эмоции.
Дети пьяных электриков
бесконечно режут и рвут эти самые провода
с иступлением в глазах,
в странном безумном азарте.
Потом они сидят без света, в крошечной тьме,
боясь и шагу ступить.
Другие ошалело мечутся в темноте,
сокрушая мебель и разбивая лбы,
принимая на ощупь врагов за друзей,
а друзей за чудовищ.
Третьи даже пытаются искать выключатель...
И все-все бесконечно злятся и плачут.
И никто-никто, конечно, не помнит
о порванных проводах.
Да, дело совсем дрянь, если электрик — пьяница!

Бескрайние берега. Центробежные силы.
Прерванные связи. Километры
порванных проводов...
Объявление на столбе:
«ЭЛЕКТРОМОНТАЖНИК
ВЫСОКОГО ПРОФИЛЯ. ИЩУ РАБОТУ. НЕ ПЬЮ».

* * *

Я — тысяча несовершенств
и неоправданных ожиданий.
Слишком мало нежных аккуратных
касаний —
больше растоптанных мной блаженств.

Нет во мне деликатности.
Я — даже не деревня (живущая в девушке).
Нет во мне нот соловушки.
Я — тундра, степь и вопящая выпь —
без укромной мягкой приватности.

А Вы — так искали изыск и шик,
А Вы — так просили побольше женщины...
Но во Мне — живёт грубиян-мужик,
Раздающий дружеские затрецины.

Потому что ужас и гнев в Нас вшит
Меж язвительных фраз и неумных шуток.
Потому что тёмная ночь души —
Это самое *страшное* время суток.

О техническом прогрессе

Сегодня дети смотрят на картину мира
через экран смартфона

Ты не взлетишь, откинув костыли.
Красивым жестом распугав пернатых,
Ты загремишь о землю. Но — в пыли
Ползи, искать не надо виноватых.

Ты встанешь на ноги однажды. Цель — проста,
Не бойся черепахе быть подобным.
Один твой шаг шагов весомей ста
Скривлённых смехом над тобой утробным.

К. Саушкина. «Я — тысяча несовершенств...»
Рисунок автора «Ты всегда один»

На них равняться стоит ли, дружок?
Пушай идут, уверенно и смело.
Конечно, всяк — талантливый ходок,
Когда протез надёжно держит тело.

Протез — рука, протез — глаза и ум.
Душа и совесть — тоже автоматом!
Надев могучий киборга костюм,
Внутри удобно жизнь прожить приматом!

Иной без палки двигаться б не смог.
Иной — без скоростных авто и мото.
Но атрофию чувств, ума... и ног
Никто из нас признать не жаждет что-то.

Вина России...

ВИНА РОССИИ! — озарение, посетившее меня в магазине вин, при осмотре полок с товаром. Вышеупомянутая надпись попалась мне на глаза первой и вызвала сначала лёгкое смятение, а потом негодование — при взгляде на другие надписи на соседних полках. Там было написано: «Франция», «Испания», «Португалия», «США» и прочие.

* * *

Проходя мимо роддома по дороге на работу, ловлю краем глаза на больничном ограждении следы гордости и ликования молодых пап в виде красочных плакатов с трогательными посланиями: «Спасибо за двойню, Олечка!», «Я тебя люблю, Светик!». Радостно и жизнеутверждающе смотрятся гроздьи воздушных шариков, привязанных к тому же ограждению и трепещущих на ветру... Иногда замечаю эти же, но уже сдутые шарики. И в них, пожалуй, тоже присутствует какая-то жизненная правда...

* * *

Люди в храме некрасивы.
Глянь в глаза — и там, и там
Не корыстные ль мотивы
Привели их к алтарям?

Люди в храме одиноки.
Лица сухи и горьки.
Прячут боли и пороки
Под цветастые платки.

Люди в храме — как микробы.
В душах их полно трухи.
Люди в храм приходят, чтобы
Смыть водой святой грехи.

И, свои святыни рая,
Сор несут для них и срам.
Для людей там просто баня,
А не Божий Дом и Храм.

Посвящение огню

— Надо ль солнцем пытаться быть?
Прометеем, несущим свет?
Так ли значимо важным слыть? —
Говорю я порой себе.

Я — блуждающий огонёк,
Незаметный почти для глаз.
Не горящий в лучах алмаз —
В стёкла бьющийся светлячок.

Как же мало во мне огня!
Не зажечь, не согреть других.
Весь мой светоч — лишь для меня —
Чтоб не сгинуть среди пурги.

К. Саушкина. «Посвящение огню».
Рисунок автора «Гроза»

Как же много вокруг воды —
То бушующий океан,
Водопады, моря, пруды,
То стоячих болот капкан.

Если кажется мне, что друг
Зарастает ряской вдали —
Жгу кострища на берегу,
Всё, что можно, там подпалив.

То фонариком подсвечу
Бездну водную в темноте...
Я, наверное, щекочу
То, что плавает там, в воде.

...И в какой-то один момент,
Вдруг — на берег волной плашмя!
Закипевших страстей ответ...
Отползает огонь, дымя.

Всё не в тему. Всё невпопад.
Полечу догонять закат
В те далёкие дали, где
Солнце бликами — по воде.

Если солнце на всех одно —
Луч зари сам отыщет дно.

* * *

Мои леса. Бескрайние леса.
Свой вечный крест несёте терпеливо.
И — с места не сходя. О, как красиво
Зелёные трепещут паруса,
Нацеленные в голубую высь,
В прекрасные заоблачные дали!
И кронами до неба доставали...
Но топорам доверили вы жизнь.

Из этой жизни сделают гробы,
Бульварный глянец, ящики для пива,
Счета и акты... и другое «чтиво»
Унылой и посредственной судьбы...

Мои леса. Деревьям — нет числа.
Вы на ветру времён красноречивы...
Но так тихи, как будто бы не живы,
Лишь захлопочет, завизжит пила.

* * *

Очень аккуратно выбираем себе тотем. С миром биологии вообще нужно быть крайне аккуратными, а то ещё произойдёшь от какой-нибудь обезьяны.

Рассмотрим самых крупных зверей. Тех, что любят бросаться в глаза. Слона исключим, потому что слоны не любят бросаться в глаза (отсюда даже произошло выражение, что, мол, слона-то мы и не заметили).

Вот Медведь — достаточно большой, чтобы бросаться в глаза. Его и возьмём. Характеристики: хищник, хозяин леса. Вершина пищевой цепочки своих широт. Девиз: ломать — не строить. Поэтому легко отличим от бобра. Одиночка. То есть объединяться в организованные группы и жить в коллективе себе подобных не умеет. А если приходится — постоянно ворчит. Ленив. Спит полжизни. В суровые времена лапу сосёт. Близорук. Поэтому не делает на жизнь далеко идущих планов. Обитает в тёмном дремучем лесу, оттого не видит перспектив и горизонтов. Когда Медведь в хорошем расположении духа, считает сам себя великодушным увальнем, играющим мускулами. Однако другим зверям в лесу таковым не кажется. Обожает запустить лапу в чужие запасы на зиму, а также склонен к накоплению жира. Очень любит одну игру: пока все остальные обитатели леса пытаются как-то подружиться и что-то построить, неожиданно появляется из кустов и, со словами: «А я мишка — всему вашему домику крышка!», удаляется восвояси, повалив пару деревьев и наступив на чьё-нибудь гнездо. Зато когда спит, почти беспомощен. К тому же Медведь очень не любит уколов критики. Поэтому одолевать Медведя нужно всем скопом, сначала усыпив его внимание, а потом дразня и тыкая рогатиной,

К. Саушкина. «Очень аккуратно выбираем себе тотем».
Рисунок автора «Мой любимый дракон»

пока тот не выскочит из берлоги — прямо в руки охотников! Бывает часто зол или сердит. Тогда на его пути лучше не попадаться. А бывает внезапно напуган, отчего с ним случается «медвежья болезнь». Это вводит Медведя в конфуз необычайный, а остальных зверей — в злорадство. После «медвежьей болезни» обычно старается изо всех сил сохранить лицо и рычит на весь лес. Держит округу если не под контролем, то в страхе.

Медведицы — сильные авторитарные матери-одиночки. Женщины, имеющие статус «я же мать».

Лев — Царь зверей. Так, царь — это у нас, а у Львов — Король, кажется. Самонарённый. Хищник. Хозяин цивилизованного общества — прайда. Предпочитает охотиться не своими руками. То есть лапами. Как известно, за него охотятся львицы и младшие в коллективе. После охоты отхватывает себе самый большой кусок, элегантно и как бы невзначай обронив: «Уж такая наша львиная доля...» Вальяжен и любит внимание публики (в саванне он сам и всё его семейство прямо как на ладони). Держит округу если не в страхе, то под контролем. Мог бы стать верхом величия всея саванны, но знает, что может быть затоптан всяким крупным рогатым скотом, поэтому не окружает себя толпой подчинённых. В хорошем настроении часто мурлычет одну песенку: «Никогда, никогда, никогда лев не станет цирковым медведем... ой, то есть пуделем!»

Если Льва и Медведя в каком-нибудь зоопарке селят в соседние клетки, то Лев распевает эту песенку громче. Пиком пищевой цепочки Льву не позволяет стать соседство с Крокодилом. Вообще к рептилоидам относится с опасливым уважением.

Ну, что ещё сказать о Львах? У них пышная красивая грива.

Дракон. Большая древняя ящерица. Обитает где-то на востоке. На дальнем. Как любой рептилоид — хладнокровен и расчётлив. Не склонен к сантиментам. Достаточно мудр, чтобы не ввязываться в конфликты. Хотя мог бы раздавить всех одной лапой: подумаешь, какая-то мелочь под ногами путается, типа лев там или медведь... Многие считают, что он просто *затаившийся*.

Иногда Дракон маскируется под Панду. Когда это ему выгодно. К слову сказать, очень даже часто. Тогда из соседнего леса можно услышать душевные вопли: Мишка и Панда — братья навек! Дракон, в очередной раз услышав их, в очередной раз потирает лапы, снимает костюм Панды и спокойно идёт делать свои дела, убеждаясь, что всё схвачено. В очередной раз, конечно же.

К. Саушкина. «Очень аккуратно выбираем себе тотем».
Рисунок автора «Дебри»

Орёл двуглавый, имперский. Одна голова — хорошо, но две, скорее всего, какая-то патология. Раздираем противоречиями. Навечно разделён на левое и правое крыло. Одна и другая головы склонны к непрерывному внутреннему монологу, но диалоги строить не умеют, так как срываются на мат и готовы расклеваться насмерть. Стараются даже не смотреть друг на друга. Орёл страдает раздвоением личности. Регулярно несёт золотые яйца, которые совершенно не умеет высиживать. К одной голове время от времени подходит Лев, начинает её морочить, а ко второй подходит Дракон — и тоже начинает её морочить. После чего и тот и другой подхватывают падающие из Орла золотые яйца Фаберже, и каждый утаскивает их в свою сторону. Прибежавшему к шапочному разбору Медведю ничего не достаётся.

Муха. Любит прикидываться слоном. И не без успеха.

* * *

Что такое семья?
Пережной, из которого вырос.
Это каменный идол,
которому поклоняешься,
неосознанно проживая жизнь
своих предков
по их меркам,
выбирая партнёров и спутников,
не разобравшись — твои, не твои.

Этот идол почти не оставил выбора.
Коды крови зовут привязываться
к тем, а не к этим.
Коды крови.
А мы кричим и бьём тарелки
от непонимания тех,
к кому привязались,
не подозревая,
что выбор сделали не мы, настоящие,
а что-то в нас.
Может быть, ещё живущие в нас родители.

Вцепились друг в дружку
и держимся.
«Священные узы», —
усмехается идол.

В кармане кармы тепло и темно.

Карма — это когда боишься одиночества
и готов делить жизнь с тем,
кто окажется под боком,
а не с тем, кого ты мог бы полюбить.
Потому, что не делать выбор проще.
Потому, что когда его делают за тебя —
так просто обвинять в своих бедах близкого!

И нет на земле взрослых.
Есть дети, ищущие в других своих родителей.
И никто не хочет понять —
потому, что сам мечтает быть понятым.
И никто не готов отдать —
потому, что сам неимуш.

Из века в век,
из века в век,
скрепкой стальной в зубах ковыряя,
питается нашим одиночеством
безглазый идол семьи.

* * *

Не люблю телефоны,
соцсети,
чаты,
комментарии,
блоги...
Они часто ссорят глубоких людей
и сводят пустых.
И вот — стоит Один,
а за тридевять земель — Другой,
и оба трепетно сжимают в руке
БОЛЬШОЙ ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА,

помещённый в несколько
кубических сантиметров
металла, пластика и стекла...
И каждый пребывает
в своём поле иллюзий:
иллюзия Дружбы,
иллюзия Доброты,
иллюзия Веры,
Надежды, Любви —
Натальи, Андрея, Ольги...
Иллюзия Смысла,
иллюзия Радости,
иллюзия Диалога,
а по сути —
«Свет мой Зеркальце, скажи...»

Но!
Можно ли ненавидеть нож,
если порезался...
Но,
можно ли не любить дождь,
если промок...

* * *

Бабочки-однодневки
пьют нектар забродивший.
Слёзы морских улиток
жемчужинами сияют...

Вечность и миг один...

Смогут ли докричаться
разные два начала...

Бабочки — любят пламя...
Жемчуг — любит оправу...
Люди — каждый любит
свою отраву...

Каждый — в своей печали...

* * *

Не надо распаковывать все смыслы.
Душа с душой обнявшись — заодно.
Где тьма волшебным пологом повисла,
Там люди смотрят грёз своих кино.

Им хорошо. Не горько и не кисло.
Не тянет от себя сбежать в окно.

* * *

Как мы любим ненавидеть
Тех, в кого впились корнями,
Тех, от коих мы зависим,
Чью сосём по капле кровь.
И, цветами распускаясь
(ярко-алыми цветами!),
Как кричать мы ими любим
О своей больной душе.

* * *

Мне однажды приснился диковинный сон.
Всё во сне принимаешь на веру.
А приснилось мне общество Белых Ворон,
Тех, что ставить нам любят примером.

Ну, дела! Вот так стая, все, как на подбор.
То не стая, а Белая Свита.
Чинно каркая, то есть ведя разговор,
В нём себя величают «Элита».

Но, как водится, сон превратился в кошмар,
Лишь легонечко тронула дверь я.
А за дверью велись старый спор да базар —
У кого белоснежнее перья.

Вдруг... Откуда же только такая взялась?
Как плевок — для хорошего тона,
Ложкой дёгтя на сливки с небес сорвалась
Цвета смоли простая ворона.

Тут поднялся такой непечатный галдёж!
Позабыв всё своё благородство,
Гнали чёрную в шею из всех своих кож —
С Идеальным не место уродству!..

Я проснулась в холодном поту, чуть дыша,
И успела понять до рассвета,
Что у Белых Ворон всё ж воронья душа
Заурядного, в общем-то, цвета.

Мне однажды приснился диковинный сон...

* * *

Свет и Тьма — извечных два Начала.
Никаких полутонов и красок.
Чёрные — изящны и опасны,
Белые — растеряны и вялы.

Бог и Дьявол сядут на крылечке.
Снова их игра непримирима.
«Да» и «Нет» — на сердце две засечки,
Раны две на сердце пилигрима...

Анастасия ТЕТРАД

Летопись чисел, увы, не придётся менять.
Летопись душ отречённо тоскует украдкой.
Я не иду к эшафоту, а буду страдать,
Летопись глаз заменяя обычной повадкой.
Близится буря, я чувствую это в крови,
Растормошив непослушную, гиблую память,
Я обрету только летопись быстрой любви —
Летопись чувств и решений привычно заманят.

* * *

Простые строчки, простые чувства...
Мне до и после не до искусства.
Увижусь, сблизюсь... Ответ как выстрел.
Удачен вызов, утрачен, вызрел.

Мне больно явно, неявно ясно,
Как ты устроен. И громогласно
Я заявляю, что пуст твой ларчик.
Осталась проза, и ты, мой мальчик,
Остался брошен. Зияет утро
Пустым пространством. И вечер мудро
С утра крадётся. Немеют стены.
Зима-разлука лелеет стоны
Земли. Не узнан, не взят, не сложен.
Пример упрямства опять низложен.

* * *

Лепила лицо с натуры
Во сне. Увлекалась сама.
Я не принимала микстуры
Под горьким названьем «Зима».

Улыбкой тебя провожая
Из сна, — опредмечена суть,
И, ночи в уме умножая,
Я дни провожу как-нибудь.

* * *

Всё, что скопила, что было, —
Пытка-зима отняла, —
Я по сиротству забыла
Или тебе отдала.

Чуждое слово мерцает,
Кроется в сердце, шумит.
Разве такое бывает,
Разве такое болит?

* * *

Я ветреность твою прощаю сразу.
Увидишь лик чужой — и оглянёшься.
Мой обморок души не виден глазу.
О, сердце юное, ты отдаёшься

Всему, чего нельзя потом приметить,
Копить, любить, пожертвовать негласно.
Но что могу тебе сейчас ответить?
Рискуй, коль смерть для жизни не опасна.

* * *

Жалким помыслом откровение
Обещает волненье в пути.
Не твоё бежит вдохновение,
Что сломает печаль впереди.

Не уйдёт старинное прошлое
В облака, в века, в топку лет.
Слов презренная вьюга ложная
И отчаянных рифм букет.

* * *

Это всего лишь мысли,
Это всего лишь строчки.
Глупые дни — как письма —
Вехи и проволоочки.

* * *

Да, это мой уход
Или моя высота:
Как через реку вброд,
Прямо сказать в глаза.

Я не против копить бред,
Из всего вымучивать сок.
Таких, как я, больше нет.
Или много таких. Вот!

* * *

И ничего не надо мне просить
Ни у кого, лишь только сил у Бога,
Затем, чтобы тебя совсем простить,
Чтоб на двоих была одна дорога.

Валентина ФЁДОРОВА

Терпкая грусть, горькая пыль —
И вдох невозможно сделать.
Памяти след: ложь или быль —
Никто не поймёт теперь.
Как ни смотри в зыбкую даль,
У прошлого нет предела,
И не найти в этой пыли
Ни тупик, ни дверь.
Хоть ты идёшь через мираж,
Он чётче, увы, не станет.
Руки твои тонут во всём,
К чему их ни протяни.
За пеленой слёз и любви
Никак не стареют раны,
Кровью течёт терпкая пыль
В былого тени.
Время пройдёт... и — кто может знать? —
Ты встанешь на эти ноги.
Сделаешь шаг через туман
На солнечный острый свет.
Он обожжёт жаром гортань,
Отвыкшую от свободы,
И ты вдохнёшь чистый простор
Без ржавчины лет.

* * *

Я закрываю глаза — а там лес.
Он ждёт меня, звонкой арфою капель
Стуча по светлым грибам на коре
Деревьев-мачт, и ветвистые лапы

Их укрывают меня от дождя,
А тот, лишь звуком хрустальным касаясь,
Ведёт сквозь чащу. В прохладных следах
Встаёт трава за спиной, распрямляясь.

Я закрываю глаза, а там — лес.
В нём память льётся по прутьям и листьям.
Я ухожу в глубину его истин,
Вдыхая сладко-искристую взвесь.

* * *

Мы больше не плачем с тобою, верно?
Мы больше не слышим своих ладоней.
Мы больше не видим ни тьмы, ни скверны.
Мы больше с тобой ничего не помним.

Мы утренний воздух вдыхаем жадно —
Холодный, наполненный лёгкой дымкой —
Он сердце пронзает мечом. Отрадно
Должно быть ему струйкой тонкой, липкой

По рёбрам опять вытекать на волю,
Теряться в траве, затихать в корнях.
Закроем глаза, не вникая боли?
И вместе растаем с ночью тенью,

Когда сильный ветер крылом стеклянным
Над нашим дыханьем взмахнёт, с рассветом...
Мы больше с тобой ничего не знаем.
Мы мёртвые дети чужого лета.

* * *

На траве серебрится иней.
Пахнет краской — как в старой школе...
Это время так скоро сгинет,
Унесённое горькой болью.

Отголоски бывшего счастья
Растворяются в чёрной жиже,
Тают, тлеют, теряя краски,
Погружаясь всё ниже, ниже.

Издрились в пыль обереги
С оглушительным, резким звоном...
Воздух пахнет весной и снегом.
Воробей пролетел — как дома.

Я смотрю в горизонт и в небо.
На траве серебрится иней.
Пахнет свежим, хрустящим хлебом...
Это время так скоро сгинет...

* * *

Я слышу шорох дождя в моих наушниках старых...
Прохладой дышащий лес течёт сквозь слух прямо в грудь,
И, на мгновенье застыв в снующих мыслях, устало
Я опускаюсь в траву, вдыхая будущий путь...

Я прикасаюсь рукой к зелёным, свежим побегам,
Тревожа капли воды. Дрожащий воздух внутри,
Смешавшись с новой душой, перерождённой из снега,
На зов лесного дождя вдруг окрыляется в крик —

И я дышу. По лицу потоком капли стекают,
Смывая пыль с до сих пор окаменевшей души...
И с каждым шагом вперёд я, как мой лес, прорастаю,
Ища, вдыхая дорогу в дождливо-сладкой тиши.

* * *

Как чётко очерчены горы на фоне заката,
Их синие вздыби подобны драконьей спине.
Зубчатой стеной они смотрят в оранжевый запад,
И море у ног их играет горстями огней.
И там, среди золота, небом пролитого в воду,
Белеет чешуями лёд — словно горы, устав
От гнёта зимы, с себя сбросили снежные своды,
Облёкшись в иную, весеннюю, синюю явь.

* * *

Мои сны в полуветхом дыханье зимы растворились
И заполнили комнату пепельным светом окна,
Проникая сквозь кожу прозрачной искристой пылью,
Наполняя покоем мой мир в истощённых стенах.
Отступились на миг беспощадно голодные тени,
Им не время сейчас... И на месте укусов и ран
Прорастут ледяными цветами хрустальные перья,
Закрывая собой череду опустевших «вчера»...
Мои сны в полуветхом дыханье зимы растворились,
Но я помню их все. И за шёпотом пепельных слов
Я устало сложу мои новые зимние крылья,
Оставляя в морозном снегу свою строчку следов.

В. Фёдорова. «На листе — карандашные сказки...»
Рисунок автора «Подзвёздные сказки»

* * *

На листе — карандашные сказки,
На мизинце — графитные пятна.
Из воздушных, чуть видимых линий,
Осторожных, текучих, внезапных,

Оживляя листок, проступили
Отголоски, детали, сюжеты,
Безголосые чёрточки... Ими
Так беззвучно и робко пропеты

Мысли автора. С самого сердца
Поднимаются сказки на волю,
Хоть сперва и могло показаться,
Что они — лишь картинка, не более.

В. Фёдорова. «Я хотела родиться хрустальной звездой...»
Рисунок автора «Чайночашковая змейка»

* * *

Я хотела родиться хрустальной звездой
С полужримым свеченьем... Прозрачностью тела
Пропуская лучи и тепло мне подобных,
Освещать не планеты, но тёмные строки
В опустевших сердцах потерявшихся. Звоном
Хрустала и стеклянных оков моей жизни

Пробуждать их уставшие души и песней
Звать их в путь... Но для сердца звезды бестелесной
Мне души не хватило, и колкой кометой
Мне ворваться пришлось в это тело земное,
Чтоб, тоскуя, глазами в небесных дорогах
Утопать, умирать и искать безысходно
Отголоски и эхо незримого света,
Зова к Жизни хрустальной звезды.

Нина ЧЕРЕДНИЧЕНКО

Защитникам Петропавловского порта
(к 170-летию со дня героической обороны
Петропавловска-Камчатского от нападения англо-
французской эскадры в 1854 г.)

Казалось бы — где Крымская война?
Не долетят сюда её раскаты.
Камчатский август. В бухте — тишина.
И дремлет форт. И не спешат солдаты.

Своей далёкой родины оплот,
Отрезан от щедрот её столичных,
Встал Петропавловск у прибрежных вод
На линии суровой, пограничной.

Склоняясь над Авачинской губой,
Её, как драгоценность, охраняя,
С Россией связан он одной судьбой,
Одной войной от края и до края.

Турецкий мир союзников позвал,
Кавказ и Крым себе забрать желая,
И покатился беспощадный вал,
От Запада к Востоку мир сминая.

Восточные границы не крепки:
Распутица. Оторванность. Усталость.
Взять Петропавловск думают враги.
Дойти и победить — такая малость!

Спит город. Он один на сотни вёрст!
Но губернатор ждёт беды, не дремлет.
Посыльный донесение принёс
О том, что враг идёт на эту землю.

Родимая Камчатская земля!
Ты и зверьём, и рыбою богата!
К тебе идут, о милости моля,
Сквозь бури белокрылые фрегаты.

Ты щедро даришь путникам приют,
И слава о тебе по свету мчится.
Здесь поднят русский флаг. Здесь гнёзда вьют
Птенцы России. Здесь её граница!

И как, земля, врагам тебя отдать?
Как посрамить в бою святое знамя?
Нет, Петропавловск должен устоять,
Ведь с нами — Бог. И вся страна за нами.

Так думал губернатор. Тишина
Его молитвы свято охраняла.
И в порт вошла красавица «Двина».
И гордо рядом с ней «Аврора» встала.

Пехота на пришедших кораблях
Была больна, но берег укрепляла,
И пушки выносила на руках,
И насмерть за родной причал стояла.

Семь батарей готовы к схватке. Ждут.
Сегодня бой, чтоб наступило «завтра».
Ведь в бухту через несколько минут
Войдёт англо-французская эскадра.

Два штурма, набежав, вернулись вспять...
Противник и не ждал от нас отпора.
Но нам нельзя отдать любимый город.
Нельзя Никольской сопки потерять!

Во имя матерей, детей и жён,
Которые в бою жестоком — рядом,
Дают снаряды и под камнепадом
Врачуют раны. Ими мир спасён.

Земля стонала от жестоких ран.
И, грудью сопки ядра принимая,
Вздыхалась вверх. И Тихий океан
Мрачнел, в своих волнах её качая.

Здесь бились насмерть Запад и Восток,
Здесь кровь лилась на палубных настилах,
Солёной влагой уходя в песок,
Цветами прорастая на могилах
Тех, кто оставить порт врагу не смог.

Отбушевала Крымская война.
Но до сих пор мы это эхо слышим.
И в унисон с защитниками дышим,
И память чтим. И нам она нужна.

Пока в народной памяти живут
Герои, что свои сложили жизни
За верность долгу, дому и Отчизне, —
Не сломят нас! Россию — не сотрут!

Пока цветы ложатся на гранит
И дети имена героев знают—
Никто границы этой не ломает,
Где Петропавловск, словно страж, стоит!

Николаю Васильевичу Санееву

Мир земной дыханьем звёзд овеяв,
Отгорев, светлее сделал век
Николай Васильевич Санеев —
Гражданин. Писатель. Человек.

В колыбели веры и искусства,
В бездне шахты, в пламени костра
Зарождались трепетные чувства
Искрами на острие пера.

Н. Черденченко. «Николаю Васильевичу Санееву».
Рисунок А. В. Моисеевой, художественная студия «Этюд»,
г. Петропавловск-Камчатский

Журналист, чьё главное умение —
Видеть глубину простых вещей.
И романтик, чьё предназначенье —
Воспевать профессии людей.

У судьбы порой стальная хватка,
Выведет туда, где ей нужней.
А когда судьба — сама Камчатка,
Можно ли не покориться ей?

То суровой, то неожиданной лаской,
Отводя беду, даруя дом,
Приютилась в сердце Сероглазка,
Раскрываясь золотым цветком.

Здесь, у кромки северной России,
Где дела добры, а быт суров,
Падали зерном слова простые,
Прорастая в душах рыбаков.

Он им был поверенным и другом,
Неоплатный отдавая долг.
Море смотрят тралом, землю — плугом,
Ну а душу видит только Бог

Или мастер, в первозданном рвенье
Сделать так, чтобы душа — цвела,
Одолев земное притяженье,
Выйдя за околицу села,

Дальше, от колхозного причала,
По дорожке лунной в океан.
Чтобы память предков воссияла
В том краю, что щедро людям дан.

Где-то на рыбацких перекрёстках,
До сих пор друг с другом говорят
Люди моря и на небе звёзды,
Что как сердце мастера горят.

Стынет время, коротко ли, долго
Тянется вдоль неба и земли.
Но сияет маяком «Светёлка»
И зовёт к причалу корабли.

Таёт век. Но вьётся алый парус
Там, где голос юных — не молчит,
И тысячеглазый Петропавловск
Проплывает кораблём в ночи.

Город помнит — честно, без затей —
Человека, что ему сродни.
Николай Васильевич Санеев
Здесь воспел людей простые дни.

И остался. Словно честь и совесть
Города, что был судьбою дан.
Словно неоконченная повесть,
Лунным светом льётся в океан.

Пусть его следов вода не скроет,
Сердце с сердцем так же говорит.
Сероглазка светится над морем.
И звезда Санеева горит.

Н. Чередниченко. «Баллада о камчатском промысловой флоте».
Рисунок Е. Дудкиной, 13 лет, МБУ ДО ДШИ.
Преподаватель Л. В. Шапенкова, п. Усть-Камчатск

Н. Чередниченко. «Баллада о камчатском промысловом флоте».
Рисунок М. Колесниковой, 14 лет, МБУ ДО ДШИ.
Преподаватель Л. В. Шапенкова, п. Усть-Камчатск

Баллада о камчатском промысловом флоте

Когда туманом дышит север
И песнь китов к себе зовёт,
Выходит в море старый сейнер,
Настраиивает эхолот.
Охрипший от солёной влаги,
Гудком товарищам трубит.
И отзываются трудяги,
И в каждом память говорит.

Камчатка, рыбная держава,
К себе сводила неспроста —
Не для утех, не для славы —
Рыболовецкие суда.
Окраина страны великой
Освобождалась от оков,
Воспитывая в муках, в битвах
Певцов путины — рыбаков.
И, божьим промыслом проявлен,
На благо всех людей живёт —
Он, как Судьба, России даден —
Камчатский промысловый флот.

С оснасткой разной и посадкой,
По нашей памяти идут:
«Тунгус» и краболов «Камчатка»,
«Охотск», «Чукотка» и «Якут».
Первопроходцы, пионеры
Суровых северных широт...
Об «Орочоне» с «Ительменом»
В веках предание живёт.
Пусть в домне сталь переплавляли,
Но душу выжечь не смогли!
А имена не отзвучали:
Их корабли другие взяли
И с честью по морям несли.

Когда над палубой качнётся
Хрустальный колокольный звон,
Он тихим эхом отзовется
В тех, кто для моря был рождён.

Не ради славы и затей,
А ради жизни всей земной
Сражался «Капитан Закхеев»,
Служил «Механик Лесовой».
В лихие дни и в час урочный
Встал на защиту всех и вся
Наш траулер «Дальневосточник»,
Десант к Курилам унося.
И те, что рыбу добывали,
Что трал в глубинах вод вели, —
Они за родину стояли,
И люди в море погибали,
И вместе с ними — корабли.

И в шторм, и в штиль — таков обычай! —
Прозвякнут склянки восемь раз,
И дрогнет пароход «Чавыча»,
Плывя сквозь время мимо нас.
«Виллюй», «Авача» — встанут снова,
За ними — «Алеут» и «Кит».
Над «Анатолием Серовым»
Заплачет чайка, закричит...
Они в историю уходят,
Но в нашей памяти всегда
На гребень, как на крест, восходят
Рыболовецкие суда.

Пусть океан милей, чем суша,
Тем, кто родился рыбаком.
Нам эти подвиги послужат
Напоминанием о том,
Что всё величие России
В надёжных трудовых руках,
Что слава родины и сила
В певцах путины — рыбаках.
Тех, кто себя не пожалеет,
Чтоб дать стране большой улов,
Тех, кто в морях найти сумеет
Судьбу, призвание и кров.

Бывает солоно и сладко,
Но всем ветрам наперекор
Ушёл за грань «Рыбак Камчатки» —
Пришёл «Владимир Бирюков».

И ветром северным удача
Поёт, и даль опять светла.
Воды касается «Апача»,
И ждут великие дела.
И мирно спят земля и небо,
И побеждает лишь добро,
Пока зачерпывает невод
Глубин живое серебро.

Моя Гвардия

(к 200-летию Российской Гвардии)

Родина, любимая,
В небе — купола.
Речкой говорливою
Ты к себе звала.
Поднималась соколом
В синей тишине.
Песнею высокою
Ты звучишь во мне.
Милая, свободная —
Ты у нас одна...
Пусть не тронет родину
Чёрная война!
Пусть на страже родины
Встанут моряки,
Пехотинцы, лётчики,
Роты и полки,
Самые отважные
Родины сыны,
Что зовутся Гвардией
С той, святой, войны.
И под русским знаменем,
Под орудий гром
Носят это звание
В сердце под огнём.
Бьют врага на суше
И в море тоже бьют!
«Градами», «Катюшами»,
Яростно поют!

Славная и гордая
Наших войск семья,
Гвардия — народная!
Гвардия — моя!
На тебя равняемся —
Жить, хранить, служить.
И, как ты, стараемся
Родину любить!

* * *

У Вечности свои повадки:
Нарушив твой привычный быт,
Наводит в нём свои порядки,
Тревожит явь и в снах шалит.
Она судьбой стучится в двери,
Рисует в звёздный мир окно
И заставляет в чудо верить,
Которое предрешено.
И сколько ты ни бьёшься рыбой,
Попавшей в пламенную сеть,
Но скажешь ей своё спасибо
И будешь поклоняться впредь.
И здесь, на краешке Вселенной,
Поймёшь, что истины просты:
Всё в этом мире неизменно,
Но можешь измениться ты.

* * *

Новогоднее чудо зима напророчит,
Тишину снегопада, таинственность дней.
Голубые, глубокие светятся ночи,
И на сопках лежит ожерелье огней.
За неделю поймёшь колдовскую науку:
В тайных тропах и чащах свой след находить,
Где рождается Слово — не смыслом, не звуком,
А умением верить, прощать и любить.

* * *

Я до неба построю мост,
От своей до твоей руки,
Чтобы слышалось пенье звёзд,
Чтоб не высохли родники.

Чтоб по этому по мосту
На серебряный водопой,
За мечтою творя мечту,
Плыли рядом — твой век и мой.

Там, где прошлого больше нет,
А о будущем не прочтёшь,
Водопадом струится свет,
Отделяя от правды ложь.

И не важен ни шаг, ни бег,
Только небо в пролёт моста.
Только звёздный кружится снег,
И дорога его чиста

Так, как чист в ожидании лист,
Что иного сюжета ждёт,
Как Снегурочки голос чист,
Как над нами небесный свод,

Как рождение первых слов,
Как свирели прозрачный звук...
И пройдёт по мосту любовь.
По сплетению душ и рук.
По твоей и моей судьбе,
Сберегая наш мир от зла.
Отдавая меня — тебе
Родником, где вода светла...

* * *

Когда, промчавшись, успокоится,
Уйдёт за край земли гроза,
Какими синими становятся
У неба летнего глаза!

И, согревая сердце радостью,
Дробясь на сотни ярких звёзд,
Какая трепетная радуга
Сияет в небе после гроз!

Так и душа — болит, и мается,
И слёзы грозовые льёт...
А после — заново рождается
И новой, светлой жизни ждёт!

* * *

Год пройдёт и о былом не спросит,
Но напрасно много лет подряд
Нам в глаза заглядывает осень
И у ног ложится снегопад.

В снах своих мы всё бежим, как дети,
В те края, где небеса чисты,
Где в садах сиреневые ветви
Тяжелы от капелек росы.

Там на небе светлые зарницы,
А в полях ромашковый уют,
И, слетевшись к озеру, Жар-птицы
Тёплый хлеб из детских рук берут.

Сквозь года смотреть с тоской не нужно,
Чередой своей пускай летят.
Осень нам лишь вызолотит душу,
Выбелит нам душу снегопад.

Из цикла стихотворений о Шукшине

1.

Край безоблачной дали,
Край берёзовой грусти,
Где склонилась калина,
И горька, и красна...

Ничего не забудет,
Никуда не отпустит,
Словно связан навеки
Ты с судьбой Шукшина.

Лебедой зарастают
Позабывшие стёжки,
Горбясь, вновь отступает
От дороги село,
Но роняет берёзка
Золотые серёжки,
Чтоб ему и за гранью
Снова стало светло.

Всё, что было с народом,
Что копилось годами,
Золотыми словами
В каждом сердце вошло.
Он и просто, и мудро
Разговаривал с нами...
Край берёзовой грусти,
Как же ты без него?

Как за небо ветвями
Удержались деревья,
Доживая последний
«Позолоченный» век?
А с пригорка смотрела
Сиротливо деревня,
Как уходит любимый
От неё человек...
Разве можно представить,
Разве просто осилить...
Неизвестно — где правда,
Не понять — чья вина...
Край безоблачной дали,
Край заоблачной сини,
Будешь связан навеки
Ты с судьбой Шукшина.

2.

Жизнь... Какое короткое слово.
Одуванчик в руке ребёнка...
Прорастает сквозь вечность снова,
Рвётся птицей и жилкой тонкой
На виске беспокойно бьётся,
То прервётся, то вновь начнётся,
Светлой свечкой во тьме сгорая
И к истокам нас возвращая.

Жизнь. Какое хрупкое счастье
На ладонях тебя баюкать,
Ощущать себя — мира частью,
Отпускать с первородной мукой,
Не дожидаться тебя обратно...
Жизнь. Понятна и непонятна.

Как сказать — берегите, люди,
Всё, что дышит под небом этим,
Всё, что смотрит на вас с надеждой,
Всё, что с нами живёт на свете, —
Ветер, камень, цветок и нежность
Журавлиной весенней стаи —
Берегите! А то растает,
Одуванчиком канет в осень...
Глядь — а вы и не жили вовсе.

3.

Где-то в травах бродит
вольный ветер,
На берёзках платья тербит...
Все мы в этом мире словно дети.
Не по-детски лишь душа болит.

Стоя в круге радужного света,
Всё смогу, но одного боюсь —
Что, как он, глядящий в мир
С Пикета,
Я любить людей не научусь...

Детям о городе и крае

Где находится наш край?
Ну-ка быстро угадай!
Здесь бушует океан,
Извергается вулкан,
Огибают корабли
Полуостров — край земли,
Много рыбы здесь в морях,
Много ягоды в лесах,
Этот край для всех загадка,
А зовётся он... (Камчатка!)

* * *

Надо мной гора большая
В шапке снежной, посмотри!
Лёгкий дым над ней летает,
Лава прячется внутри.
Этот добрый великан
Называется... (Вулкан!)

* * *

Спину сопка выгибает,
Прячет рыжий хвост в лесу.
Эта сопка точно знает,
Что похожа на лису!
Гладит осень по макушке,
Золотит лисичке ушки!

* * *

Этот синий океан
Тихим называется,
Потому что он в туман
Часто погружается.
И большие корабли
Тихо плавают вдали,
А на берегу их ждёт
Город и огромный порт.

Н. Чередниченко. «Где находится наш край?»
Рисунок А. В. Моисеевой, художественная студия «Этюд»,
г. Петропавловск-Камчатский

Стихотворения разных лет

Половину пройдя пути —
Жизни полдень.
Душу дальше куда вести,
Чем наполнить?
Как по лесенкам, по годам —
Дальше, выше,
И по Дантовым по кругам
К Богу ближе.
Только слишком уж мал размах
Крыльев птичьих,
Не ускорит навстречу шаг
Беатриче.

У поэтов короткий век,
Но ответьте,
Умирает ли человек
После смерти?
В отнимающий час тоски,
Сердце жгущий,
Расцветут ли его стихи
В нас, живущих?
Половину пройдя пути —
Всё сначала.
Душу дальше куда вести,
К чьим причалам?
Круг бессчётный — не повернуть,
Слишком поздно.
Но *ещё озаряют путь*
Stelle! Звёзды!

* * *

Не для меня столы и скатерти
В земном разостланы раю...
Я Вечной Нищенкой на паперти
С Душой Распахнутой стою.

Не серебра минутной близости,
Не злата жаркого в крови...
Как самой Наивысшей Милости
Прошу о Правде и Любви.

Вокруг — слепые и бездомные,
Но им не нужен свет и кров.
И сыплется в Моё Бездонное
Листва сухих и горьких слов.

И, словно вымолив прощение,
На время выйдя из Игры,
Слова находят исцеление,
Когда восходят на костры.

Пока у входа ветры вертятся,
Стуча в незапертую Дверь,
Душа Распахнутая светится
Огнём прощаний и потерь.

И жду как Истины, как Вести я,
Как искупления утрат,
От Бытия и до Бессмертия
Один упавший в Душу Взгляд.

Одно Нетленное Касание,
Бесценный Дар бегущих дней...
Не Подаянья! Оправдания
Для Жизни и Души моей.

* * *

Земные дни по каплям собирать,
Нанизывать, как бусины, на нитку —
Всего лишь неумелая попытка
Сложить себя в одно, собою стать.
Попытка быть, и сбыться, и избыть
Себя, вложить — как дань — в ладонь другому,
Попытка оказаться ближе к дому

И ближе к сердцу — к небу ближе быть.
Бежать по звёздам, словно по цветам
(Над звёздами и выше — над цветами,
Вне спектра, вне разлук ли, встреч ли с вами),
Но даже мира вне — навстречу вам.
Дышать одним и веровать в одно,
Крест-накрест времена переплетая,
Закрыв глаза и душу обнажая,
Как обнажает комнату окно.
А там, внутри, куда достанет взгляд,
Ни суеты, ни шума, ни веселья.
Лишь полотно моё, да рукоделье,
Да свечи перед образом горят.

* * *

Иногда счастливые союзы
Исчезают там, где каждый прав.
На карнизе загрустила муза,
Лапки воробьиные поджав.

Заперли и душу, и окошко,
Развели ладони и мосты.
Растащили лакомые крошки
Под окном соседские коты.

Тишина. Ни ран, ни столкновений,
Разочарований и потерь...
Только самым радужным мгновеньям
Тоже навсегда закрыта дверь.

Мы давно браниться перестали,
Заблудились в лабиринтах слов.
А когда-то, помнится, летали
И взирали с неба на котов.

Что ж теперь? Обеты все нарушу.
Воля ты, неволя... всё равно!
Распахну заклеенную душу,
Улыбнусь и выпорхну в окно.

* * *

Я люблю тебя. Просто. Без повода.
Как земное родное житьё.
Я люблю тебя. Птицей над городом
Вьётся светлое имя твоё.

Я люблю тебя. Ласково. Яростно
Обнимая планету собой,
Я плыву к тебе лодкой под парусом,
Солнцем — в небо и в руку — звездой.

Я люблю тебя. В радости. В горести.
В каждом миге и шаге твоём,
От разлада с собою до гордости,
Что с тобой в этом мире живём.

Я люблю тебя — ливнями, грозами,
Первобытною силой огня,
Всеми травами, всеми берёзами,
Оберегами всеми храня

Эти дни первозданные, райские,
Где не ведом ни пахарь, ни плуг,
Эти ночи ивано-купальские,
Полнолунный русалочий круг.

Все слова, что ещё не досказаны,
Как молитву, твержу наизусть,
И в сложении нашем и в разности —
Я люблю тебя! Я не боюсь
Потерять это. За расставанием,
За рождением и смертью планет
Нет ни времени, ни расстояния,
Лишь любви исцеляющий свет.

Я люблю тебя. Свято. Неистово,
Как в пустыне воды благодать,
Как неопровержимую истину,
Что всей жизнью нельзя доказать.

Я люблю тебя. Все твои омуты,
Все моря с берегами и без,
Все замки, что тобою разомкнуты
На пути от земли до небес.

Ни цепями, ни братскими узами,
Ни алтарной мольбой не свяжу.
Я люблю тебя — мудростью, музыкой,
Всею, чем в мире живу и дышу

Безоглядно, бесстрашно, безудержно,
Не сорваться и не отступить —
Я люблю тебя! Празднично. Буднично.
И уже не смогу не любить...

* * *

Неподкупным. Настоящим.
Был и будет человек.
Плач души по уходящим,
Покидающим наш век.

Удержать в ладонях детство,
В небо сердце отпустить...
Вечной музыки наследство
Не измерить, не избыть.

Раздарить. Раздать. Объять
Раз за разом раскрывать
Для стократного распятья,
За которым — благодать.

В каждом — звёздная безмерность
От прощений до обид,
Нерастроченная нежность
Родником в пустыне спит.

Но когда взмахнёт десницей
Мастер сквозь потоки лет,
Мир очнётся, сотворится,
Запоёт. И будет свет.

За каким тысячелетьем
Истину узрит пророк...
А пока на этом свете
Вечны музыка и Бог.

* * *

Когда алмазной пылью
Осыплются снега
И месяц, к изобилью,
Поднимет вверх рога —
Придумай сказку эту
И тихо Расскажи:
Про добрую планету
Без зависти и лжи,
Про бережные руки
И кропотливый труд,
Про трепетные звуки,
Что за душу берут.
Про ясные поляны,
Где ландыши звенят,
Про светлые туманы,
Что тайный мир хранят.
Про голос чудотворный
И белоснежный сад —
Коленопреклоненно
Там ангелы стоят.
И расстилает ветер
Для путников постель.
И белые медведи
Качают колыбель.
Пропой над колыбелью
Заветные слова,
Что жизнь зелёной елью
В снегах и льдах — жива.
Что доброта и ласка
Укажут верный путь,
Что былью станет сказка
Твоя когда-нибудь.
И небо засияет
В предчувствии звезды.
И мир тебя узнает.
И улыбнёшься ты.

Лев ЧЕРКАШИН

Сегодня ветер пригибает травы,
В неласковых порывах охладев.
По лету носит город жёлтый траур,
И август — прочь на облачной ладье.

Скользит за ней Тесеев чёрный парус —
То ворон бережёт осенний час.
И, как люблю я, рыжему пожару
Рябин пора уж разойтись сейчас.

Нечётных дней отсчитываю ворох,
Зачётным дням даю слепой карт-бланш,
Сквозь очереди, мимо светофоров
Ищу тебя вокруг. Такая блажь!

Быть может, что тебя другие греют...
Быть может, ты — чернильный след пера...
Средь межсезонья ямбы и хореи
О женщине приятно собирать.

Одна меня забота донимает:
Ударит дождь, и бог тому судья,
Что мы пройдем и, взгляд не поднимая,
Друг друга не заметим ты и я.

Прольётся скоро ливневое зелье,
Но ты, прошу, в единственное верь:
Недаром создавали круглой землю.
До встречи там, где город на Неве.

* * *

Стояла на путях, тревожная, как мысли
Мои, когда с собой случается война.
Поверь, что я тебя из жизни не отчислю,
Не допущу момент, чтоб стала ты «Она».

На стрелке рычагом переправляя поезд
Один, потом второй на смежные пути,
Надеюсь, что Господь нас переплёл на совесть
И скоро унесёт, где прочим не найти.

Науку о тебе бессовестно пророчу,
Кротом вгрызаюсь в почву правды о тебе,
Но с места ты сойти торжественно не хочешь.
К чему же путевой? Он, видимо, плебей.

Уродливые сны. Я сплю и беспокоюсь,
Что молнией цветной надумает промчать
К тебе без тормозов нахальный, скорый поезд,
А я не добегу и не нажму рычаг.

Налево — тишина, направо — беспокойство,
Умноженное на давление извне.
Любовь. Она приходит ветрено и просто,
Но превращает «Да» в бессмысленное «Нет».

Но к чёрту чертежи, заметки и ответы —
Обычный путевой не смеет делать зла.
На стрелке рычагом я двигаю планету
Твою, чтоб ты на ней, пусть без меня, жила.

* * *

Пришла пора. Не стоит бить в набат.
Зима пронзила город незаметно,
И рыхлой белой рябью снегопад
Размыл для взора контуры предметов.

На стёкла клейких хлопьев кружева
Налипли так нелепо, так по-детски.
Они с лучами солнца карнавал
Устроят алюминиевым блеском.

Идёшь вдоль зарисовок декабря,
Где каждый двор и каждый переулок
Себе на память хочется прибрать
К рукам — они стоят без караула.

Сугробы с очертанием машин —
Наброски в недописанном этюде,
Но живописца не растормошить:
Досужий день дремотен, малолюдн.

Страхнув от снега старый воротник,
Ты вспоминаешь прожитые зимы,
События былые, и от них
Движению к весне находишь стимул.

Сегодня город — выставочный зал,
Но здесь у входа не берут оплату,
Возможно потому, что за глаза
Тебя считают тоже экспонатом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Ася, руководитель Лаборатории исследования творчества Института передовых исследований человека и общества. Поэт, художник, иллюстратор.

Бенько Яна, выпускница Школы юных литературных дарований, педагог дополнительного образования, библиотекарь. Победитель конкурса «Молодой поэт Камчатки — 2021», финалист Международного конкурса поэтических переводов «Берега дружбы».

Бурмина Дина, участница литературного клуба «Полуостров вдохновения». «Живу на Камчатке всю свою сознательную и несознательную жизнь... Несмотря на немаленький возраст, — начинающая поэтесса. Первое стихотворение написала в 2019 г., в сорок лет. Сначала писала много. Теперь немного стыдно за свои первые стихи. Они были сильно далеки не то что от совершенства, — от нормы. Зато в ходе их создания отточилась техника, пришло осознание происходящего. Теперь берусь писать лишь тогда, когда не можется не писать...»

Вечканова Ирина, участница литературного клуба «Полуостров вдохновения», творческий псевдоним Ира Мир. «Родилась в Хабаровске, с 2008 г. живу на Камчатке. Начала писать стихи в 2016 г. Также пишу музыку на свои стихи, исполняю песни под гитару. В 2019 г. заняла второе место в поэтическом конкурсе “Вольные берега”, в 2020 г. выиграла Гран-при в поэтическом конкурсе “Молодой поэт Камчатки”».

Германцев Станислав, «матёрый поэт. Способные мальчики и девочки в те времена учились в Школе юных литературных дарований, которую опекал Николай Санеев. Выпускался “Светёлочник”. Устраивались поэтические конкурсы. Я был тогда членом жюри и болел за них вместе с Санеевым. Мальчики вырастали и уезжали. Девочки, как водится, заводили семьи.

Стихи забывались. Станислав уехал в столицу и писать не бросил. Стихи со своим голосом, со своей походкой. Ныне у него в активе около семисот стихотворений. Хватило бы на несколько поэтических книг. Нет, там не публикуется, — почему? — Станислав пожимает плечами. Эта публикация возвращает Германцева на камчатскую землю. Ну, может быть, здесь он нужнее? *Владимир Нечаев*.

Давтян Ани, родилась в Армении, в 1993 г. с родителями переехала в Россию. Школьные и университетские годы прошли в Самаре, с 2014 г. живёт и работает в Петропавловске-Камчатском. «Первые попытки составления рифм и написания стихов предпринимала ещё в школьные годы. А делиться своим творчеством стала уже будучи студенткой. В 2016 г. начала выкладывать свои работы в социальные сети и нашла отклик у читателей».

Дорошенко Анна, родилась на Камчатке, окончила среднюю школу № 26 и университет имени В. Беринга в Петропавловске, учитель русского и английского языков, литературы. «В только что открывшуюся Школу юных литературных дарований пришла в группу Евгения Валериановича Гропянова и осталась навсегда. Даже маленького сына приводила иногда, забегая на другой конец города на занятия к Евгению Валериановичу. Всегда было мало времени, проведённого в его обществе, всегда было ново то, о чём он рассказывал... Очень горжусь, что мой ребёнок тоже имел счастье побывать в этом волшебном месте, был знаком лично с моим прекрасным учителем. Первый маленький сборник моих стихов вышел в 1999 г., второй — в 2005 г. Есть публикации в нескольких сборниках камчатских авторов. Я никогда не стремилась стать поэтом или писателем, но за возможность думать и иногда говорить стихами бесконечно благодарна Е. В. Гропянову и “Светёлке”. С 2008 г. живу в Санкт-Петербурге, работаю учителем в школе. В 2020 г. стала мамой второй раз, родила дочь Марию».

Задирей Алёна, выпускница студии прозы и поэзии «Океан» Школы юных литературных дарований, в литературном творчестве уже более двадцати лет. Её произведения не раз печатались в общих сборниках, а в 2015 г. вышла собственная книга «Серебро».

Зуб Кирилл, родился на Камчатке. Выпускник филологического факультета Камчатского государственного педагогического института. Сейчас живёт в Калининграде. Писать начал рано. Будучи десятиклассником, принёс эссе в редакцию газеты «Вести». К удивлению автора, его напечатали. Потом полтора десятка лет работал на радио, готовил заметки для газет и журналов, занимался рекламой. Короткую прозу «для себя» начал писать ближе к сорока. «Сюжеты прорастали из детства и ранней молодости, подслушанного, подсмотренного или просто нафантазированного». Его рассказы вошли в сборник «Проза LIVE», изданный в Калининграде специально для местных библиотек. Год спустя опубликован в «Балтике» — областном литературном журнале. «Мечтаю написать что-нибудь по-настоящему стоящее».

Карабанова Юлия, участница литературного клуба «Полуостров вдохновения». «Писать прозу и стихи начала в 2018 г. Принимала участие в писательских марафонах, проводимых в то время в одной социальной сети. Неоднократно занимала призовые места. Рассказы и стихи входили в сборники, изданные на платформах «Ридеро», «ЛитРес». Лауреат поэтического конкурса «Вольные берега», краевых литературных конкурсов «Новая проза Камчатки», «Северная сказка. Здесь и сейчас». Любимый жанр — фантастика».

Нечаева Дарья, студентка Камчатского колледжа искусств по классу «Хоровое дирижирование», окончила Петропавловскую детскую музыкальную школу № 6 (художественный руководитель — заслуженный работник культуры Российской Федерации Наталья Владимировна Кознова). Победитель краевых, всерос-

сийских и международных конкурсов в составе хора «Кредо», победитель краевых и всероссийских конкурсов в номинации «Академический вокал». Числится в Государственном информационном реестре одарённых детей России. Пишет стихи с 2012 г., участник и победитель городских и краевых конкурсов чтецов. Любимый литературный жанр — антиутопия.

Норд Дарья, выпускница филологического факультета Камчатского государственного университета имени В. Беринга. Победительница конкурса «Поэт года — 2019» и краевого фестиваля-конкурса поэтического творчества «Звуки поэзии». С 2020 г. — участница Санкт-Петербургского отделения Dark Romantic Club. Участница поэтической школы Всероссийского форума молодых деятелей искусства «Таврида» в 2019 г. и чемпионата поэзии имени Маяковского в 2020 г. Член камчатского творческого объединения «Полуостров вдохновения», организатор литературных вечеров в Петропавловске.

Первушина Анастасия, выпускница Школы юных литературных дарований. «На пути развития литературного дара мне были даны удивительные учителя и наставники. Под водительством Евгения Валериановича Гропянова я окончила Школу; под началом Анатолия Андреевича Устинова Камчатский государственный университет ежегодно издавал сборник прозы и поэзии молодых авторов “Тетрадь в клетку”. В 2010 г. университет выпустил мой персональный сборник “Ошибка. Чистосердечное признание”. Я тогда училась на третьем курсе филфака. Литературные вечера в стенах нашего же университета вела Галина Альбертовна Токарева, делая ценнейший самобытный вклад в наши взрослеющие умы и сердца... Едва ли я когда-то занималась чем-то одним. И вряд ли хотела бы по-другому. На сегодня ведущей деятельностью является психологическое консультирование. В стихах отражены мои отношения с собой и с миром, восприятие жизни и стремление раскрыть её ценность».

Пушкарёв Павел, выпускник Школы юных литературных дарований. «Пришёл в “Светёлку” со стихами в 1997 г. в студию поэта Евгения Сигарёва. Из довольно объёмной поэтической подборки были одобрены только пять строчек. В результате посещения студии стали появляться новые тексты. Через год Сигарёв уехал на материк, пришлось перейти в студию Евгения Гропянова. В “Светёлку” ходил вплоть до отъезда на материк в 2008 г. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Стихи и проза публиковались во многих ведущих литературных изданиях». Участвовал в различных семинарах и совещаниях писателей России, в 2019 г. вышла книга рассказов.

Рудькова Татьяна, выпускница Школы юных литературных дарований 1998 г. «Учитель русского языка и литературы, иногда думающий стихами».

Самсонова Екатерина, родилась в Петропавловске-Камчатском. «Классе в восьмом нас привели на экскурсию в писательскую “Светёлку”. Как раз незадолго до этого я написала своё первое осмысленное стихотворение. Прочитала его Евгению Валериановичу Гропянову, получила одобрение и осталась надолго. Мне трудно сказать, в каком же году я “выпустилась”, потому что меня оставляли на “второй год”, чтобы я не потерялась и не забросила литературное творчество. Потом я писала. Потом не писала. Вернулась в Школу литературных дарований в качестве педагога и год проработала бок о бок с Евгением Валериановичем. Считаю своим огромным везением, что однажды попала в чудесный мир “Светёлки” и в поле зрения Гропянова. Сейчас пишу мало, больше стараюсь помочь начинающим и продолжающим».

Саушкина Кристина, родилась на Камчатке в посёлке Оссора. В 1984 г. переехала с родителями в Елизово, где с 1990 по 1996 г. обучалась в детской художественной школе у заслуженного художника России Михаила Александровича Лузина (в настоящую пору школа носит его имя). Начально-подготовительное

художественное образование получила у художника Валерия Фёдоровича Крутова. В четырнадцатилетнем возрасте состоялись первые персональные выставки картин в Елизово и Петропавловске. Окончила Новоалтайское художественное училище, отделение графического дизайна. С 2003 г. работает преподавателем Елизовской детской художественной школы. Участница краевых, зональных и региональных выставок, творческих вечеров, с 2006 г. — член Союза художников России. «Направление и жанр в свободном творчестве — сюрреализм, абстрактный экспрессионизм, символизм, классика, декоративное направление. Творческое кредо: душа и мастерство должны развиваться и трансформироваться!» График-иллюстратор более двадцати камчатских литературных книжных изданий, дизайнер. Заочно окончила Школу юных литературных дарований, студию Радмира Александровича Коренева. Участница изданий «Земля над океаном», «Камчатка», сборников прозы и поэзии молодых авторов Камчатского края. В 2013 г. выпустила книгу философской поэзии «Дом с витражами».

Тетрад Анастасия. «Так бывает: приходит незнакомый человек с улицы, читает что-то невнятно, сбивчиво, и слова неудобные, а тебя охватывает оторопь. И откуда это у него? В большинстве случаев мы не готовы принять новое, потому что, на наш взгляд, написано неправильно. Однако слушаешь, поскольку забирает. Едва успеваешь поворачиваться вслед за рифмой: мужская, женская, мужская... Вступаешь в магию хоровода. Закольцованные стихотворные окончания. Сначала музыка, потом смысл. Вот и с Настей Тетрад так случилось. И я был одним из слушателей. “Неплохо”, — осторожно и где-то снисходительно оценил. Видал я проходящих девочек, подающих надежды, искромётных и талантливых. Во времена Сигарёва они обычно подсаживались поближе к осанистому мэтру, ловили книжные откровения, а мэтр благосклонно взирает на своих ведомых. Потом талантливые девочки выходили замуж, рожали детей. Оставалось только юбилейно-здравное или клинически-газетное. Женщина почти всегда обращалась в стихах

к мужчине как к повелителю и господину, но без почтения и с долей превосходства: женщина знает о мужчине то, чего тот о себе не знает. Тайная или явная власть женщины выдаёт себя в гаданиях, пророчествах, в невинной, на первый взгляд, стихотворной строке. Я слушал Настю и думал: “Зачем она взваливает это на себя?” Язык даётся нам в оправдание и спасение. Предельность человеческой жизни подвигает направить лодку против ветра. Пусть и галсом, но обогнуть оконечность, заглянуть за край. И не разочароваться, увидев там, дальше, следующий мыс. Игра, в которой мы физически обречены проиграть. Немногие проигрывают с достоинством. Что и отличает их, прошедших опыт посвящения невиданному, от простых смертных. Невиданное, небывалое, фантастическое — вот что забирает в языке. Парадоксальность языка позволяет обратить сказочную избушку к лесу (читай: к смерти) задом, а к вопрошающему — передом, чтобы задать главный и всегда последний вопрос, потому что Яга переменчива в своем настроении. “Чудо, чудо! — говоришь ты себе. — Ну как это тебе удалось, найти верную, нужную строчку и не потерять нить смысла?” Поживём — увидим: удастся ли Анастасии Тетрад не заблудиться в своём лесу. Во всяком случае, она владеет волшебным секретом и умеет им пользоваться...

Вышеприведённое было изложено чуть больше двадцати лет назад на странице камчатской литературной газеты “Три Брата”, как предисловие к первой подборке стихов Анастасии Тетрад. За это время в жизни Насти много чего случилось. И было исписано много бумаги со стихами. Недавняя встреча показала, что нет, не заблудилась Настя в своём волшебном лесу. Пусть поэзия и не стала главной в жизни. Пускай пришли другие заботы. Но остаются где-то найденные удачные слова, остаётся музыка. В наше оправдание и утешение. Сказано однажды: “Имена ваши написаны на небесах”. *Владимир Нечаев*».

Фёдорова Валентина, выпускница Школы юных литературных дарований студии прозы и поэзии «Парус» Евгения Валериановича Гропянова. Окончила среднюю школу № 10 в Петропав-

ловске, затем Камчатский государственный университет имени В. Беринга. Работала педагогом дополнительного образования в Центре творческого развития и гуманитарного образования, ныне — художник-фрилансер.

Чередниченко Нина, музыкальный руководитель Петропавловского детского сада № 11. Родилась в городе Алейске Алтайского края, здесь окончила школу искусств по специальности «аккордеон». С 1992 г. — музыкальный руководитель в детсаду Алейска. В 2001 г. окончила Алтайский краевой колледж культуры, режиссёр театрализованных представлений. В 2014 г. окончила филфак Алтайской государственной педагогической академии, учитель русского языка и литературы. В 1992—2021 гг. — артист оркестра народных инструментов имени Н. Н. Акатова, автор концертных программ. С 1992 г. — участник литературной студии «Маяк» (Алейск), автор и редактор ряда стихотворных сборников, автор музыкальных сказок, стихотворений и песен для детей, гимна города Алейска. Лауреат и победитель краевых и всероссийских педагогических и поэтических конкурсов, занесена в общероссийскую энциклопедию «Лучшие люди России» (2004 г.).

Черкашин Лев, родился в 1992 г. в Елизово. Актёр, режиссер, поэт, преподаватель художественного слова, победитель, лауреат и призёр международных, всероссийских литературных и театральных конкурсов и фестивалей. В 2017 г. окончил Санкт-Петербургский государственный институт культуры, кафедру режиссуры и мастерства актёра. Член Общероссийской общественной организации «Российский союз писателей».

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	3
---------------------	---

Проба пера

Полина Де	5
Милена Дубовская	7
Дарья Иванова	8
Иван Ковальков	12
Егор Косицын	16
Мария Куклина	19
Софья Лаптева	23
Екатерина Мальцева	34
Татьяна Миронова	38
Ульяна Мурадова	41
Сергей Назимов	47
Вероника Педос	52
Аурика Пикалова	54
Данила Попов	57
Ксения Смирнова	62
Антон Тихомиров	70
Надежда Фанова	72
Руслан Четырин	75
Сведения об авторах	77

Я возьму и открою тетрадь...

Ася Беляева	79
Яна Бенько	87
Дина Бурмина	96
Ирина Вечканова	110
Станислав Германцев	120
Ани Давтян	123
Анна Дорошенко	124
Алёна Задирей	130
Кирилл Зуб	131
Юлия Карабанова	152
Дарья Нечаева	174
Дарья Норд	177
Анастасия Первушина	180
Павел Пушкарёв	182
Татьяна Рудькова	197
Екатерина Самсонова	203
Кристина Саушкина	211
Анастасия Тетрад	228
Валентина Фёдорова	230
Нина Чередниченко	236
Лев Черкашин	259
Сведения об авторах	262

Мы — Северо-Восток

Литературный сборник камчатских авторов

Вёрстка *О. И. Набутовской*

Корректор *Л. В. Орлова*

Подписано в печать 21.11.2025. Формат 60х90/16.

Печать офсетная. Тираж 150. Заказ

Издательство ООО «Новая книга»

683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60

Тел./факс 8 (4152) 41-12-60, 43-21-84

Отпечатано в ОАО «ИПК «Дальпресс»»

690950, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10